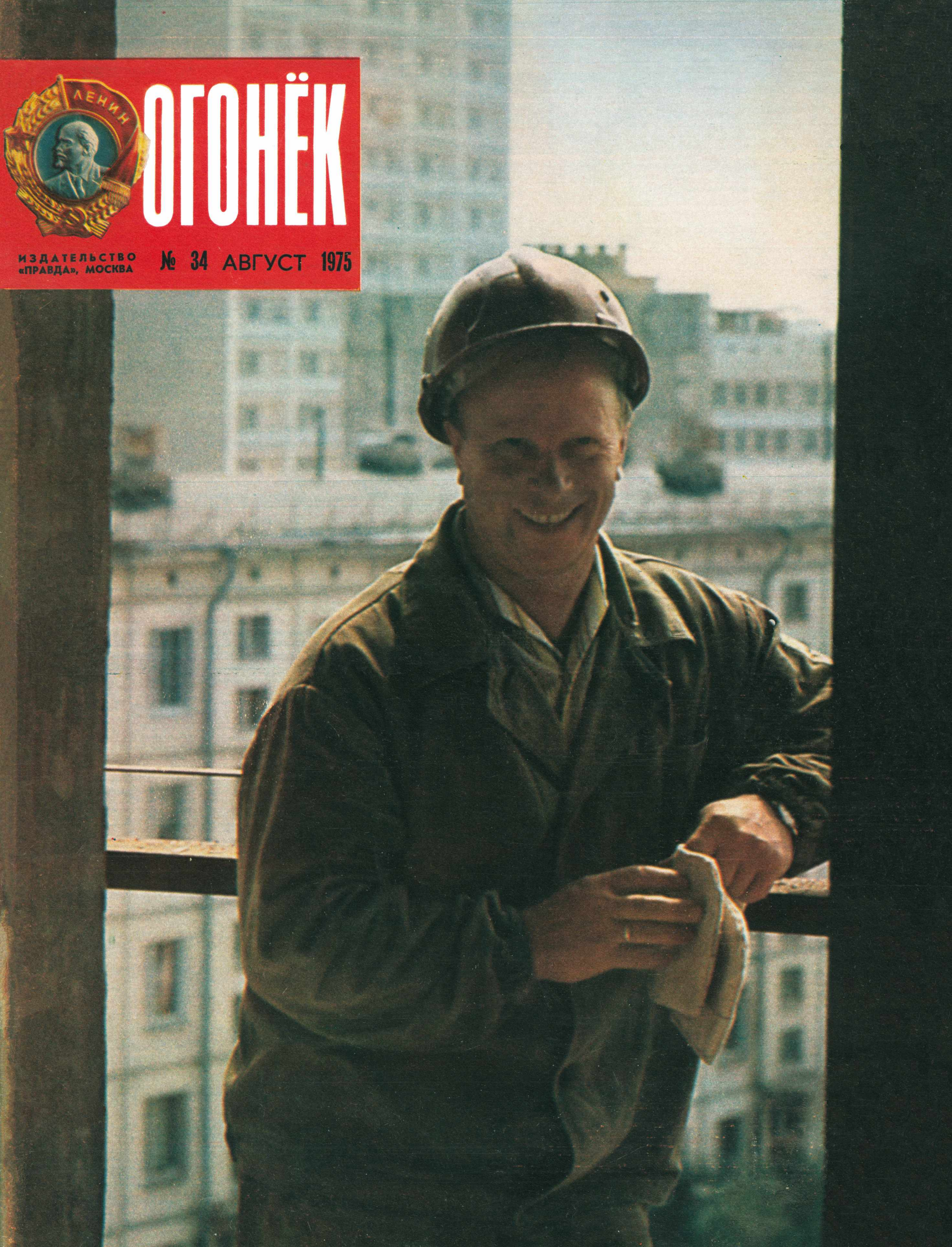

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 34 АВГУСТ 1975

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 34 (2511)

23 АВГУСТА 1975

НАСЛ

1972 год. Герои первых пятилеток — участники встречи в «Огоньке»: М. И. Виноградова, Л. Г. Анкудинов, П. Ф. Кривонос, А. Г. Стаханов, Мамлакат Нахангова, М. С. Демченко (первый ряд); К. А. Борин, М. Г. Белик, Т. В. Федорова, А. Х. Бусыгин, И. И. Коробов, И. И. Гудов, Е. А. Джапаридзе, М. М. Привалов (второй ряд).

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Сорок лет назад августовской ночью в донецкую шахту спустился молодой, никому не известный горняк Алексей Стаханов. А через шесть часов, ранним утром, сотни людей встречали его как триумфатора — с оркестром и цветами. И вот уже сорок лет его имя звучит символом трудового подвига. В историю страны навечно вошли последователи Алексея Стаханова: сталевар Макар Мазай, трактористка Паша Ангелина, обувщик Николай Сметанин, ткачихи Дуся и Маруся Виноградовы... Всему советскому народу известны новаторские свершения тех лет машиниста Петра Кривоноса, кузнеца Александра Бусыгина, свекловода Марии Демченко, хлопкороба Мамлакат Нахангової, комбайнера Константина Борина, фрезеровщика Ивана Гудова, проходчицы Татьяны Федоровой...

Три года назад герои первых пятилеток, зачинатели стахановского движения, приезжали к нам в редакцию. За «круглым столом» они рассказывали о себе и о своем времени.

Недавно гостями «Огонька» были наследники стахановских традиций в промышленности и сельском хозяйстве наших дней, правофланговые девятой пятилетки, люди, которым дороже всего на свете истинно коммунистическое отношение к труду. Какие они! Что свершили! К чему стремятся!

Первое слово—шахтеру.

Продолжение см. на стр. 5.

1975 год. Правофланговые девятой пятилетки: Михаил Сорокин, Регина Перехоткина, Елена Амосова, Артык Шералиева, Николай Злобин (первый ряд); Самат Гатауллин, Геннадий Смирнов, Алексей Уханов, Сергей Цецегов (второй ряд).

Фото А. ГОСТЕВА

ЕДНИКИ

ДЕЛОВАЯ И ОТКРОВЕННАЯ БЕСЕДА

Во время беседы. **Телефото спец. корр. ТАСС В. СОБОЛЕВА и Ю. ИЛЬЕНКО**

14 августа Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Ялте находившуюся в Советском Союзе с официальным визитом делегацию палаты представителей конгресса США во главе со спикером палаты К. Альбертом. В деловой и откровенной беседе были затронуты вопросы советско-американских отношений, а также некоторые международные проблемы.

Л. И. Брежнев подчеркнул важное значение достигнутого в последние годы существенного улучшения отношений между СССР и США, которое, как показывает жизнь, отвечает интересам советского и американского народов, способствует оздоровлению международной обстановки, укреплению всеобщего мира. Отмечая роль высших законодательных органов в углублении взаимопонимания и утверждении дружественных отношений между народами, обе стороны подчеркнули важность и полезность продолжения регулярных связей и контактов между Верховным Советом СССР и конгрессом США.

В беседе приняли участие с советской стороны — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. П. Рубен, депутаты Верховного Совета СССР.

15 августа делегация американских конгрессменов отбыла на родину.

---

29 АВГУСТА — 31-Я ГОДОВЩИНА СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ

В ОДНОМ

Владимир
МОЛОЖАВЕНКО

Среди моих скромных боевых наград есть чехословацкая партизанская медаль, которой я особенно дорожу. Это память о совместных боях нашей дивизии и словацкой партизанской бригады имени Чапаева в Высоких Татрах, память об августе 1944 года, когда в Словакии вспыхнуло пламя восстания.

После жестоких боев в лесах Верхнего Грона наши войска вышли к Банска-Бистрице — столице партизанского края. Справа и слева от нашей дивизии гитлеровцы еще пытались сдержать наступление советских частей. Нам повезло: мы шли от одного местечка к другому, от села к селу, где хозяевами были повстанцы.

На коротких привалах мы делились с партизанами махоркой и сухим пайком, отдавали лишнюю пару белья и портянки. И познакомиться-то едва успевали: еще не догорал костер, а мы, простившись, уходили дальше, на запад.

Как раз в этих местах родилась в августе 1944 года повстанческая бригада, которую возглавлял Дибров — подполковник Советской Армии. На горе Рог, там, где он погиб в схватке с карателями, я видел монумент, сложенный из дикого камня жителями окрестных сел. Каждый год в ночь на двадцать девятое августа ветераны бригады Диброва зажигают здесь огонь и при свете пламени читают список тех, кто покоится в партизанской могиле. Их сорок пять. Словацкие, чешские, французские, венгерские имена... И два русских: Борис Шереметьев и Николай Скрипниченко...

Пожелтевшие от времени снимки Бориса и Николая — учителя из Подмосковья и врача из Киева — я видел в доме Ярмилы Супковой (Славиковой) — учительницы из словацкого села Бзинце-под-Яворйной. Карточки делал сельский фотограф, когда понадобилось изготовить для партизан словацкие паспорта. Берегут в этой семье и другие реликвии — партизанские печати, документы погибших односельчан. Мне показали и «трофеи» Бориса — солдатские книжки гитлеровцев и железные кресты. Облачившись в эсэсовский мундир, Шереметьев добывал важные разведывательные данные.

Фашисты бросили против бригады Диброва отборную дивизию СС «Эдельвейс» и все-таки не могли сломить оборону повстанцев. И тогда пошли на хитрость: одели эсэсовцев как партизан и заслали в тыл бригады. Когда патриоты поняли, в чем дело, было уже поздно: их окружили. С остатками отряда партизанский командир капитан Угр пробился в горы и соединился с бригадой имени Щорса, которой командовал мой земляк, ростовчанин Анатолий Снежинский.

Это был удивительный человек. Я познакомился с ним уже после войны. А в ту осень сорок четвер-

Встреча Э. Герека и П. Ярошевича с А. Н. Косыгиным.

Телефото ЦАФ — ТАСС

ДРУЖЕСКИЙ ВИЗИТ

По приглашению Политбюро Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии и Совета Министров Польской Народной Республики 11 — 12 августа в Польше с дружеским визитом находился член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек имел встречу и беседу с А. Н. Косыгиным, прошедшую в сердечной, товарищеской обстановке, в духе полного взаимопонимания.

Состоялись также беседы между А. Н. Косыгиным и членом Политбюро ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров ПНР П. Ярошевичем.

А. Н. Косыгину был вручен польский «Орден заслуги» с большой лентой, которым он награжден Государственным советом ПНР.

СТРОЮ

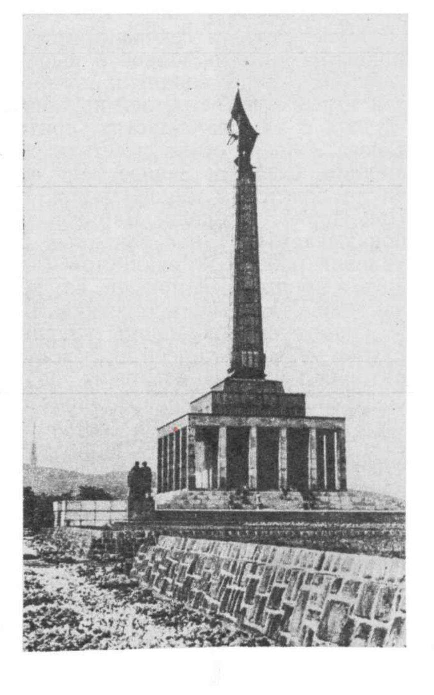
того Снежинскому исполнилось двадцать пять лет. Три года партизанил в Польше и Белоруссии, командовал на Украине соединением имени Боженко. Потом вместе с группой словацких антифашистов был направлен в Татры.

При высадке десантников обстреляли. Снежинский чудом приземлился с пробитым пулями парашютом и один, не зная языка и местности, отправился в условленное место, на хутор. Там его уже ждали друзья. Ждали, чтобы встретить хлебом-солью, вручить шестнадцать тысяч крон, собранных крестьянами для партизанской «армады», и сообщить о первой победе: все фашисты и жандармы в округе перебиты или арестованы. Старый крестьянин Павел Кроваржик, в хате которого находился повстанческий штаб, сказал Снежинскому, что вступает в отряд вместе с четырьмя детьми — Анчей, Яном, Миланом и Палькой. Все они потом стали хорошими разведчиками.

Бригада Снежинского полностью контролировала обширный район Татр от Тренчина до Банска-Бистрицы, от Илавы до Братиславы. Понимая, что справиться с повстанцами не так-то просто, гитлеровцы бросили против них карательную эсэсовскую бригаду Дирлевангера, состоявшую из отпетых уголовников. Два дня спустя берлинское радио сообщило, что партизаны смяты и рассеяны. А в действительности была основательно потрепана бригада эсэсовцев. Снежинский же увел повстанцев в горы и соединился с частями Советской Армии.

В одном из сел я видел школу имени Снежинского. Его знают и помнят в Словакии. Знают и о последнем подвиге партизанского командира: он погиб уже в мирное время, спасая ребенка на улице. Во многих городах и местечках видел я улицы и площади, названные именами павших.

В августе прошлого года в Братиславе был торжественно открыт величественный памятник Словацкому национальному восстанию. Пылает Вечный огонь у братских могил, там, где тридцать лет назад горели партизанские костры. Приходят к памятникам погибшим их боевые соратники. Вместе с сыновьями и внуками встают они в почетный караул, и в одном строю с ними — те, кто погиб во имя жизни.

Братислава. Памятник советским воинам.

Фото А. УСТИНОВА

ЕВРОПА ПОСЛЕ ХЕЛЬСИНКИ

Георгий КУЗНЕЦОВ

Толстая книга, переплетенная в обложку зеленого цвета и содержащая текст Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе на русском, английском, французском, немецком, испанском и итальянском языках, с подписями высших руководителей 33 европейских стран, США и Канады, сдана в Государственный архив Финляндии, где она должна храниться вечно. Эта формальная церемония стала словно бы эпилогом хельсинкского форума, который не имел себе равных в истории.

Однако передача в архив документа, отражающего общую политическую волю 35 государств, отнюдь не означает подведения черты под общеевропейским совещанием. Принятая в ходе третьего этапа совещания «хартия международного сотрудничества», как назвала Заключительный акт мировая пресса, подведя необходимый политический итог второй мировой войны, итог прошлому, всем своим содержанием обращена в будущее.

Этот документ «установил критерии международного поведения государств и поведения в отношении отдельных лиц, критерии более высокие, чем те, которые до сих пор знала значительная часть Европы», — отмечала английская газета «Гардиан». Но правила поведения всегда и везде предполагают их неукоснительное выполнение. Комментируя работу заключительного этапа, японская газета «Майнити дейли ньюс» особо отмечала следующее: «Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев заявил, что первоочередная общая цель участвующих государств — успешно претворить в жизнь то, о чем они договорились в Заключительном акте. Президент Форд, говоря о Заключительном акте и о совещании, сказал, что история будет судить участников по тому, что они будут делать завтра. Из обоих заявлений явствует, что Хельсинки — это только отправная точка для дальнейшего движения вперед».

Это движение может и должно проходить по нескольким направлениям, из которых главное ведет к тому, чтобы дополнить политическую разрядку разрядкой военной. И Советский Союз — последовательный сторонник того, чтобы военная разрядка получила дальнейшее развитие. Для этого существует немало возможностей. Одна из первоочередных задач в этом плане — найти путь к сокращению вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе без ущерба для безопасности кого бы то ни было. Стоит подчеркнуть, что СССР, другие страны социалистического содружества внесли на венских переговорах целый ряд конструктивных предложений для достижения этой цели, в том числе с учетом позиции представителей западных держав. Однако очередной раунд переговоров закончился в июле, не принеся результатов. В Хельсинки президент Дж. Форд заявил, что Соединенные Штаты готовы проявить необходимую гибкость. Премьер-министр Великобритании Г. Вильсон сказал: «Я надеюсь, что мы сможем достигнуть прогресса в области сокращения вооруженных сил в Европе». Хотелось бы надеяться, что высказанные таким образом намерения скажутся на позиции западных делегаций, когда участники переговоров вновь соберутся в Вене.

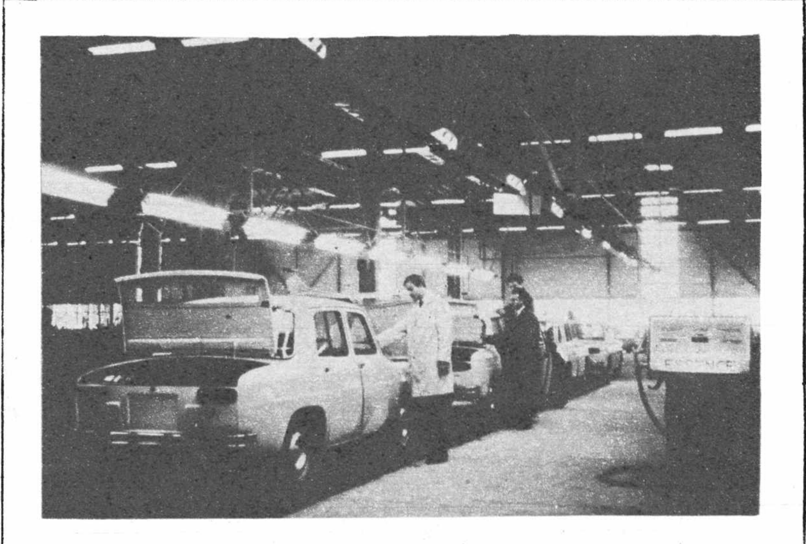
Серьезным вкладом в дело дополнения политической разрядки разрядкой военной служат советско-американские переговоры по ограничению стратегических наступательных вооружений, новый импульс которым придали беседы в Хельсинки Л. И. Брежнева и Дж. Форда.

Просматривая сейчас прессу Запада, нельзя не обратить внимание на то, что вопрос о выполнении решений совещания определенные круги сводят к претворению в жизнь лишь положений так называемой «третьей корзины» — о сотрудничестве в гуманитарных и других областях, притом только со стороны Советского Союза. Однако стоит заметить, что это улица с двусторонним движением. Странам Запада надо во много раз увеличивать, скажем, число советских кинофильмов, демонстрирующихся на экранах Нью-Йорка, Лондона, Парижа, чтобы приблизиться к количеству показываемых у нас западных лент. Да и в области улучшения условий работы журналистов Западу есть место для прогресса — ведь в прошлом, например, случались ничем не обоснованные отказы в визах советским газетчикам.

Говоря о выполнении решений совещания, нельзя ни в коем случае забывать о всей их совокупности. Так, соседняя с «третьей» «вторая корзина» содержит подробно разработанную программу сотрудничества в области экономики, науки и техники и окружающей среды. Это очень широкое поле деятельности. И совместные усилия на этом поприще могут и должны принести непосредственные выгоды всем людям, без различия их государственной или социальной принадлежности.

Европейская безопасность связана с неукоснительным соблюдением принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем. А эта проблема — содержание «первой корзины». Произвольно разделять единый документ — значит идти против его сути. Советский Союз будет выполнять принятые решения. Этого же наша страна ожидает и от всех других участников встречи в Хельсинки.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

23 АВГУСТА — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ РУМЫНИИ ОТ ФАШИСТСКОГО ИГА

ОБЛИК НОВОГО

Этот снимок сделан у конвейера, где рождаются машины «Дачия». Я помню, как мы стояли с Михаем Думитру, генеральным директором крупнейшего в стране завода легковых автомобилей, на плоской крыше высотного административного здания комбината. Перед нами открывалась впечатляющая панорама автостроительного комбината с густой сетью подъездных путей, рядами цехов, складов. Вдали виднелись очертания городка автостроителей, население которого уже перевалило за 60 тысяч. Меж зеленых холмов к нему убегала серебристая лента нового шоссе.

— Несколько лет назад здесь был пустырь,— говорит Михай Думитру,— а теперь на комбинате работает 16 тысяч человек. Выпускаем свыше 53 тысяч легковых автомашин в год. Строительство этого гиганта стало возможным благодаря индустриализации страны, в осуществлении которой мы опираемся на братскую помощь стран социалистического содружества. Социализм полностью изменил облик нашей страны, судьбу народа. Я, токарь Брашовского авиаремонтного завода, получил высшее образование, стал депутатом Великого Национального собрания, членом ЦК РКП, Героем Социалистического Труда.

Моя жизнь и история нашего завода — лишь один пример коренных преобразований в жизни страны, происшедших с 23 августа 1944 года.

В. Клименко, корреспондент ТАСС.

ИЗ ПЛЕЯДЫ ПРОМЕТЕЕВ

В летопись борьбы за победу Советской власти золотыми буквами вписаны имена героев Бакинской коммуны, во главе которой стоял несгибаемый большевик-ленинец, выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства Степан Георгиевич Шаумян. В Баку по случаю открытия памятника Шаумяну состоялся многолюдный митинг трудящихся, на котором первый секретарь ЦК КП Азербайджана Г. А. Алиев сказал: «Степан Шаумян — из плеяды Прометеев, подаривших огонь людям. Революция была его стихией, борьба за коммунизм, дружбу и братство народов — глубоким смыслом жизни».

Авторы монумента — скульптор, народный художник СССР П. Сабсай, народный архитектор СССР М. Усейнов, художник Л. Сабсай.

НАСЛЕДНИКИ

Начало см. на 2-й странице обложки

Мы — тысячники, миллионеры...

Геннадий СМИРНОВ,
член Президиума Верховного Совета СССР,
Герой Социалистического Труда,
бригадир горнорабочих шахты «Юбилейная»,
производственного объединения «Гидроуголь»

Он богатырской стати: высок, крепок, широк в плечах. Он в два раза моложе Алексея Григорьевича Стаханова — родился семью годами позже знаменитого рекорда. Его бригада пока единственная в стране, добывшая за год полтора миллиона тонн угля.

— Рекорду Алексея Стаханова сорок лет. Кажется, так далеко это от нас, так давно это было: еще, мол, до войны, а мы родились в войну или после нее. Учились горняцкому делу в шестидесятые годы, когда страна по добыче угля вырвалась вперед и обогнала всех, даже США. В шахты пришла новая техника, о которой раньше и не мечтали. И все равно Стаханов для нас, молодых, был и остается путеводной звездой. Все равно как красная звездочка на копре. Спешит шахтер на смену и радуется, когда она горит: это значит, дела идут на шахте хорошо. И хочется ему самому сработать еще лучше, чем сменщики. Подзадоривает эта звездочка! Так и рекорд Стаханова нам всем, шахтерам, светит и зовет вперед. После него много было поставлено рекордов, и Никитой Изотовым, и Лукой Голоколосовым, и Александром Кольчиком, и Николаем Кочетковым... Но он, Алексей Стаханов, среди шахтеров был самым первым, как Гагарин среди космонавтов. Первым осмелился пойти на штурм старого, навстречу неизведанному. Его ученики, его сподвижники — люди стахановской гвардии, стахановской закалки выводят на большую дорогу молодежь, и снова рождаются рекорды. Но качественно и количественно иные рекорды, в других масштабах, в других единицах измерения. Счет идет не на сотни, а на тысячи и миллионы тонн, участвуют не отдельные люди, а большие коллективы, бригады и участки, обслуживающие комплексно-механизированные лавы. Иначе и не может быть: шахты оснащены высокопроизводительной мощной горной техникой, и только всесторонне эффективное ее использование может обеспечить успех.

Для нас, шахтеров, особенно памятен 73-й, решающий год девятой пятилетки. Он выдался на редкость «урожайным» в угольной промышленности. Сначала бригада Владимира Мурзенко побила рекорд бригады Ивана Стрельченко. Затем инициативу перехватил участок Отари Ишхнели из Караганды. Но ненадолго. Анатолий Таценко вернул лидерство шахтерам Украины. Кое-кто подумал: теперь все, не вырваться отсюда, с родины стахановского движения, рекордам. Но бригадир Михаил Чих, знаменитый Чих, что по соседству, совсем рядом, под Ростовом, не дремал: рывком поднял на-гора, как земляк Алексеев чемпионскую штангу над головой,— 237 тысяч тонн угля за месяц. Члены постоянной комиссии СЭВ по угольной промышленности, заседавшие в те дни в городе Шахты, устроили его бригаде овацию. Это был мировой рекорд! Но и он был побит. Мы тогда, сибиряки, поднажали и к Октябрю округлили счет: наша бригада добыла гидравлическим способом миллион тонн угля. В эти же дни миллионером стала бригада Мурзенко. За прошлый, 1974 год в сословие миллионеров прочно вошли бригады Михаила Чиха и Анатолия Таценко. Такой уровень сравнительно недавно был по силам лишь крупным шахтам, на которых трудятся несколько тысяч человек. На подступах к полумиллиону и миллиону еще около шестидесяти бригад и участков.

А с чего же все началось? С движения тысячников, с движения бригад и участков, стремящихся добыть из одного очистного забоя тысячу и более тонн угля в сутки. Вначале были десятки таких бригад, теперь около пятисот. За прошлый год коллективы тысячников дали более четверти подземной добычи угля и сланцев. Леонид Ильич Брежнев очень тепло говорил в своей речи перед избирателями Бауманского района Москвы о тысячниках, назвал их передовиками шахтерского труда. Упомянул он и наши бригады миллионеров, и вы, конечно, понимаете, как это окрылило и вдохновило нас! Я как раз был дома, сидел у телевизора, видел передачу. И вдруг слышу свою фамилию — сердце так и захолонуло, еле дождался утра, чтоб поделиться радостью с товарищами. Мы собрали общеучастковый митинг, а потом митинг всей шахты. Пересмотрели свои обязательства, решили от имени бригады послать письмо Леониду Ильичу Брежневу.

ВОПРОС. Сейчас всего несколько бригад-миллионеров. Могут ли и другие бригады подойти к этому заветному рубежу? Что им мешает?

ОТВЕТ. Имеют значение и горногеологические условия. Но самое главное люди, те, которые работают в бригаде и на шахте. Нужна большая инженерно-техническая подготовка, научная организация труда. Надо продумать, как этот миллион не только извлечь, но и отправить потребителю, ведь это же горы угля! У нас, на «Юбилейной», вопрос решается оригинально: коксующийся уголь вывозится не вагонетками, а подается по трубопроводу прямо к домнам Запсиба. Это самый прогрессивный способ. И конечно, велика роль людей — исполнителей. От нас, работающих под землей, требуется своего рода искусство, а искусство мастеров приходит не сразу к шахтеру. Одним удается освоить профессию быстрее и достичь «потолка», другие идут долго. Когда Стаханов устанавливал свой рекорд, шахтерам известны были только отбойный молоток и врубовка, особой теоретической подготовки и не требовалось. Современные горняки прекрасно подкованы. В нашей бригаде, например, пять человек имеют высшее образование, восемь человек окончили горный техникум, учусь в техникуме и я, очень много у нас ребят со средним образованием. Они уже и армейскую школу прошли. Им гораздо легче осваивать технику, особенно под руководством таких звеньевых, как у нас. Это люди большого ума, с большим производственным стажем и жизненным опытом. Не случайно же по нашим, горняцким предложениям внесены изменения в комбайн «К-56МГ», на котором мы работаем. Свой опыт передаем другим. В нашей бригаде три месяца работали машинисты комбайнов с гидрошахты «Красногорская», потом туда поехал и показал там высший класс добычи угля Герой Социалистического Труда Николай Романцов. Уверен, что так же постигают передовой опыт и другие бригады и участки. Потому и растет число тысячников. От стахановского движения — к движению тысячников и миллионеров, вот к чему пришли шахтеры за сорок лет. Когда будут подведены ко Дню шахтера итоги, с гордостью примут достойные того коллективы специально учрежденные призы имени Алексея Стаханова. Его портрет открывает галерею Героев Социалистического Труда, установленную в здании Министерства угольной промышленности СССР,— Алексей Григорьевич, как всегда, наш правофланговый!

Смотреть вперед!

Сергей ЦЕЦЕГОВ,
член Президиума Верховного Совета СССР,
Герой Социалистического Труда,
токарь авиационного завода имени Серго Орджоникидзе

Грозной осенью 1941 года из Москвы в Горький был направлен депутат Верховного Совета СССР первого созыва Иван Иванович Гудов. Ему было поручено как можно скорее заняться внедрением скоростных методов резания металла на промышленных предприятиях. К этому времени у него была уже громкая слава. Никто не ставил таких рекордов, как он.

Из Горького и Сергей Степанович Цецегов. Не встречались ли они там в ту пору? Наш корреспондент позвонил Ивану Ивановичу: «Цецегов! Нет, к сожалению, не знаю такого». Но часа через два Гудов позвонил в редакцию сам: «Нашел! Цецегов выступал с большой статьей в «Социалистической индустрии». Видать, специалист он высокого класса. Второй раз избирается членом Президиума Верховного Совета. У меня есть вырезка статьи. Прислать вам? Я ведь собираю все материалы о стахановцах и тридцатых и семидесятых годов. Но с Цецеговым, к сожалению, не знаком. Он ведь совсем молодой человек еще, лет пятидесяти»...

— Мое поколение называют военным. Война опалила нашу юность и сразу сделала взрослыми. В сорок первом мне не было еще и двадцати. Но я уже третий год стоял за токарным станком и добрым словом вспоминаю своего учителя Николая Дмитриева.

НАСЛЕДНИКИ

Я начинал работать на судоремонтном заводе котлочистом. Дело было зимой, пароходы стояли. И надо было готовиться к весенне-летней навигации. А весной попал к Дмитриеву учеником, а потом стал его помощником. Хороший был у меня учитель. Помню, в нашем цехе висела доска, разделенная на две части, половина красная — половина черная. Мой учитель всегда на красной доске был, до самого фронта. Потом погиб он на войне.

Дмитриев учил меня затачивать резцы, читать чертежи, придумывать приспособления. Как все это пригодилось, когда я перешел на авиационный завод! О гудовских рекордах, конечно, слыхал, но вначале не мог и мечтать о такой производительности труда. Гудов же самородок, у него голова инженера и руки мастера! Но вот стали создаваться фронтовые комсомольско-молодежные бригады. Меня назначили бригадиром. Все в бригаде были «зеленые», и я чуть не самым старшим оказался тут. По ночам налетали фашистские самолеты, бомбили. Но мы все равно работали, едва сирена давала отбой — становились к станкам. Нормы выполняли на двести — триста процентов.

Тогда в газетах появилась фамилия Босый — фрезеровщик из Нижнего Тагила. Сегодня тут шел разговор о шахтерах-тысячниках. В войну тоже были тысячники, но иного рода. Босый выполнил нормы на 1 480 процентов. Его фамилия была упомянута даже в сводке Совинформбюро. Нас всех это сообщение взбудоражило. Нам тоже захотелось попробовать свои силы. Побежали сперва в комитет комсомола, потом к начальнику цеха. Стали думать, что и как сделать, чтобы поднять скорость резания на токарных станках, как лучше организовать рабочее место. А тут и радостные вести с фронта поступили, наши войска погнали фашистов. Это придало нам еще больше сил. Словом, и мы включились в движение тысячников. В 1943 году были такие счастливые дни, когда выполнял норму на 1 200 процентов. За три дня — месячную программу! Мне удалось объединить три операции в одну. В газете поместили мою фотографию. Вот так мы работали в войну.

Теперь цеха оснащены современным высокопроизводительным оборудованием, станками с программным управлением, полуавтоматами и автоматами. Молодежь стала образованнее и быстрее овладевает техникой. Сейчас у нас работает много девушек, окончивших десять классов. Месяц, другой постоят у станков и уже могут управлять ими, выполняют программу, изготавливают сложные детали. Правильно Смирнов говорил, время меняет характер труда, особенно это касается металлообрабатывающей промышленности. Надо смотреть вперед!

ВОПРОС. Каковы ваши успехи в послевоенные годы?

ОТВЕТ. За ударную работу в годы седьмой пятилетки мне было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Радостной была и восьмая пятилетка. Наградили меня орденом Октябрьской Революции. Девятую пятилетку я закончил за два года и десять месяцев. У нас очень многие рабочие завершили свои пятилетки. Одним из первых — делегат XXIV съезда КПСС токарь Рыбаков, а медник Семенов — две пятилетки.

Подземная хирургия

Самат ГАТАУЛЛИН,
депутат Верховного Совета СССР,
мастер нефтегазодобывающего управления «Альметьевнефть»

Нефтяником наивысшей квалификации, каким и положено быть мастеру подземного ремонта скважин, он стал не сразу. Ученик оператора, школа операторов, оператор на промысле, школа буровых мастеров... «Вот теперь,— думал он,— буду, наконец, бурить скважины. Романтика! Самостоятельность!» А его послали на подземный ремонт. В самую плохую бригаду...

— В моей республике золотая земля, если исходить из того, что нефть — черное золото. Везде, куда ни поедешь,— даже в Челнах, на КамАЗе, кланяются земле качалки. И даже теперь, когда на первое место по абсолютным цифрам добычи вышла Западная Сибирь, Татария остается ведущим нефтедобывающим районом страны. При этом надо учесть, что район наш эксплуатируется много лет, пластовое давление снижается, приходится спускать в скважины мощные насосы, чтобы выкачивать нефть. Значит, объем подземного ремонта скважин непрерывно возрастает и усложняется. Если хорошо работают ремонтники, то и скважина будет долго выдавать нефть полной мерой. Если плохо — скважина снова может выйти из строя. Это все я говорю к тому, что кое-кто подумает: «Ремонтники не главная профессия у нефтяников, вот буровики — это да!» Сам когда-то так думал! А теперь я без преувеличения могу сказать, что ремонт скважин — один из важнейших участков нефтедобычи. А по условиям труда не уступает буровым работам. Порой и потруднее нам приходится. Мы вроде хирургов «Скорой помощи». В любое время дня и ночи должны быть наготове. Даже выходные дни и праздники не в счет. Бросаешь все и едешь спасать скважину.

Вот возьмите нашу бригаду. Ребята молодые. Бригада так и называется комсомольско-молодежная. Участок большой, около трехсот скважин. Обводненность очень высокая. Что это такое? Для интенсификации добычи нефти в пласт закачивается под повышенным давлением вода, она вытесняет оттуда нефть. Это и есть один из методов искусственного воздействия на пласт, о которых говорится в Директивах XXIV съезда партии. При ремонте, когда нужно заменять насосы, приходится иметь дело с тяжелыми деталями, все оборудование в нефти...

ВОПРОС. Не отпугивают ли такие условия молодежь?

ОТВЕТ. Не замечал этого. Идут к нам ребята и после десятилетки. Кое-кто и работает и учится. Когда я пришел в бригаду, она отставала, но месяца через три выровнялась, стала набирать темп. Среди бригад подземного ремонта она не раз призовые места занимала — и по объединению «Татнефть» и по министерству. Меня наградили орденом Ленина.

Наша бригада выступила с предложением начать соревнование «подземщиков» по повышению качества и снижению себестоимости капитального ремонта скважин. Свои обязательства выполняем. Пятилетку закончили досрочно, двадцать четвертого мая. В честь предстоящего XXV съезда КПСС обязались отремонтировать сверх плана восемнадцать скважин. Кроме того, взяли шефство над отстающей бригадой.

Я за ускорение!

Лейда ПЕЙПС,
Герой Социалистического Труда,
доярка совхоза «Вильянди»
Эстонской ССР

Эстонские доярки — инициаторы Всесоюзного соревнования животноводов. Еще в прошлой пятилетке им удалось достичь высокой производительности труда. Но особенно значительны их успехи за последние годы. Уже сейчас каждая доярка подошла к завидному рубежу: в среднем 125 тонн молока в год,— в два с лишним раза выше, чем по стране.

Лейда Пейпс — одна из лучших доярок республики. 5 февраля 1975 года от имени своего совхоза она рапортовала Л. И. Брежневу о досрочном выполнении пятилетки, а также своих обязательств. «Желаю всем вам,— ответил в своем приветствии Л. И. Брежнев,— дорогие товарищи, доброго здоровья, личного счастья, дальнейших трудовых успехов на благо нашей Родины».

ЦК КП Эстонии и Совет Министров республики присудили Лейде премию «Советская Эстония».

— В доме у нас не выключаются радио и телевизор. Мы всей семьей всегда следим за передачами и знаем, что происходит в жизни республики и всей страны. Так случилось, что в 1965-м, в год исторических решений мартовского Пленума ЦК КПСС, я надумала стать дояркой и начала жить этой с виду простой и однообразной жизнью: дом — ферма. Но в этой жизни оказалось много интересного, и совершенно неожиданно для меня самой она вдруг подняла меня на большую высоту.

Для любого советского человека социалистическое соревнование привычно и обыденно. Вот и мне оно помогло. 2 июня 1974 года, на полтора года раньше срока, я выполнила девятую пятилетку, надоила от каждой из ста коров по пять тысяч двести килограммов молока. Собрались тогда всем совхозом и подумали: надо написать Леониду Ильичу Брежневу. Я и написала. Трудно передать словами, как обрадовал меня ответ, по-отечески ласковый и добрый, как вдохновил меня! Вскоре мне присвоили звание Героя Социалистического Труда. Я вступила в партию. Все случившееся вывело меня на широчайшую орбиту жизни всего государства. У меня появилось множество корреспондентов и в нашей стране и за рубежом. Я теперь твержу себе: не останавливаться, не успокаиваться на достигнутом. Нельзя!

У нас в республике работают такие мастерицы машинного доения, как Линда Саар и Розалия Кирьянен в опорно-показательном совхозе «Тарту», Сале Вески в совхозе «Эрра» Кохтла-Ярвеского района. Всех не назовешь. Только в моем районе сто пятьдесят доярок подступили к моим показателям. Вот что такое социалистическое соревнование в наши дни! Оно заставляет думать о том, как ускорить и улучшить все рабочие процессы. Я, например, считаю, что неразумно сливать все молоко в общие емкости. Первый сорт молока надо бы продавать по более высокой цене. Мне кажется, что это будет стимулом для улучшения сортности молока.

И еще вот что случилось в моей жизни. На наших фермах установлены доильные аппараты «Импульс пайплайн». Их делают в ГДР. Я оказалась рекордсменкой по работе на этой аппаратуре. Пригласили меня в ГДР. Специалисты фирмы спросили: «Что вы думаете об этих аппаратах?» Я сказала, что они должны быть мощнее. Народ там деловой — представители фирмы приехали к нам в совхоз и в порядке опыта установили дополнительные вакуумные насосы. Вести эксперимент поручили мне. Я стараюсь. Я за ускорение!

Как коммунистка считаю своим долгом отметить предстоящий XXV съезд КПСС новыми достижениями. Для этого взяла обяза-

тельство надоить от каждой коровы по 5 300 килограммов молока в год. Может быть, кому-нибудь это покажется мало — добавка к прошлогоднему всего сто килограммов. Но ведь известно, специалисты поймут меня, что чем дальше и выше, тем труднее. Ради дополнительных килограммов многое на ферме должно измениться к лучшему: племенная работа, кормовой рацион, аппаратура, наши знания в области животноводства, зоотехнии, полеводства.

За все в ответе

Николай ЗЛОБИН, член Президиума Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, бригадир комплексной бригады управления «Зеленоградстрой»

Под Москвой, в городе-спутнике Зеленограде, есть обыкновенный пятиэтажный дом. В нем живет очень скромный человек. Фамилия его Злобин. Этот дом строила его бригада по методу, который называется его именем, по-злобински. В ГДР под Берлином, в Потсдаме, вырос новый район. Здесь дома строились по-злобински. Далеко от Москвы до Улан-Батора. Но там тоже стоят дома, построенные по-злобински.

Пять лет назад был только один дом, построенный по злобинскому методу, и одна бригада, вступившая на путь подрядного хозрасчета. Сегодня 21 440 таких бригад. Ими построено много тысяч домов и производственных зданий. Сила злобинского метода в его доступности, результативности, и потому так по-доброму он воспринимается.

— Сегодня мы собрались, чтобы поговорить о новом в социалистическом соревновании. У горняков все ясно — рекорды, у текстильщиц — тоже ясно — многостаночное обслуживание. А что получается у нас, строителей? Бригадный хозрасчет, подрядный поток. Давайте посмотрим, что это такое, со всех точек зрения. Ведь и раньше были бригады специализированные, комплексные. Работали и двойками, с подсобниками и помощниками. Соревновались, ставили рекорды — кто быстрее, кто лучше выложит кладку, оштукатурит стены. Все было! Но вот в Зеленограде руководители строительных управлений Дементьев и Локшин решили поставить эксперимент. Суть его проста и понятна каждому рабочему. Бригада заключает с администрацией управления договор на постройку дома. Прилагается смета. В ней расчетная стоимость всех работ, фонд зарплаты и так далее. «Сработаете экономно — получите долю из сэкономленного. Перерасходуете — из вашего кармана. Сдадите досрочно, премия ваша,— сказали нам.— Мы вам, в свою очередь, обязуемся поставлять строго по графику материалы, предоставим технику, берем на себя инженерную подготовку». Словом, мы хозяева. А раз хозяева, значит, за все в ответе.

До подряда мы ставили коробку, и на этом дело кончалось. Управление присылало кровельщиков, жестянщиков, штукатуров. Подряд заставил нас перестроиться. Все эти работы мы выполняем сами, а по сантехнике, электротехнике и отделке заключаем отдельные договора с исполнителями. Бригада стала комплексной и сдавала теперь дом, как говорят, под ключ. Готовая строительная продукция — если можно так выразиться — цель бригадного подряда. «Незавершенки» тут не может быть. Не уложимся в срок — прогорим сами. Все как будто ясно.

Приступили мы к работе. И вот тут-то началось самое главное: перестройка бригады, людей, их характеров. Денежный интерес? Это, конечно, есть. И вначале он порой выпирал, нечего греха таить, на первый план. Давай, давай, мол, скорей, жми! Но как «жми»? Принимаешь рамы — принимай тихонечко. Разобьешь стекло — с тебя вычтут. Складируешь кирпич — смотри, чтоб один к одному был. Даже балласт из подкрановых путей за собой стали таскать, ведь он тоже стоит денег. Но вскоре все поняли, что не только в деньгах дело. Был у нас такой случай. Приходим как-то утром на смену: два ящика застывшего раствора. Все налетели на виновника: «Ты что, проспал? Где твоя рабочая совесть?» На первый взгляд, проучить бы надо его штрафом, и конец. Да вот будет ли конец? Как выяснилось, человек не спал, а просто не успел. Затаит он обиду, и моральное равновесие в бригаде нарушится. А в коллективе самое главное, чтобы это равновесие сохранялось, чтобы никто зла друг на друга не таил. Не удержали мы с него штрафа. Зато получили выигрыш в другом — сознательность возросла. При подряде это очень важный фактор — сознательность! Вот так мы и воспитываем сами себя. Не думайте, что у нас было все гладко, все без задоринки. Но теперь, если сравнить, не узнаем друг друга. Люди изменились во всех отношениях не только на работе, но и в поведении дома, в семье.

Как дальше развивались события? Строили в Зеленограде первые четырнадцатиэтажные дома. Мы свой за 155 дней, соседи — за 225. Второй точно такой же дом мы поставили за 82 дня. При этом с большой прибылью. Так по-стахановски это или нет? Мне думается, что раз резко возросла производительность труда, значит, по-стахановски.

ВОПРОС. А как с заработками?

ОТВЕТ. Двести двадцать, двести тридцать рублей в месяц. Плюс огромное моральное удовлетворение. Многие члены бригады удостоены правительственных наград: два товарища — ордена Ленина, четыре товарища — ордена Трудового Красного Знамени, десять человек — «Знака Почета», остальные — медалями «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие». Но должен признаться, что с каждым годом работать нам становится труднее, труднее и интереснее. Непонятно? Объясню. Появилось очень много бригад, перешедших на хозрасчетный подряд. Да и не только бригад — строительные конвейеры, целые потоки. Рождается очень много нового, замечательного. Есть коллективы, которые добились более высоких показателей, чем мы. И теперь нам с ними соперничать еще труднее.

Четыре года мы соревнуемся с бригадой Серикова из Мурманска и бригадой Шевцова из Ленинграда. Два года назад подключилась к нам бригада Артеменко из Киева. Сериков — на промышленном строительстве, на крупных объектах: строил ТЭЦ, теперь мясокомбинат. Мурманские строители создали подрядные потоки на возведении промышленных объектов. Появились, кстати, такие потоки и на КамАЗе, я там был. Теперь Сериков ставит вопрос о переведении на новый метод строительных управлений в целом. Леонид Харсик из Казахстана строит элеватор — у него тоже своя специфика. Калужские строители создали конвейеры на сооружении жилья.

Недавно я вернулся с БАМа. К слову, о поездках. Конечно, надо передавать опыт и все такое. Но уж очень много получается «передачи» у меня. В один прекрасный день товарищи могут заявить: «Мы уж как-нибудь и без тебя тут...» Может быть, пора и другим бригадирам делиться опытом?

Так вот о БАМе. Не было и нет подобной стройки во всем мире. Нас познакомили с тем, что должно быть сооружено. Масштабы, размах такой, что даже не верится — неужели все это сможет человек? Уже может! Больше самой стройки и ее разворота удивила меня молодежь. Ка-ки-е это люди! Одно дело, когда мы на молодых смотрим глазами старших, со стороны, в большом городе, и делаем вывод, что в наше время, в то время, когда, скажем, строили Комсомольск-на-Амуре, мол, не такая была молодежь... А другое дело, когда на БАМе мы столкнулись с настоящими людьми нового поколения, увидели их в работе, очень трудной работе, в тяжелых природных условиях... Ничего не скажешь — герои!

ВОПРОС. Сколько вы построили домов на подряде?

ОТВЕТ. Два четырнадцатиэтажных кирпичных, шесть двенадцатиэтажных, два крупноблочных, два пятиэтажных, детский сад, школу. До конца пятилетки думаем сдать еще два дома.

РЕПЛИКА. Шестнадцать зданий — и все одна бригада. Целый микрорайон! Это же и есть своего рода рекорд, рекорд на индустриальной высокоэкономичной основе.

Будут две пятилетки!

Елена АМОСОВА, заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда, прядильщица Фурмановской прядильно-ткацкой фабрики № 2 Ивановской области

Вичуга, Шуя, Кинешма, Фурманов, Тейково, Родники... Небольшие города Ивановской области, стоящие вдоль тихих, задумчивых рек — Нерли, Унжи, Уводи. Небольшие старинные «холщовые» города с большой, громкой славой. Эту славу принесли им проворные женские руки. В Вичуге ставили свои беспримерные стахановские рекорды ткачихи Дуся и Маруся Виноградовы. Много с тех пор возникло здесь нового, обогатившего текстильную промышленность. А вот сейчас уверенно, ровно идет на уровне рекордов прядильщица Елена Георгиевна Амосова. Л. И. Брежнев в своем приветствии Амосовой писал: «Вы достигли наивысшей производительности труда в текстильной промышленности страны на сравнимом ассортименте продукции и аналогичном оборудовании.

ЦК КПСС желает успешного осуществления принятого Вами нового обязательства — до конца 1975 года выработать еще 310 тонн пряжи...»

— Недавно, как известно, состоялась сессия Верховного Совета РСФСР. Не могу не поделиться своей огромной радостью: меня избрали заместителем Председателя высшего органа государственной власти России. Председатель — академик Владимир Александрович Котельников исполняет обязанности Президента Академии наук СССР. Академик и прядильщица рядом. Равное доверие. Равный почет. Вот на какую высоту поднят в нашей стране труд рабочего человека.

В Большом Кремлевском дворце в перерыве ко мне подошел Алексей Николаевич Косыгин и стал расспрашивать: «Что у вас нового на фабрике и в городе? Как вам работается, Елена Георгиевна? Как вам живется?»

Как мне работается? Вот уже двадцать девять лет на фабрике. Весело крутятся веретена, поспевай только — меняй шпули и присучивай нити. Мать моя, она ткачиха, бывало, каждое утро наставляла: «Старайся, Лена, аккуратно все делать, на совесть, чтоб не пришлось тебе краснеть». Старалась! Только машины были очень старые, изношенные. В шестьдесят пятом году поступило новое оборудование из Пензы. Нам, прядильщицам, понравилось. С четырех сторонок я вскоре перешла на пять, а потом и на шесть. Восьмую пятилетку выполнила за четыре года. Наградили меня тогда орденом Октябрьской Революции.

Началась девятая пятилетка. Первыми подали голоса ткачихи-многостаночницы — красноярская

НАСЛЕДНИКИ

Зоя Сафонова, москвичка Валентина Бобкова, Алевтина Смирнова с яковлевского льнокомбината. И зазвенела по стране громкая перекличка — как в годы первых пятилеток. Группа помощников мастеров выступила со своим почином, комсомольско-молодежные бригады со своей инициативой. А что же нам, прядильщицам, оставаться на месте?

Посоветовались мы у себя в бригаде и в партбюро, и я решила взять на обслуживание 1 288 веретен, а норма — 700. Многие думали, что не справлюсь. Моя сменщица, не поверив в наши силы, ушла от меня. Трудно было? Да, трудно! Но меня поддержала Люция Русецкая, наш бригадир. Большой души она человек. Энергичный у нас и помощник мастера Виталий Опарин. Я зову его просто Витей, совсем еще молод, всего 25 лет, но дело знает. От него и от бригадира зависит многое. Если бы не четкая организация и подготовка производства, то у меня, надо прямо сказать, успеха бы не было.

Девятую пятилетку я выполнила за два года и десять месяцев. И сразу же взялась за десятую. Теперь у меня еще бо́льшая зона обслуживания — 1 472 веретена. Работаю за двоих. Счет веду не только минутам, но и секундам. А тут еще хлопок пошел новой селекции и механизированной сборки. К нему тоже надо приноравливаться. Но пока идет дело так, что надеюсь, не к концу года, как обещала, а на два месяца раньше выполню свое обязательство. Работать иначе не мыслю, только так, по-виноградовски! Да и не имею права: я ведь лауреат премии имени знаменитых наших землячек Евдокии и Марии Виноградовых. Областной комитет партии поручил мне как лауреату вести областную и фабричную школы передового опыта. Занятия провожу во внеурочное время, в выходные дни, после смены или перед сменой. Рабочие часы — святые часы. Устаю? Конечно. Но какая это приятная усталость, какое приносит она удовлетворение, когда узнаешь, что, например, девушки, которые раньше отставали, не справлялись с нормой, теперь выполняют задание. И настроение у них поднялось. Труд переделывает, возвышает человека...

ВОПРОС. Недавно в «Известиях» был опубликован список работ, выдвинутых на соискание Государственных премий 1975 года. Там есть и Ваша фамилия, в числе рабочих-наставников. Скольких прядильщиц Вы обучили?

ОТВЕТ. На нашей фабрике свыше ста. К тому же приезжают большие группы из других городов области, по тридцать — тридцать пять инструкторов и помощников мастеров.

«Что нового на фабрике»? — спрашивал меня Алексей Николаевич Косыгин. Очень много прядильщиц выполнили свои пятилетки. Работают в счет семьдесят шестого года и даже семьдесят седьмого года. Как мне живется? Хорошо живется. Мама ко мне переехала, теперь мы в трехкомнатной квартире. Женю, свою дочь, выдала замуж. Так что ко всему прочему мечтаю стать бабушкой.

По-магнитогорски

Михаил СОРОКИН,
делегат XXIV съезда КПСС,
Герой Социалистического Труда,
старший мастер 1-го мартеновского цеха Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина

Это только в очерках пишут, что пришел мальчишка первый раз в жизни в мартеновский цех, залюбовался игрой огня и решил стать человеком героической профессии — сталеваром. У Михаила Сорокина вышло по-другому: испугался он огня, обжигающих искр и грохота. Но деваться было некуда, ремесленное училище, в которое он поступил, готовило сталеваров. И завод в Красном Сулине тоже не приласкал. Цеха еще не оправились после военной разрухи. Старые рабочие рекомендовали: «Заработка здесь не будет. Уезжай, пока не поздно». Но он остался, работал помощником сталевара, а потом призвали в армию. После армии комсомол направил его на Магнитку.

— У шахтеров есть Стаханов. У нас, металлургов, был Макар Мазай. Коммунист, герой, человек-легенда, увековеченный в камне. В октябре 1936 года он поставил мировой рекорд по выплавке стали в мартене. История этого рекорда очень интересна. В один из своих приездов в Макеевку Серго Орджоникидзе выдвинул перед сталеварами задачу добиться съема стали в шесть тонн с квадратного метра пода печи. Ученые утверждали, что больше семи тонн нельзя взять при самых благоприятных условиях. В США снимали тогда всего четыре тонны. И все же советские сталевары, а пионером тут был Макар Мазай, доказали, что можно получать двенадцать, четырнадцать и даже шестнадцать тонн стали с квадратного метра пода печи. Теперь принята другая система. Работа сталевара определяется количеством плавок за смену, качеством сваренной стали, работой по заказу. О Макаре Мазае я вспомнил не только ради истории. Его рекорды, как и рекорды Алексея Стаханова в угольной промышленности, открыли перспективу творчества в металлургии. Интенсифицируя технологический процесс, сталеплавильщики непрерывно увеличивают выплавку металла. Магнитогорцы пошли дальше интенсификации. Реконструировав мартены, они создали впервые в стране агрегат совершенно нового типа. Я имею в виду двухванный агрегат, о нем писал «Огонек». Он позволил резко поднять производительность труда, увеличить выпуск стали, дал мощный толчок для развития социалистического соревнования. И у нас, как у шахтеров, пошли рекорд за рекордом.

Что же дали двухванные агрегаты? По миллиону тонн стали в год! Еще несколько лет назад сама мысль о том, что в течение года на одной печи можно получить столько металла, любому специалисту показалась бы фантастической. А теперь такого рубежа достигли сталевары Магнитки, Череповца, Запорожья и Кривого Рога, реконструировавшие по примеру Магнитки свои мартены. Так и у нас в металлургии появились миллионеры. В стране всего девять таких агрегатов. Вместе взятые, они увеличили производство стали без особых затрат и капиталовложений на семь с половиной миллионов тонн. Это же мощность крупного металлургического завода, пять процентов от общесоюзного производства стали, запланированного на конец пятилетки! Прибавка эта могла бы быть еще весомее: давно пора Макеевке, Днепродзержинскому заводу и Ждановскому заводу имени Ильича реконструировать свои мартены!

Несколько слов о рекордах. В нашем цехе накануне XXIV съезда КПСС — тогда я работал еще сталеваром — было два, а теперь пять двухванных агрегатов. Они позволили на сорок процентов перекрыть проектную мощность цеха. Лучше всех работает комсомольско-молодежный коллектив тридцать пятого агрегата. Мастер — Анатолий Богатов (он член ЦК ВЛКСМ, лауреат премии Ленинского комсомола), сталевары — Пономарев, Игин, Кириллов и Кирнев. Этот коллектив выступил на комбинате инициатором соревнования под лозунгом: «Рекорд 1974 года — норма работы в 75-м!» Молодые сталевары лидируют. Вначале было запорожцы их обогнали — дали двадцать три плавки. Вскоре этот рекорд побили криворожцы — двадцать четыре плавки, а потом снова магнитогорцы — тридцать плавок. В этом году молодежный коллектив намерен сварить полтора миллиона тонн металла. Такого уровня не удавалось достичь ни одной сталеплавильной печи страны. Вот это и есть по-магнитогорски!

Знак качества на ЭВМ

Регина ПЕРЕХОТКИНА,
депутат Верховного Совета СССР,
монтажница Минского завода электронных вычислительных машин имени Серго Орджоникидзе

Именем Минска названа серия универсальных электронных цифровых вычислительных машин. Они «являются одними из самых распространенных советских ЦВМ широкого назначения.., отличаются высокой производительностью...». Так лестно сказано о них в новом издании Большой Советской Энциклопедии. Этой отрасли промышленности до войны не существовало. В создании ЭВМ участвует и молодая работница Регина Перехоткина.

— С восхищением, даже с завистью я слушала выступления Геннадия Смирнова и Михаила Сорокина и со страхом думала, о чем же говорить мне? У них такие рекорды! В нашей промышленности иначе. У нас очень напряженно идет борьба за эффективность производства. Галина Арефьева с московского электролампового завода предложила работать час в неделю на сэкономленном сырье. Это уже совсем другой вид соревнования, в которое включились сотни наших рабочих и работниц.

Но сначала расскажу о нашем заводе. Родился он в пятьдесят девятом году, тогда и был выпущен «Минск-1». Машина производила всего две тысячи операций в секунду. Работала на полупроводниковых лампах и по сравнению с сегодняшними машинами выглядит весьма примитивно, хотя прошло всего полтора десятилетия. Сейчас мы делаем «Минск-32». Она «соображает» во много раз быстрее: 25 тысяч операций в секунду. А «Минск-23» может «логически мыслить», имеет десятичную систему исчисления и способен одновременно решать несколько задач. Аэрофлот быстро оценил машину «Минск-23». Это она резервирует нам, пассажирам, билеты, с успехом работает в АСУ заводов, эта серийная полупроводниковая ЦВМ. Изготавливать их не просто. Тут должна быть наивысшая точность, как в часовом механизме. Я обо всем этом говорю потому, что задания мы, конечно, выполняем. Но главное в нашей работе — качество. Безукоризненное качество. Вот почему у нас самое широкое распространение получила бездефектная система сдачи продукции, развернулось соревнование за присвоение звания «Отличник качества» первой, второй и третьей степени. Звание не пожизненное, каждый год проходим переаттестацию.

ВОПРОС. У Вас какая степень?

ОТВЕТ. Была вторая, а теперь уже первая степень. Продукцию сдаю сама, имею свое клеймо.

ВОПРОС. А как нормы выполняете?

ОТВЕТ. Свою пятилетку завершила в феврале этого года.

РЕПЛИКА. Десятая пятилетка будет пятилеткой качества, и вы, Регина, уже шагнули в нее!

ВОПРОС. Вы рассказывали все о заводе, когда он родился, а вы когда родились?

ОТВЕТ. В сорок четвертом, тогда только что освободили Минск. Окончила десятилетку, дали направление на завод. Он как раз в нашем районе. Вот и вся биография. На заводе познакомилась с будущим своим мужем. Сюда поступил и мой брат. Мы все гордимся тем, что на «Минске-32» пятигранник — государственный Знак качества, новая машина производит до ста тысяч операций в секунду.

Эпоха иная

Алексей УХАНОВ, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, машинист локомотивного депо Вологда Северной железной дороги

Из года в год, вот уже девять лет подряд, Алексею Александровичу Уханову как победителю Всесоюзного социалистического соревнования неизменно присваивается звание «Лучший машинист по сети дорог». За безукоризненную четкость в работе, за безаварийность, за экономию топлива. Сорок лет назад про машиниста-передовика говорили: «Он работает по-кривоносовски». Сейчас говорят: «Он освоил ухановские методы». Родина высоко оценила его труд, наградив двумя орденами Ленина и орденом Октябрьской Революции.

— Слушал я товарищей и радовался за них,— замечательно они работают, добывают уголь и нефть, выплавляют металл, ткут ткани и строят машины. Однако все бы это лежало, согласитесь, мертвым грузом, если бы не транспорт. Я работаю машинистом на тепловозе. Слово «стахановец» услышал еще в детстве, в войну это было. Мне думалось: тот, кто хорошо работает, тот и стахановец. Более глубокое понимание сути нового движения пришло позже, от брата, когда он вернулся с фронта и пошел учиться на кочегара. С кочегара начался и мой путь. В 1948 году я уже сам участвовал в стахановско-кривоносовском движении.

Настоящую революцию произвели на железных дорогах тепловозы и электровозы. В наше депо «Вологда» пришло много мощных тепловозов: теперь ведешь поезд, и сердце радуется. Изменился характер работы, резко повысилась культура труда. Когда начиналось кривоносовское движение и были паровозы, многое зависело от человека, его умения выжать из локомотива все, что можно. Открыл большой клапан — и жди зеленую улицу. Эпоха большого клапана прошла, она кончилась вместе с паровозами. На тепловозе двигатель иной — электрический.

Я общественный машинист-инструктор. У меня много учеников: в прошлом году — восемь, в этом — пять. Теперь они сами стали машинистами. В нашей колонне 25 человек. Соревнуемся, подводим итоги, кто сколько перевез, на каких скоростях. Но самый главный у нас показатель — разумное расходование дизельного топлива. Колонна уже выполнила пятилетние обязательства по его экономии. Лучшие результаты у Виктора Петровича Щербакова и Бориса Федоровича Громова.

ВОПРОС. Расскажите о себе, где учились, какая у вас семья...

ОТВЕТ. Окончил одногодичные курсы машинистов, потом поступил в вечернюю школу, наконец, без отрыва от производства окончил в 1965 году техникум. Два сына. Один работает диспетчером по связи, другой в этом году окончил железнодорожный техникум, получил права помощника машиниста электровоза, будет работать в Ярославле, это недалеко от нас.

ВОПРОС. Каковы ваши планы на десятую пятилетку?

ОТВЕТ. Особых планов пока не намечал. По перевозкам грузов девятую пятилетку я закончил 15 апреля, к 105-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Главная задача теперь такая: достойно встретить XXV съезд нашей партии. Я лично намерен выполнить план двух месяцев 1976 года к открытию съезда и сэкономить тонну топлива. И еще есть такой замысел: в десятой пятилетке получить права на вождение электровоза, хочу узнать, что это за техника. Предполагается электрификация нашей дороги.

Девушки — за руль!

Артык ШЕРАЛИЕВА, депутат Верховного Совета СССР, механик-водитель хлопкоуборочного комбайна, бригадир колхоза имени Энгельса, Ташкентской области

Люди среднего поколения помнят фотографии круглолицей красивой девочки в тюбетейке — Мамлакат Нахангової, юной сборщицы хлопка из Таджикистана! Она была участницей Всесоюзного совещания колхозников-ударников.

Кому не известно имя героической комсомолки Паши Ангелиной, инициатора движения среди женщин за овладение сельскохозяйственной техникой!

Молодая коммунистка Артык Шералиева — ей 25 лет — и хлопкороб и механизатор. И, кроме того, общественный деятель — кандидат в члены ВЦСПС.

— Вы спрашиваете меня, как я, вот такая небольшая да худенькая, со всеми своими обязанностями справляюсь? Знаете, если человек приучен к труду с детства, то он обязательно будет любить работу. А я еще когда в школе училась, с мамой ходила на поле, помогала ей. Была старшей в семье, отец рано умер. Но у нас ведь все дети помогают взрослым летом в колхозе. Окончила восьмилетку, а тут как раз в соседнем колхозе нашего района шестимесячные курсы хлопкоуборочных комбайнеров открылись. Стали девушек приглашать. Я загорелась — очень хотела сесть на комбайн. Но мама моя и слушать об этом не могла. Может подтвердить хоть сейчас. Спасибо, что ее пригласили в редакцию. Она первый раз в жизни в Москве. В тот год так и не удалось ее уговорить, а против воли матери не решилась идти, боялась, что расстроится она очень. Поработала я в колхозе, но исподволь подготавливала себя к переходу на комбайн. Наступила зима, снова набор на курсы, и мама вроде бы соглашалась, а тут новая неприятность — принимают с восемнадцати лет, мне же только семнадцать. В общем, уговорила. Взяли. Шестидесятой в списке стояла. Последней, для полного счета...

Я получила не только права водителя, но и механика, чтоб самой уметь устранять неполадки. Семь лет работала в звене на уборке хлопка комбайном. Избрали меня секретарем комсомольской организации, рекомендовали кандидатом в члены партии. Поступила в техникум на агрономическое отделение — не хотелось терять время, потом трудней было бы учиться. За ударный труд в позапрошлом году меня наградили значком ЦК ВЛКСМ «Лучшему хлопкоробу». А вскоре назначили звеньевой. Забот прибавилось, ответственности тоже. В нашем звене семнадцать человек. Но в октябре я все равно села на комбайн. Собрали мы неплохой урожай быстро — за десять дней. Я сама собрала двухрядной машиной сто пятьдесят тонн при норме сто пятнадцать. Урожай у нас в звене был выше тридцати пяти центнеров с гектара, больше, чем средний по колхозу.

Весной защитила диплом. Только приехала домой, меня Бохадыр Касымов, наш председатель, приглашает в правление: «Решили мы тебя, Артык, выдвинуть в бригадиры». Я испугалась: дело нешуточное, бригада не звено. Тридцать человек — участок сто пятнадцать гектаров. «Ничего,— говорят мне.— Ты же теперь агроном. Поможем». Так я стала бригадиром. До сих пор привыкнуть не могу. Ой, как трудно!

ВОПРОС. Что, не слушаются вас?

ОТВЕТ. Не в этом дело, слушаются. Бригада молодежная, дружная. Но год очень трудный. Засуха. Весной ни одного дождя не было. Сеяли и поливали. Кое-где пересевали. Теперь ждем, какой получится урожай. В уборку я снова сяду на комбайн. Хочу получить в этом году права на второй класс. Кроме того, хочу поступить в институт.

ВОПРОС. А как остальные девушки, работают комбайнерами?

ОТВЕТ. Из моего выпуска только трое. Многие вышли замуж, дети... А случается, что и мужья возражают. Наш председатель колхоза понимает нас. Придут к нему женщины, попросят: «Дайте мне машину»,— и он с удовольствием это делает. В других колхозах не так. Живет по соседству с нами Назира Хаитова, заслуженный механизатор Узбекистана. Попросила она у председателя своего колхоза машину, а тот ей говорит: «Иди домой, корми ребенка!» Разные ведь председатели бывают. Но я бы на месте Назиры не смолчала, добилась бы своего! Всем своим подружкам советую: «Садитесь, девушки, на комбайн!»

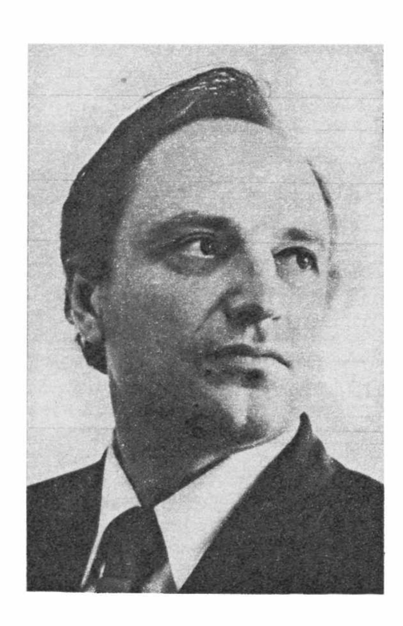
Движение женщин-механизаторов широко распространилось по всей стране. Слыхала я, что их теперь почти шестнадцать тысяч. Говорят, что особенно много их на Алтае и в Казахстане. В этом году было второе международное соревнование пахарей-механизаторов из стран СЭВа. Победительницей вышла молдавская трактористка Валентина Фэту. Тридцати женщинам-механизаторам присужден всесоюзный приз Трудовой славы имени Паши Ангелиной. Тринадцать из них — комсомолки. Вот какие в нашей стране девушки!

Было: по-стахановски, по-кривоносовски...
Стало: по-амосовски, по-злобински...

Беспокойное племя ищущих, разведчиков нового умножилось. Их дерзания, творческая инициатива в эпоху научно-технического прогресса приобрели другие формы и качества. Выдающиеся трудовые победы у нас не преходящие эпизоды, а повседневные явления советской действительности. «Наша партия считает своим важнейшим долгом всячески поощрять, поддерживать и распространять действительно деловые и полезные почины передовиков, направленные на улучшение качества всей нашей работы,— сказал в своей речи перед избирателями Бауманского района города Москвы Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.— Новое поколение советских тружеников высоко несет знамя, поднятое героями первых пятилеток»

Валентин Сорокин пришел в поэзию, вдохновленный кипучим ритмом и многообразием заводских будней. Его большой жизненной школой стали десять трудовых лет на Челябинском металлургическом заводе. Талант и целеустремленная творческая работа принесли поэту заслуженное признание. Лауреат премии Ленинского комсомола, автор многих поэтических сборников, Валентин Сорокин выступает в «Огоньке» с новой поэмой.

Валентин СОРОКИН

ПОЭМА

●

Поэт всегда останется поэтом,
Малютою Малюта, трусом трус,—
Пока под солнцем кружится планета,
Добро и зло не заключат союз.
Признание находят не в скандале,
Не в памятниках бронзовых, литых,
И не в екатерининских медалях
И хитрых табакерках золотых.
Дареный фрак лакейски изотрется,
И слава обесценится, штормя,
И ничего взамен не остается,
Таланта и России окромя.
Пусть Александр его не отпускает
Ни в Рим, и ни в Париж, и ни в Берлин
И сыщикам, коварный, потакает,—
Поэт и в ссылке долгой не один
Среди славянских, северых долин!
Ионы, гошняки, дантесы — власти
Рабы, сторожевые палача!
Да, Пушкин ведал искушенье страсти —
Открыть в себе Емелю Пугача
Иль разинскую удаль атамана!

Холмы! Холмы! Ждет Пушкин новостей.
Воинственно маячат из тумана
Крутые силуэты крепостей...

Он понимал, кому почет и звезды,
Кому пророка тяжкая стезя,
Но вспыхнет факел рано или поздно,
Который сбить и затоптать нельзя!

Пушкин

...Париж!

Иона

Париж?!

Пушкин

Вот нá тебе — Париж!
Уж если ты царю не угодишь,
Под пристальным надзором посидишь!

Дантес! Гошняк! Хула! В стыду сгоришь!

Взвинтится коммунарами Париж,
И кобчик всхохлится орлом и чиж!..

●

Затерян Святогорский монастырь
За дымными селеньями, лесами,
В седых холмах стоит под небесами
В шеломе боевом, как богатырь...
Здесь опочили пращуры поэта,
И траурно шлифованные плиты
Вьюнковыми растеньями повиты.
Михайловское.
Пчелы деловито
Снуют.
Мелькнет зима, промчится лето!

И настоятель — разбитной Иона.
Далек Иона от того Гапона,
Но поп есть поп, и вот ему, попу,
Доверили крамольника судьбу!
А монастырь в чаду библейских драк,
Тоски и непочтения безбожно
Увяз
И срам очистить невозможно,—
С того — Иона выпить не дурак!

У Пушкина Иона за патрона,
Докладывает в Псков: «Девица ровно,
Благопристоен, не бранит царя!..»
Иона, плут, едва блеснет заря,
Он к Пушкину — на запах буйной жженки,
Две, три, четыре кружки ахнет,
К женке
Поманит душу! Без поводыря
В пучинах ада бы загинул зря!..

Унизил царь, унизил губернатор:
Гошняк нагрянул — сущий провокатор,
Ботаник, парижанин, дать под зад,
Забрался, язва, в монастырский сад,
Выматывает жилы из монахов:
Что Пушкин ел, курил и говорил?
Гошняк! Нахал! Иона укорил
Гостящего,
Как по щекам — с размаху!..

Иона

Антихрист! Пушкин не виновен в том,
Что, грешник, засыпаешь ты с трудом,
Изводишься, бедняга, о поэте!..
Прочь! Прочь! Я, схимник, за него в ответе!

Гошняк

Вы, батюшка, излишне своенравны,
Доносчик я и вы,
Мы равноправны!

Иона

И равноправны, все ж таки не равны!
Охульник! Впредь не подпущу к порогу!
Царю ты служишь. Я же, ирод,— богу!

Гошняк

В столице будто умер Александр,
А Николай рассержен. На престоле.
И вызывает Пушкина!

Иона

Недоля!..

Гошняк

Он бунтовщик?..

Иона

Ты оскверняешь сан!
Бунтовщиков я не терплю!
...И глухо:
— Позоришь, мерзкий, райские места,
Ишь, поразверз поганые уста,
Гляди ужо, получишь оплеуху!
Ты мышку сцапал давеча в лесу
И застращал сиротку:
«Донесу-у!»
Ежонка ты арестовал в лесу
И приструнил малютку:
«Донесу-у!»
Тебе я, Гошняку, башку снесу!

Гошняк

Будь проклят ты, твой яд, твой трубный зык
Будь проклята Россия!..

Иона

Туп, да знатен,
Тебе обычай кротких непонятен,
И русским ты зело как неприятен,
Кати в Париж, там всякий жук без пятен!

Иона показал ему язык!

●

Не прозорлив, не гибок Николай.
И в солдафонском рвении неистов:
Казнил на виселице декабристов,
Швырнул «помилованных» в жуткий край,
И гения привлек он на допрос,
Но Пушкин что, он лишь повел плечами,
Взъерошил кудри, разве с мелочами
Он незнаком, не в благолепье рос!
Допрос для вольнодумца не вопрос,
Как водопад придирок и угроз,—
Он от врагов не ожидает роз.
Доносчику не хладно в океане
Страстей.
И суд и тут же — пересуд.
Он иногда тушуется в тумане,—
Вдруг на него случайно донесут?!
И клевета, и ненависть, и зависть
Огульно навалились на певца.
С лицейских пор ничтожными казались
Ему вельможи пышного дворца...
А декабристы? Братья-декабристы...
Он вознесет их в гимнах на века,
Объята Русь бураном волокнистым,
К перу, к бумаге тянется рука,
Крепка строка, сразит наверняка!
Предчувствие.
Знаменье.
Вдохновенье.
Расширены скорбящие глаза:
«Не пропадет ваш скорбный труд!..
Стремленье!»...
И покатилась по листу слеза.

Мороз.
Камин.
О наглый шутоборец,
Запутавший себя в обманной мгле,
Тот миг, когда заплакал стихотворец,
Сполна тебе зачтется на земле,
Обида — жар в прикрученной золе!
Свирепствует в бессилье император,
И тростью он простукивает зал.
Какой наместник господа — диктатор
Победу над поэтами познал?
Повыскочили джинны из бутылки,
Сократ их даже б не угомонил:
Ссылают — возвращаются из ссылки,
Стреляют — воскресают из могил!
А горевая вьюга разрывная
Снежинами обрызгала крыльцо.

...Распахнута рубашка ветровая,
И смуглое откинуто лицо.

Пушкин

Я непременно еду! Царь просил?

Фельдъегерь

Прислал за вами!

Пушкин

Едем! Едем! Едем!

Фельдъегерь трубку быстро погасил:
—Готов!

Пушкин

Число в календаре отметим!..

Тракт Петербургский,
Тройка почтовая!
В кибитке Пушкин.
Дума верстовая.

УЭЛЬ

●

И впрямь на укрощение планеты —
Дивизии гарцуют и полки.
...Монаршие, крутые эполеты,
Полковничьей поковки каблуки!
Мундир блестит, петлицами играет,
И Николай лениво изрекает:
«Париж! Европа!
Скукою томит вас!
Поедете когда-нибудь в Париж!
Сейчас не время, вот моя молитва!..»
Окно.
Адмиралтейство.
Скаты крыш.
И шпиль торчит, как высунутый шиш!
Мундир блестит, петлицами играет,
И Николай сурово изрекает
Подпольных строф, набатных строф призыв.
Не перепутав, смысла не забыв:
«Тираны мира?!.»
Образумьтесь, взвесьте,
Не в петлю ж вашу голову продеть!..»
Но Пушкин тверд:
«Я был бы с ними вместе...
Их голос — дело доблести и чести!»
...Прощай, Рылеев, Муравьев и Пестель,
Ах, черные, пронзительные вести,
Вас не смягчить, ничем не одолеть!
Достойные идут на палача
И цепи рубят рыцарским ударом,
Безгрешна цель, смела и горяча,
А в грудь картечь — естественно —
Недаром!

Салют, салют и крепостным и барам,
Меч обнажившим супротиву карам!

Париж!..
Пока ты, сокол, погодишь,
Вон гошняки с визитами стремятся,
Изящные Парижи им не снятся,
А ты в мечтах с Парижем говоришь!
Державушка Державина, терпенье,
Прогресса прыть, пристанище наук!
И волевое Третье отделенье,
Расчетливо творя хитросплетенья,
До столбняка, до переутомленья,
Работает, как в погребе паук.
И Бенкендорф привычек не бросает:
У мраморных пугающих ворот
Опричники восторженно кромсают
Того, кто заступился за народ!

●

Науськанные прихвостни, прищурю
Я взор,
И вот он, ваш поганый след!..
Не дуновенья прихоти, а бурю
Пошлет поэт!
Наивных граждан нет:
Вчера — секрет, сегодня вторит свет!

...Окно.
Пальба орудия.
Обед.
Вопрос! Ответ!
Вопрос! Опять ответ!

Николай

У государства — цели государства,
Под корень истреблю я вольтерьянство!
Радеет за республику дворянство?
Россия мудрых прадедов забыта?

Пушкин

Неуваженье опытом добыто!..

Николай

Мошенники, и воры, и пираты
Зачислены по тюрьмам в демократы!..
Длинны в речах, да в деле коротки!

Пушкин

Спасение — армейские штыки?

...А зал сверкал озерами зеркал,
На площади Сенатской возникал
Александрийский столп,
И ангел томный,
Эпохи муштровой свидетель скромный,
Крылами верноподданно плескал,
И град Петра из парков и оград,
Из мостовых, острогов и соборов
Рос над Невой, и даже тень «Авроры»
Плыла к огням рабочих баррикад;
Свистел жандарм, в дверь колотил приклад,
И в трапы, каменно-береговые,
Река швыряла гребни штормовые!

Благополучно завершив пролог,
Царь продолжал неравный диалог.

Николай:

Сановникам не перенесть конфуза!

Пушкин

Сановники-то — немцы и французы,
По-русски написать не могут фразы,
А издают законы и указы!..

Николай

Восстать — удел раба, его недуг,
Слепая плата за повиновенье,
Не смыслит он, по чьёму ж мановенью
Хозяин новый явится, как друг?
И раб на троне — тот же гнусный раб,
И там, где вечность для него открыта,
Он приникает к свинскому корыту!

Пушкин

Ну, а сатрап в короне?

Николай

Есть сатрап!
Париж, Париж!.. И медленно поднялся.—
«Свободопроповедник!
И бунтарь!
Молва гуляет!» —
И заулыбался,
Но Пушкин строг:
«Спасибо, государь!»

Царя ли дипломатии учить?
Соображает: как же приручить,
Конфликты, эпиграммы исключить,
И притереться, и поладить как?
И на столе сжимается кулак!..

...Дуэль!
Пронзит сознание кому-то
Трагическая нации минута.
Когда уста глашатая замкнуты,
Кровавые пиры дают малюты,
Садизм встает медведем на дыбы!
Прочь, дипломаты, сыщики, попы!

Кровь!
Ветер!
Секунданты — у тропы!..
По ту и эту сторону борьбы
И господа смешались и рабы!
Коммуна
Вымахнет из голытьбы!..

●

«Детей,— простонет Пушкин,— приведите!»
Жуковский впустит — малых, четверых...

Пушкин

Вы Сашу без меня благословите!
Вы Гришу без меня благословите!
И Машу без меня благословите!
Наташу без меня благословите!
Жену Наталию!
И остальных —
Друзей незабываемых!..
Родных!..

Жуковский

В России лучше не родись поэтом,
Не травлею убьют, так пистолетом,
Защиты от иезуитов нет,
А царь взирает вскользь на сей предмет.
«К барьеру! — бредит Пушкин.—
Пистолет!..»
О Русь моя,
Твой величавый гений
Отчаянье и муки отметет
И молвит для безвинных поколений:
«Жизнь кончена!
Я слышу: смерть идет!..»
И сразу на подушку упадет.

Даль

И жизнь его и смерть — проклятье тем,
Кто, тучневея на своих усадьбах,
В народе вертится, как шут на свадьбах,
Маньяк бичей позорных и систем!

Жуковский

Кому плясать, кому стихи писать!

Даль

И правильно!
Эх, Пушкин! Пушкин!
Сло́ва
Российского и совесть и основа,
Читать легко,
И петь,
И осязать!

...Умолкнул грубый грохот пистолета.
За каждого теснимого поэта,
За каждого опального поэта,
За каждого распятого поэта,
В семнадцатом потребуют ответа!

Санкт-Петербург.
И Пушкин.
Мгла рассвета.

●

Жена еще беспечней и наивней,
Нежнее жесты и зазывней речь,
Ее волос мятущиеся ливни
Вдруг захлестнут, и чувств не уберечь.
Она обнимет, оторви попробуй,
Она завеет, заголубит дух!
Гошняк, субъект, подобранный особо,
Подбросил тонко вышколенный слух
Для офицеров, модниц и старух,
И муж к нему, ревнивый, ой, не глух:
Растаяла безоблачность идиллий,
И сплетня зазубрилась наизусть,
Но честные поэты не делили:
Что защищать — любимую иль Русь!

Вон с тополями облака балуют,
Румяньтесь, весны северных краев!
Роса, гроза и дождь напропалую:
— Наталия! —
И он ее милует
До самых до рассветных соловьев!
И Николай и Бенкендорф далеко,
И груз невзгод покуда невелик...
Уже не звуки, а орлиный клекот,
Уже не смех, а лебединый клик!
И никогда, никем не занятая,
Она, жар-птица, мечена кольцом,
Покорная, понятная, святая,
Как в краткий миг тогда, перед венцом!
Кто боль его истошную измерит,
И он упорно ябедам не верит:
И шустро же издерганный Дантес
Намедни в родичи к нему пролез!
Фигляр!
Дантес!

И брошек, и колец,
И ожерелий надобно поболе!..
Наталья — перепелка на приколе,
Нехватка денег, а балы — круглы,

И скромный — в тыщу обойдется мигом,
Несчастие собой приносит книга,
Надеешься — строка, а смотришь — фига.
Латаешь стены — светятся углы!..
«Когда б
Я был богатый фанфарон,
Король иль престарелый фараон,
Наташенька, к тебе несли б подарки,
И в платьях, самых праздничных и ярких,
Тебя, — он шутит,—
Я б возвел на трон!..
Ну, а себе построил бы гробницу
В пустыне, где ни дикаря, ни птицы.
И, порешив до срока усыпиться,
Тебя, Наташенька, моя царица,
Перекрестясь бы, я поцеловал,
И — в гроб,
Как порешенный наповал!..»

●

Пройдут года — умрет Иона рыжий,
И осенью в неласковых горах
Рассеется его негромкий прах,
Гошняк не раз окажется в Париже.
И через время, после поединка,
С Дантесом их соединит заминка:
Стареющие,
Даже меньше ростом,
Хоть семьдесят отмерь, хоть девяносто,
Усохшие, и оба как с погоста,
И оба при чинах и при горбах,
Змеиное ехидство на губах.

...Завяжется беседа впопыхах.

Гошняк

Приветствую, почтенный генерал,
Герой Парижа! И свояк поэта!..

Дантес

Пожалуйста, прошу, оставьте это,
Я пистолет в тот день не выбирал!
Я просто застрелил,
Я ж не украл?!

Гошняк

Поступком вашим Аполлон играл!..

Дантес

Скорей! Скорей! Нам нужно!..
Где карета?..
Успеть бы!

Гошняк

Ничего я не пойму!

Дантес

О, погрузилась Франция во тьму,
Известны вам жестокости декрета?
Страна в знамена красные одета!
Сенатор я! Я шалости уйму!
Я меры безопасности приму!
Скорей! Скорей!
Бежим-ка до дверей,
И я переоденусь в кабинете,
Со мной бумаги срочные в пакете!
Казнят!
Резвится скопище зверей!..
И дочь моя свободы начиталась,
Во Франции славянкою осталась,
И русский изучила назубок,
И Пушкин для нее — кумир и бог!

Гошняк

Утишится, помодничавши малость!
У юной вкус, известно, неглубок!

Дантес

Утишится?
Едва ли!
Как заразу,
Я б выжег слог его до запятой,
Цыганский, по-мужицкому простой!
А дочь, представьте,
Потеряла разум.

Гошняк

Вы шутите?

Дантес

Нисколько не шучу!
Я застрелил, конечно, не случайно,
Лишь перед нею замелькала тайна,
У дочки помутилась голова!

Гошняк

Беда! Давно?

Дантес

Давно, к чему слова?

Гошняк

Вы шутите?

Дантес

Мне трудно, я молчу!
Бежим, переодеться я хочу.
Пиджак крестьянский нужен, шаровары,
В Париже митингуют коммунары!

Гошняк

Где дочь?

Дантес

Ее с собою захвачу!..

●

Не пистолеты — пушки говорят,
И звякают надменные короны,
И рушатся владыческие троны,
И вольно строфы Пушкина парят.
И реет над планетой Марсельеза.
Свинец — в свинец! Железо — на железо!
Да здравствует всемирная дуэль
Государям, трусливым и продажным,
И генералам, и министрам важным,
И сыщикам, усердным и убогим!
Клокочет революций колыбель!

О, Марсельеза, столько в ней тревоги!..
В Париже град свинцовый!
...И от пург
В России пробудился Петербург.

И жив еще поэт, и лишь дуэль
Прихлынет к ретивому, как метель.
В Михайловское надо б — канитель
Замучила,
Ни дней и ни недель
Здесь, в Питере, не видишь,
Маета,
И сам не тот, и жизнь твоя не та!

●

Царям царить, диктаторам диктарить.
Опять ершист и легок щегольски.
И дамам адресует он кивки,
Гусар и князь спешат с ним погутарить:
— Гордец!
Романтик!
— Баловень!

Аллея!..

За ужином. Среди шпиков, кликуш,—
Он на эпоху целую зрелее
Торжественно лоснящихся чинуш.
Кипит в стаканах звонкое вино,
Стрела острот восторженно искрится.

Служитель муз,
Да свалится граница
В кромешный ад,
На пепельное дно!

Кто детство чтит, к нему ль не возвратиться,
Вороничу,
Изборску
Поклониться,
И на могилах предков помолиться,
И шелесту трех сосен подивиться,
А не желает, значит, не дано
Большой судьбы!
И хуже пилигрима
Он проплывет своей Отчизны мимо,
Покинуто, бесстыдно, нелюдимо,—
Призванью Родина необходима,
Призванью без Отечества темно:
Шампанского! —

...И Млечный Путь — в окно!

Бесстрашный по застолью и по ссоре,
В счастливый час,
А может, в роковой,
Он бурно пьет за дерзость и за море,
И всем ретивым холуям на горе,—
За резкий нрав стихии громовой!

●

По мертвецам ветра отголосили...
И лира цензором поражена:
Сатрапы ли пекутся о России,—
Им грозная империя нужна!
И мчится тройка, не угнаться бесам,
Домой! Домой!
Глядит луна с небес.
Дантес! Дантес! Ни шагу без дантесов,
Едва ступил — Гошняк или Дантес!
Дантесный у дантесов интерес!
Презренный раб, он принял недвулико
Иезуитский отчима завет.
Но кто ему, лакей или владыка,
Совал в ладонь упрямо пистолет?
Он вспоминает о чужих удачах:
Весьма знакомый, бравый рифмоплет,
Наградами осыпан и означен,
И в тайные советники назначен,
Газетной аллилуей околпачен,
Поскольку пыл на оды поистрачен,
Отяжелел, а всех зовет в полет!..

Взмахнул собор овальными крестами,
Бабахнул мрачно колокол в упор,
И расписные санки с подрезами
Шуршат, с бугра ныряя на бугор.
Залаяла безмозглая дворняжка,
Иона, поп, в шинок засеменил
И, угадав наитьем, чья упряжка,
Всей пятерней дорогу осенил...
А после, опоражнивая кружку,
Он буйствовал с кудлатым батраком:
«Возница гикнул, пресвятая, Пушкин! —
В Михайловское шпарит прямиком!
Не по шальной, обоченной кривухе,
А в пересек, погодь, молокосос! —
И зарыдал: —
Приказчик, медовухи
Мы за него!..
Храни его, Христос!»

Иона

Батрак ты и батрак!

Батрак

Чего пенять?

Иона

Тебе ль, разбойник, соловья понять?

Батрак

Ах, сукин сын, шпион, кудлатый поп,
А ну, подставь-ка толоконный лоб!

Иона

Угомонись!
Прозрей!..

Батрак

Постой!
Постой!

Иона

И мой стакан пустой!
И твой — пустой!..

А тройка мчится, только вихрь клубится,
Хрип лошадей, тревожно-ножевых...
«Я рад погибнуть, чтобы вновь родиться,
Чем умирать живому средь живых!
Пусть я царя и бога не осилю,
Но я клянусь сквозь пасмурь и метель:
Служу России,
Берегу Россию
И за нее иду я на дуэль!»

●

Доносят Николаю и доносят,
Но сдержанно, приврут, так в аккурат,
Доносчик-то, поди, прощенья просит
У господа, профессии не рад,
Донос не компенсирует затрат...
Хотя Гошняк в Париже лобывал,
Донос ему — как длинный перевал!
Несладко есть столичные пампушки,
И рассуждает, почесавши нос:
«А если я бы, оказалось, Пушкин,
Кто настрочил бы на меня донос?»
С забот щетиной, кляузник, оброс!
Он закурил, подумал над вопросом,
И позднее раскаянье отверг,
И словно
По ступеням,
По доносам,
Мучительно подвинулся наверх.
Туда, где реки клеветы и крови
В хоромах николаевских стеклись:
...По-лисьи передергивались брови,
И ноги лихорадочно тряслись.

Доносчик, безусловно, не товарищ,
И с гошняками общий суп не сваришь!
Дантес! Малюта! Черт бы их побрал!
Фанатики! Кровавый карнавал!

А Пушкин — Пушкин!
Заалело утро,
И солнце пролилось из-за гардин.
О, непоседа, удалой и мудрый,
И у России-матери
Один!

1972—1975.

Н. ВЕРИНА

РАВНОДУШНЫЕ

Начиналась эта история светло и мажорно. Летней ночью прошлого года несколько молодых людей долго бродили по притихшей, сонной Москве. Настроение было самое радужное. Так бы вот идти и идти по пустынным улицам, встречая рассвет, и беседовать, делиться заветным, обсуждать планы на будущее. Окончена школа, жизнь зовет, обещает, обольщает множеством дорог. Какую избрать? Нет, этот вопрос не стоял перед друзьями. Выбор уже был сделан. Все они давно увлеклись техникой и решили стать программистами ЭВМ. Предстоящие экзамены в техникум не пугали: ребята готовились тщательно, целеустремленно, а потому были уверены и в знаниях своих и в силах.

С той прекрасной ночи минуло более года. Что же наши герои? Попали в техникум? Или, может, все-таки срезались на каком-то коварном вопросе экзаменатора?

В техникум они не попали. Только не было ни коварных вопросов, ни самих экзаменов. Даже заявлений о приеме в техникум, и тех не было. Как же так? Разве нет в Москве учебных заведений, готовящих программистов? Есть, конечно. Да вот хотя бы техникум электронных приборов. Но в его современном, новехоньком, просторном здании, построенном и оборудованном по последнему слову техники, не нашлось места нашим героям. Путь туда им преградили равнодушные люди, облеченные высокими полномочиями, но пуще огня боящиеся лишних хлопот.

Доказательство тому — толстая папка, лежащая передо мной. Папка начинена множеством бумаг — деловых, официальных, на бланках. Ответственные подписи стоят под теми документами, и все по поводу поступления в техникум героев этой злополучной истории. А сколько было устных и телефонных переговоров, совещаний! Но дело до сих пор не продвинулось ни на вершок. Да по какой же причине?

Суть в том, что для молодежи, тщетно пробивающейся в этот техникум, мать-природа обернулась мачехой: все они лишены слуха. Потому и школу ребята окончили не обычную, а специальную. Чтобы получить восьмиклассное образование, учились двенадцать лет. Зато, как говорят ученые, прошли полную реабилитацию: приобрели навыки общения со слышащими, научились говорить, считывать речь с губ и хорошо справились с учебными программами. Выпускники таких школ успешно работают на предприятиях или учатся в институтах и техникумах. Уже много лет, например, питомцы специальных школ поступают в МВТУ имени Баумана, в Московский машиностроительный техникум имени Дзержинского, в зубопротезное медицинское училище. Опыт подтверждает: люди с недостатками слуха и речи, занимаясь с помощью переводчика, который перелагает звуковую речь на язык мимики и жестов, прекрасно овладевают знаниями. Выпускники спецшкол живут жизнью всей страны и в последние годы тянутся к новым специальностям: вычислительной технике, радиоэлектронике, автоматике. Причем научные исследования подтверждают целесообразность использования их в этих областях.

Есть, между прочим, официальный документ: «Перечень основных специальностей, по которым возможна подготовка специалистов со средним образованием из числа глухих граждан». Он утвержден 18 апреля 1963 года Министерством высшего и среднего специального образования СССР и согласован с ВЦСПС и Министерством здравоохранения СССР. Так вот, в перечне этом среди прочих специальностей, рекомендованных для абитуриентов из спецшкол, имеется и такая: программирование на быстродействующих математических машинах (специальность 1735). Кстати, и в других странах опыт подготовки по такой специальности людей, лишенных слуха, вполне оправдал себя.

Исходя из всего этого, союзное Министерство высшего и среднего специального образования и Московское городское правление Всероссийского общества глухих (ВОГ) обратились в Министерство электронной промышленности СССР с ходатайством: организовать в 1974/75 учебном году при Московском техникуме электронных приборов экспериментальную группу по специальности 1735 для людей с недостатками слуха и речи. Прежде чем обратиться с такой просьбой, министерство тщательно и всесторонне подготовило вопрос. Он был вынесен на рассмотрение Министерства просвещения РСФСР, Госплана СССР, ВЦСПС, Научно-исследовательского института дефектологии Академии педагогических наук СССР. Во всех инстанциях после делового обсуждения предложение встретило дружную поддержку.

Техникум электронных приборов не случайно был выбран базой для экспериментальной группы. Именно он — из всех столичных техникумов, где готовят программистов для ЭВМ,— обладает наилучшими условиями. Впрочем, о них мы уже говорили: новое, прекрасное помещение, преподаватели высокой квалификации, отличная экспериментальная база.

Итак, ходатайство отправлено. И все пошло своим чередом. Министр электронной промышленности А. И. Шокин распорядился: «...рассмотреть возможность организации группы для глухих в техникуме». А потом... Вот строки из письма председателя Мосгорправления ВОГ В. Хобота от 3 сентября 1974 года депутату Верховного Совета СССР Е. А. Щекутевой:

«При рассмотрении этого вопроса в аппарате Министерства электронной промышленности СССР без всяких оснований подготовлен отрицательный ответ». Депутат обращается к министру и получает ответ: «К сожалению, из-за отсутствия специалистов в области сурдопедагогики, преподавателей-дефектологов и специалистов-переводчиков и необходимой учебно-методической документации организовать обучение детей с недостатками слуха и речи в Московском техникуме электронных приборов не представляется возможным».

Но почему же, из каких соображений сотрудники министерства, выполнявшие поручение А. И. Шокина, так неверно ориентировали его? О каких детях идет речь в ответе депутату? Людям, окончившим спецшколу, по 18—20 лет! И для чего им сурдопедагоги, дефектологи? Ведь в спецшколе они прошли полную реабилитацию. Переводчик им нужен в техникуме, квалифицированный переводчик!

Правда, на этом письмо министра не кончалось. Далее вносилось контрпредложение: создать экспериментальную группу при Московском машиностроительном техникуме имени Дзержинского. При этом министр ссылался на богатый опыт техникума и на согласие его дирекции организовать подобную группу.

Странно, очень странно. Ведь у машиностроительного техникума имени Дзержинского совсем иной профиль, не готовят там специалистов по работе с ЭВМ! Группа для людей с потерей слуха существует, но занимаются они обработкой металлов резанием. Согласитесь, что это весьма далеко от математических быстродействующих машин.

И на последовавший запрос Мосгорправления ВОГ директор машиностроительного техникума М. Грибениченко решительно возразил:

«Представители Московского техникума электронных приборов консультировались с нами по вопросам обучения учащихся с недостатками слуха и речи. Однако заверений о возможности организации обучения группы по специальности 1735 наш техникум не давал. Мы не можем организовать обучение такой группы из-за острого дефицита в учебных помещениях и отсутствия какой-либо учебно-материальной базы».

Вот так. Четко и ясно. Однако Министерство электронной промышленности СССР и далее продолжало ссылаться на согласие не подведомственного ему техникума. Такая ссылка содержалась, например, в письме заместителя начальника управления кадров и учебных заведений министерства В. Кунина, в письме, присланном в редакцию «Огонька» и опубликованном в № 7 журнала за этот год.

Да, хоть и больно это признавать, но признать приходится: в то время как одни ответственные и очень занятые лица не жалели усилий, чтобы поскорее продвинуть организацию группы и помочь молодым людям, другие, не менее ответственные, лица изо всех сил старались переложить это дело на чужие плечи, изобретая хитроумные пассажи.

23 октября прошлого года директор техникума электронных приборов Н. Попов обратился в Мосгорправление ВОГ с просьбой выделить преподавателей и переводчиков-специалистов в области электроники и вычислительной техники:

«Просьба вызвана тем, что нашему техникуму предложено в 1974/75 учебном году вести подготовку молодежи, страдающей недостатками речи и слуха...»

Сразу ясно, что это не более чем отписка: ведь учебный год уже начался. 20 января нынешнего года Н. Попов вновь отправляет запрос в тот же адрес, но уже расширяет требования: оказывается, техникуму нужны преподаватели, знающие электронику, алгоритмические языки, вычислительную технику и программирование и умеющие работать с учащимися, лишенными слуха. А в обычных квалифицированных переводчиках техникум не нуждается.

И тогда директор НИИ дефектологии Т. Власова и председатель Мосгорправления ВОГ В. Хобот направляют директору техникума письмо (копия начальнику управления кадров и учебных заведений Министерства электронной промышленности А. А. Маклакову). Вот оно, это письмо, вносящее полную и окончательную ясность:

«...Для обучения глухих в организуемой вами экспериментальной группе особых преподавателей, умеющих работать с глухими, не

ЖАТВА

Михаил АНДРИАСОВ

Трудное лето выпало нынче донцам. Не скажу, что «астраханец» нагрянул внезапно, вопреки ожиданиям. Тревожные признаки недоброй погоды дали знать о себе еще в последних числах марта. Конечно, и раньше бывали случаи, когда март приходил на Дон с лучами не весенними, а скорее летними. Однако столь раннего лета на ростовской земле я не помню. Впрочем, его не помнят и донские синоптики, опубликовавшие в областной печати сообщение, что такого знойного лета на Дону не было за все сто лет метеорологических наблюдений. Жара, самая настоящая жара пришла к нам в этом году в последние дни марта. Сев провели на две-три недели раньше обычного.

В один из срединных дней мая мне довелось увидеть на колхозном поле всходы пшеницы. Глазам открылась безоблачная картина — повсюду на огромной равнине густо зеленели чистые молодые всходы.

Когда мы возвращались домой, кто-то обратил внимание на легкий ветерок, незаметно появившийся в степи. Он был настолько тихим и бесшумным, что мудрено было обратить на него внимание. Но он крался по степи, навевал коварную сушь и дул все сильнее и сильнее. Так и пришел в донскую степь знойный восточный ветер, погубивший хлеба на многих полях.

Иссушающий суховей, словно в сговоре с обжигающим солнцем, гулял по степи не день, не три, не неделю... Кто теперь точно назовет количество тех тревожных майских дней? Земля измаялась. Поблекла, затаилась степь, покрылась под огненными лучами белесыми солончаками, потрескалась, словно взывая о помощи. Недобрая тишина нависла над полями. Казалось, за сотни километров пугливо обходили Дон майские грозы. Невесть куда умчались, где схоронились неумолчные стаи птиц. Засуха сделала свое коварное дело, жестокий «астраханец» вытянул из молоденького зерна его литую силу, обескровил, прижал к земле только поднявшиеся всходы. Не налилась полностью золотой тяжестью пшеничка...

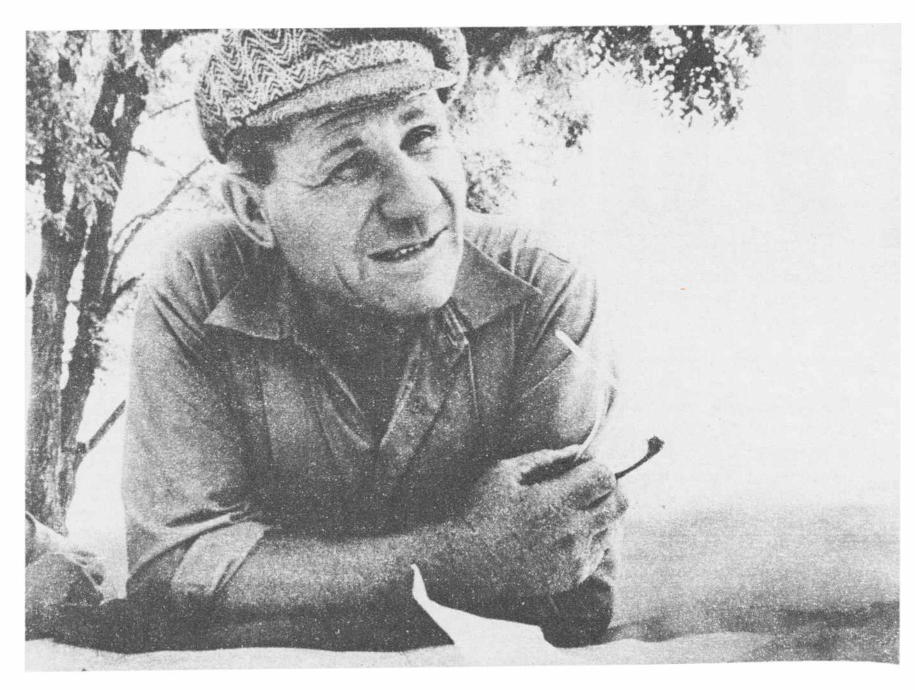
И все же засуха вполне не восторжествовала. Донские хлеборобы вступили с ней в суровое единоборство. На две-три недели раньше привычных сроков началась жатва. Природа устроила донцам труднейший экзамен. И многие этот экзамен выдержали. Знойные дни этой необычной жатвы убедительно показали, что экзамен выдержали именно там, где были крепкая дисциплина и высокая ответственность перед государством. Хлеборобы Дона сделали все, чтобы сохранить и собрать до единого зернышка.

На Дону есть с кого брать пример. Лишь год назад на всю страну прогремела весть из донского совхоза «Московский», Целинского района, о выдающемся трудовом подвиге комбайнеров во главе с Н. В. Бочкаресым.

Передовые хлеборобы Дона — а их тысячи и тысячи — даже в очень трудных условиях нынешней страды сделали рекорды нормой добросовестного, патриотического труда. При-

Чувство земли — вот главное, что определяет работу бригадира комплексной бригады Геворга Вартересовича Постукяна.

Герой Социалистического Труда Федор Яковлевич Канивец.

Фото Г. РОЗОВА

требуется. Это подтверждается многолетней практикой обучения аналогичных групп в институтах и техникумах Москвы и других городов (МВТУ имени Баумана, Всесоюзный заочный политехнический институт, Московский машиностроительный техникум и др.).

Во всех указанных учебных заведениях обучение проводится только с помощью квалифицированного переводчика. В связи с организацией в вашем техникуме экспериментальной группы подобран высококвалифицированный переводчик с высшим педагогическим образованием, имеющий большой практический опыт работы с глухими. При необходимости ваши преподаватели смогут получить любую консультацию в институте дефектологии Академии педагогических наук СССР.

Просим управление кадров и учебных заведений дать указание техникуму ускорить организацию экспериментальной группы».

Какой же ответ получили люди, ратующие за измотанных волокитой абитуриентов?

«Московский техникум электронных приборов сообщает, что по вопросу организации подготовки лиц, страдающих недостатками речи и слуха, по специальности 1735 вам следует обратиться в Московский машиностроительный техникум имени Ф. Э. Дзержинского, который является специализированным средним специальным учебным заведением».

А теперь придется нарушить хронологию и вернуться назад: уж больно впечатляющий штрих!

В начале марта, то есть в разгар прений о «необходимых» преподавателях и «ненужных» переводчиках, Московское городское правление ВОГ созвало совещание по поводу пока не созданной группы. Совещание весьма представительное, в составе одиннадцати человек. Но оно не состоялось: не прибыл заместитель директора техникума электронных приборов Г. Берлинд, хотя пригласили его заблаговременно и он согласился приехать. Подождав какое-то время, собравшиеся позвонили ему, но Берлинд отказался явиться, не объясняя причин. В протоколе несостоявшегося совещания сказано:

«Присутствующие были поражены и возмущены безответственным отношением к важному делу ответственного лица, пренебрегшего по отношению к собравшимся людям элементарными правилами приличия».

Недавно созвали еще одно совещание: в Министерстве высшего и среднего специального образования СССР. Оно-то состоялось. Но результат его, можно сказать, равен нулю. Два часа директор техникума электронных приборов Н. Попов прилагал усилия, чтобы избавиться от лишних хлопот. Не буду приводить все его доводы: о них здесь уже много говорилось. Однако всплыл и новый: ди-

меров тому немало. Не только отдельные хозяйства, целые районы досрочно выполнили свои планы продажи зерна государству. Первыми доложили об этом азовские хлеборобы. Вот что говорит первый секретарь Азовского райкома партии Геннадий Алексеевич Шкуро:

— Наши труженики брали обязательство за десять календарных дней закончить уборку урожая на площади 102 тысячи гектаров. Подавляющее большинство хозяйств с жатвой управилось за семь-восемь календарных дней.

В отряде Героя Социалистического Труда Федора Яковлевича Канивца, например, начали косовицу хлеба на свал в середине восковой спелости. Собран урожай по 30 центнеров с гектара, а озимой пшеницы — по 37. В этом отряде и в других хозяйствах района на косовице хлебов многие механизаторы показали высокий класс. Так, комбайнеры совхоза «Азовский» В. И. Кириченко и Н. И. Гайворонский укладывали в валки ежедневно хлеб на 113—115 гектарах.

В хозяйствах района позаботились, чтобы укомплектовать агрегаты для двухсменной работы. На помощь хлеборобам пришли рабочие промышленных предприятий города Азова, рыбаки. Свыше ста механизаторов приехали с Украины, из Бродовского района, Львовской области. С первых дней жатвы стало известно о славных делах механизаторов откормсовхоза «Батайский», где организовали работу комбайнов «Колос» в три смены, установили дежурство специалистов, круглые сутки находилась в поле «летучка». В один из дней по примеру знаменитого звена комбайнера Бочкарева шестью комбайнами «Колос» были подобраны валки на 246 гектарах и намолочено 560 центнеров зерна.

Механизаторы Н. К. Часныченко и Ф. П. Хорунжий из колхоза имени Курышко за 21 час подобрали валки на 58 гектарах, намолотив 2 070 центнеров зерна, которое отвозили на ток шоферы Московской автоколонны коммунисты Н. С. Романов и Н. И. Заварыхин.

Жатва рождала героев, успех которых служил добрым примером для других, способствовал развитию всенародного соревнования за высокую производительность труда.

Кавалер ордена Ленина и двух орденов Трудового Красного Знамени И. П. Попов, комбайнер совхоза «Новый мир», со своим сыном Василием, окончившим в этом году десятилетку, комбайном «Колос» убрал 278 гектаров и намолотил 9 106 центнеров зерна. 9 038 центнеров выдал из бункера комбайнер этого хозяйства И. К. Попов. Бок о бок с азовчанами работали бродовцы, которые скосили хлеба на девяти и обмолотили на двенадцати тысячах гектаров. Отличных результатов добились украинские механизаторы С. Г. Лотоцкий, И. В. Андросюк, Е. Т. Дзюба и С. М. Мазовита. Вот она, братская помощь!

Азовская страда шла по уже испытанному конвейеру: комбайн — ток — элеватор. Азовчане засыпали в закрома Родины пятьсот тридцать тысяч тонн зерна.

Огромная ответственность ложилась на шоферов. Из автоводителей на донской жатве особенно отличился Александр Петрович Видин. Началось с того, что его бригада, перевозившая зерно в Целинском районе, ежедневно перевыполняла задания. Ростовский обком партии отметил работу бригады. В ответ Видин и его товарищи взяли обязательство: за десять дней перевезти на элеватор пятнадцать тысяч тонн хлеба. Обязательство свое они выполнили досрочно: пятнадцать тысяч тонн зерна были перевезены за девять дней.

Успехи видинцев не исключение. Скоростные рейсы совершили и водители автоотряда В. Землина. За сутки они перевезли на Зерноградский элеватор 3 420 тонн хлеба. Инициатива ростовских автомобилистов, создавших на хлебоперевозках скоростные автопоезда, была одобрена Советом Министров РСФСР и ВЦСПС.

План продажи зерна государству выполнили также Аксайский, Неклиновский, Матвеево-Курганский, Октябрьский и другие районы Ростовской области.

Крупную победу в засушливое лето одержали хлеборобы Мясниковского района. Став на трудовую вахту в честь XXV съезда КПСС, они досрочно выполнили государственный план 1975 года и пятилетку в целом по продаже хлеба государству. Сверх задания пятилетки в закрома Родины засыпано тридцать тысяч тонн зерна. В честь мясниковских хлеборобов на Дону был поднят флаг трудовой славы.

Лидером оказался колхоз имени Шаумяна. Он первым в районе выполнил план продажи хлеба государству. Ему присвоено звание колхоза культурного земледелия. Можно смело сказать, что культурное земледелие здесь обеспечило отличную работу в нынешних трудных климатических условиях.

— Хорошо поработали наши комбайнеры,— говорит председатель колхоза Мелкон Капрелович Джинибалаян.— Даже не знаешь, кого из них выделить — то ли Вартана Килафяна, кавалера орденов Ленина и Трудового Красного Знамени — прекрасного механизатора, умеющего управлять любой машиной, то ли Владимира Гайламазяна — депутата Ростовского областного Совета депутатов трудящихся, кавалера ордена Трудового Красного Знамени, то ли неутомимого Манука Гайбаряна или всегда готового помочь другим механизаторам Николая Зайцева... Все они настоящие гвардейцы жатвы. У всех на комбайнах горят звезды.

— Едва с полей ушли комбайны, как их тут же сменили тракторы. Под озимые уже вспаханы тысячи гектаров,— рассказывал секретарь парткома колхоза Лусеген Гукасович Хейгетов.— Готовимся к урожаю первого года десятой пятилетки. Думаем о зиме. Создаем прочную кормовую базу для животноводства. Ремонтируем хозяйственные помещения. Наши пенсионеры организовали три строительных звена, ремонтируют фермы, помогают строительной бригаде.

И председатель и секретарь парткома находят самые добрые слова, говоря о тружениках передового хозяйства, о себе же — ни слова. Между тем Мелкон Джинибалаян и Лусеген Хейгетов — ветераны Великой Отечественной войны — уже много лет возглавляют колхоз, награждены орденами.

Слова секретаря парткома Хейгетова рисуют общую картину, характерную для сегодняшнего Дона. Повсюду идет напряженная борьба. Уже за урожай 1976 года — первого года десятой пятилетки. Широким фронтом пашут землю тракторы. Интенсивно заготавливаются корма для общественного животноводства.

В Мясниковском районе хорошо потрудились и труженики колхозов имени Лукашина, имени Мясникяна, совхоза «Пролетарская диктатура». Комбайнер этого совхоза гвардеец жатвы В. Поляков за день намолотил 1 012 центнеров зерна. На бункере его комбайна зажглась еще одна звезда.

...Поля колхоза «Памяти 26 бакинских комиссаров» лежат вокруг одного из мемориалов Великой Отечественной войны, воскрешающего героический подвиг артиллерийской батареи Героев Советского Союза лейтенанта Сергея Оганяна и политрука Сергея Вавилова. Артиллеристы Оганяна стояли насмерть в ноябре 1941 года и не пропустили на своем участке танки гитлеровского генерала фон Клейста. Все воины батареи пали смертью храбрых у стен Ростова. Когда восьмого мая 1972 года в степи под Ростовом, у Артиллерийского кургана, был открыт памятник бесстрашным батарейцам, в Ростов пришла телеграмма из Москвы, от участника того памятного донского сражения Леонида Ильича Брежнева. Вот что он писал:

«Бои за Ростов осенью 1941 года были историческими: здесь наша Красная Армия перешла от обороны в наступление. Воздвигнутый вами памятник будет напоминать новым поколениям советских людей о беззаветном героизме их отцов и дедов, посланцев всех братских народов нашей страны, по призыву партии Ленина грудью вставших на защиту Родины от врага. Никогда не сотрется в памяти народной их подвиг, значение которого было громадным для нашей страны и для всего человечества».

В эти мирные дни на священной земле, опаленной войной, шла героическая битва хлеборобов колхоза «Памяти 26 бакинских комиссаров» за высокий урожай. Вторая комплексная бригада, которую возглавляет знаменитый на Дону Геворг Постукян, даже в нынешнее знойное лето собрала на землях у Артиллерийского кургана по тридцать центнеров пшеницы с каждого гектара. А в прошлом году бригадой Постукяна здесь был выращен самый высокий урожай на Дону — 42 центнера пшеницы с гектара. Ростовский обком КПСС и облисполком наградили эту бригаду специальным областным призом «Золотой колос».

В июне, в № 24 «Огонька», я писал о том, что прямо в сборочном цехе завода «Ростсельмаш» гвардейцам жатвы-74 Герою Социалистического Труда комбайнеру колхоза имени Кирова, Егорлыкского района, Федору Петровичу Парфиненко, знатному комбайнеру колхоза «Рассвет», Родионово-Несветайского района, чемпиону среди сельских механизаторов Дона Александру Тихоновичу Реука, передовому комбайнеру Мясниковского района Сурену Огановичу Айдиняну рабочие торжественно передали именные комбайны «Нива».

Радостно сообщить читателям, что все они и в нынешнюю суровую страду среди тех, кто впереди. Их комбайнами намолочены тысячи и тысячи центнеров зерна. На бункерах их машин горят алые звезды.

Ростовская область.

ректор обосновывал невозможность организации экспериментальной группы еще и тем, что руководимый им техникум проводит обучение на базе десятиклассного образования. Однако это не совсем так. На дневном отделении только специальность 1735 базируется на десятилетке. В остальные группы принимают тех, кто окончил восемь классов. Так что преподаватели общеобразовательных дисциплин в техникуме имеются.

Вот пока что и все. Печальная история, не правда ли? Сколько разочарований испытали люди, которые едва вступают в жизнь, люди с тяжким физическим недостатком, нуждающиеся в особо бережном отношении к ним. Юноши эти избрали специальность по призванию, искренне желают служить своей стране и почему-то должны теперь чувствовать себя чуть ли не отверженными, во всяком случае без вины виноватыми. И это у нас, в Советском Союзе, где для людей, обделенных природой, делается все, что только можно?! Вот это-то и есть самое горькое во всей истории: она в корне противоречит нормам социалистической морали, принципам советского гуманизма. Конечно, любой из тех ответственных работников, кто воздвигал заслоны пятнадцати выпускникам спецшкол, искренне возмутится, прочитав эти слова, и скажет, что он всей душой за высокогуманные принципы. На словах — да. Только грош цена такому словесному гуманизму. Настоящий гуманизм проявляется в действии, в поступках. Как же можно не поспешить на помощь тому, кто оказался в беде и ждет участия? Нормы социалистической морали требуют от каждого из нас — вне зависимости от чинов и званий — руководствоваться как интересами всего общества, так и каждого отдельного человека. И прежде всего это относится к тем, кто облечен полномочиями решать судьбу других. Недаром говорится: кому много дано, с того многое спросится.

Но не хочется кончать рассказ о злоключениях пятнадцати юношей на печальной, горькой ноте. Нет, эта история не закончена. Мы надеемся, более того, убеждены, что у нее будет счастливый конец. Высокие принципы советского гуманизма прочно утвердились в нашей стране. Никому не дано попирать их. Советские законы бережно охраняют интересы людей, желающих приносить пользу своей Родине.

УБЕЖДАЮЩАЯ СИЛА РЕАЛИЗМА

В. ПОПОВ,
председатель советского оргкомитета по проведению выставки «30 победных лет», заместитель министра культуры СССР

Полтора месяца в Центральном выставочном зале столицы экспонировалась Международная художественная выставка «30 победных лет».

Москва за последние годы «избалована» отличными экспозициями. Никогда еще в нашем городе не бывало столько самых разнообразных показов изобразительного искусства. Глубокая древность и остросовременные темы, великие мастера прошлого и художники наших дней, живопись, скульптура, графика, прикладное искусство — все это с огромным интересом к прекрасному, характерным для советских людей, воспринимается москвичами.

Казалось бы, еще одна выставка. Но выставка, о которой пойдет речь, необычная. Это — событие в художественной и общественно-политической жизни стран социалистического содружества, ее значение трудно переоценить и нельзя определить односложно.

«30 победных лет»— это торжество и неувядаемость реалистического метода в изобразительном искусстве, а сам факт организации такой экспозиции показывает многообразие и плодотворность сотрудничества в области культуры между социалистическими государствами.

Каждая из стран-участниц — Болгария, Венгрия, Демократическая Республика Вьетнам, ГДР, Куба, Монголия, Польша, Румыния, Чехословакия, Советский Союз — имела равную экспозиционную площадь и показывала работы живописцев, скульпторов, графиков, созданные за тридцать лет, прошедшие после Великой Победы над фашизмом. В интернациональном разделе были представлены произведения, сделанные прогрессивными художниками в 1930—1945 годах.

В общей сложности в национальных разделах экспонировалось около тысячи четырехсот работ восьмиста авторов. В интернациональном разделе — триста шестьдесят произведений ста семидесяти художников.

В журнальной статье трудно рассказать о такой большой и многоплановой выставке. Хотелось бы остановить внимание читателей на том, что представляется здесь наиболее важным и значительным.

Прежде всего о содержании. «30 победных лет»— это рассказ о том, как рождался, развивался, набирал сил, стал могучим и непобедимым мир социализма.

Веками лучшие умы человечества мечтали о равенстве и братстве, об обществе созидательного свободного труда и равных возможностей для раскрытия талантов, осуществления надежд. Такое общество рождалось в боях с миром эксплуатации и угнетения, с господством капитала. Борьбе этой посвящено немало произведений выставки, причем каждый из национальных разделов отражает особенность развития своей страны. Для большинства братских государств начало пути социалистического развития связано с освобождением от фашизма. Эта тема органически сочетается с темой благодарности Советской Армии-освободительнице, советскому народу, первому в истории социалистическому государству, на плечи которого выпала основная тяжесть борьбы с гитлеровцами.

Здесь можно было бы назвать картины «9 сентября 1944 года в Брезово» болгарского художника Златю Бояджиева и «Партизанская песня» его соотечественника Илии Петрова, работы венгров — скульптора Ене Кереньи «Памятник партизану» и живописца Шандора Эка «Убийство парламентеров», большое, многоплановое полотно Вилли Зитте из ГДР «Каждый человек имеет право на жизнь и свободу» и картины известного художника-антифашиста Ханса Грундига «Жертвам фашизма». Победе посвящены холсты польских живописцев Стефана Дамски «Первый военный парад» и Рышарда Борса «Пограничный столб на Одере», картина одного из старейших румынских художников, Александру Чукуренку, «Первый свободный Первомай» и работа его более молодого соотечественника Брэдуца Ковалиу «Наступление советских и румынских солдат в Ардяле», работы Ивана Шурмана из цикла «Словацкое национальное восстание» и эскиз памятника «Братство» работы чехословацкого скульптора Карела Покорны. В советском разделе можно было увидеть произведения, которые давно известны и любимы нашими зрителями, и среди них «Письмо с фронта» Александра Лактионова, «Конец» Кукрыниксов, "Партизанская мадонна» Михаила Савицкого.

Победа и освобождение пришли во многие страны тридцать лет назад. Но монгольские братья вступили на путь строительства новой жизни значительно раньше и шли плечом к плечу с советским народом в ту пору, когда новый мир социальной справедливости на земле представляли только два наших государства. И закономерно поэтому, что открывает монгольский раздел картина Адъягийна Сэнгэцохио «Встреча с Лениным», на которой запечатлен приезд в Москву монгольской делегации во главе с Сухэ-Батором.

Шестнадцать лет назад закончилось победой освободительное движение на Кубе; совсем недавно вьетнамский народ окончательно сбросил ярмо империалистического угнетения. Об этом рассказывают живописные полотна кубинца Орландо Янеса «Вперед» и вьетнамца Нгуен Ван Тюнга «Весть о победе».

Немало работ на выставке было посвящено героизму и страданиям народов в прошедшей войне; эта тема перекликается с современными антивоенными произведениями, среди которых и солидарность с борьбой вьетнамского народа и гневный протест против зверств чилийских горилл. Силой своего искусства художники утверждают социализм — мир, труд, свободу и сурово обличают империализм — войну и реакцию.

Основное же содержание экспозиции — созидательный труд народов стран социалистического содружества, ведущих под руководством марксистско-ленинских партий строительство нового общества. На многих полотнах и графических листах запечатлены новостройки — заводы, фабрики, новые жилые кварталы. Большое количество работ посвящено совместным стройкам, таким, например, как нефтепровод «Дружба» и другие.

Живописцы, скульпторы, графики вводят нас в жизнь и дела сегодняшнего дня, в мир созидания и радости. Сохраняя национальное своеобразие, они поднимаются в своих произведениях до высокого обобщения, показывая воплощенное в жизнь будущее всего человечества — мир духовной чистоты и жизненной, реальной красоты. В центре всего — человек. На выставке было много портретов людей труда, ученых, деятелей искусства. Пожалуй, это самое волнующее и значительное — сегодняшние люди, наши современники и вместе с тем люди будущего, соединившие труд и интеллект, олицетворяющие цельность, духовное богатство.

Художники разных стран обращаются в своем творчестве к дорогому для всех образу — образу великого Ленина. Трудно выделить какую-либо из этих работ, ибо каждый из авторов находит свое решение, свой подход к теме. Международная Лениниана уникальна и заслуживает специального разбора специалистов-искусствоведов. Портреты революционеров, верных последователей Ленина — Георгия Димитрова, Эрнста Тельмана, Хо Ши Мина, наших современников, возглавляющих братские партии, ярко воплощены в живописи, графике, скульптуре. Здесь хотелось бы выделить отмеченную подлинным талантом работу молодого советского ваятеля Виктора Сонина, точно и глубоко раскрывшего в мраморе образ Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

Торжество нового общества, устремленного в завтрашний день, общества, которому принадлежит будущее, социальный оптимизм, исторически оправданный и доказанный,— вот лейтмотив состоявшейся международной экспозиции. Начинающий ее интернациональный ретроспективный раздел звучит как бы напоминанием и предостережением: «Оглянитесь назад, не забывайте, что и сейчас еще в мире немало таких, кто хотел бы повернуть исторический процесс вспять». Об этом необходимо помнить, хотя времена не те и расстановка сил иная, чем прежде.

Мы говорили о содержании выставки. Но как же все это многооб-

А. Сэнгэцохио. Род. 1917. ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ. 1967. МОНГОЛИЯ.

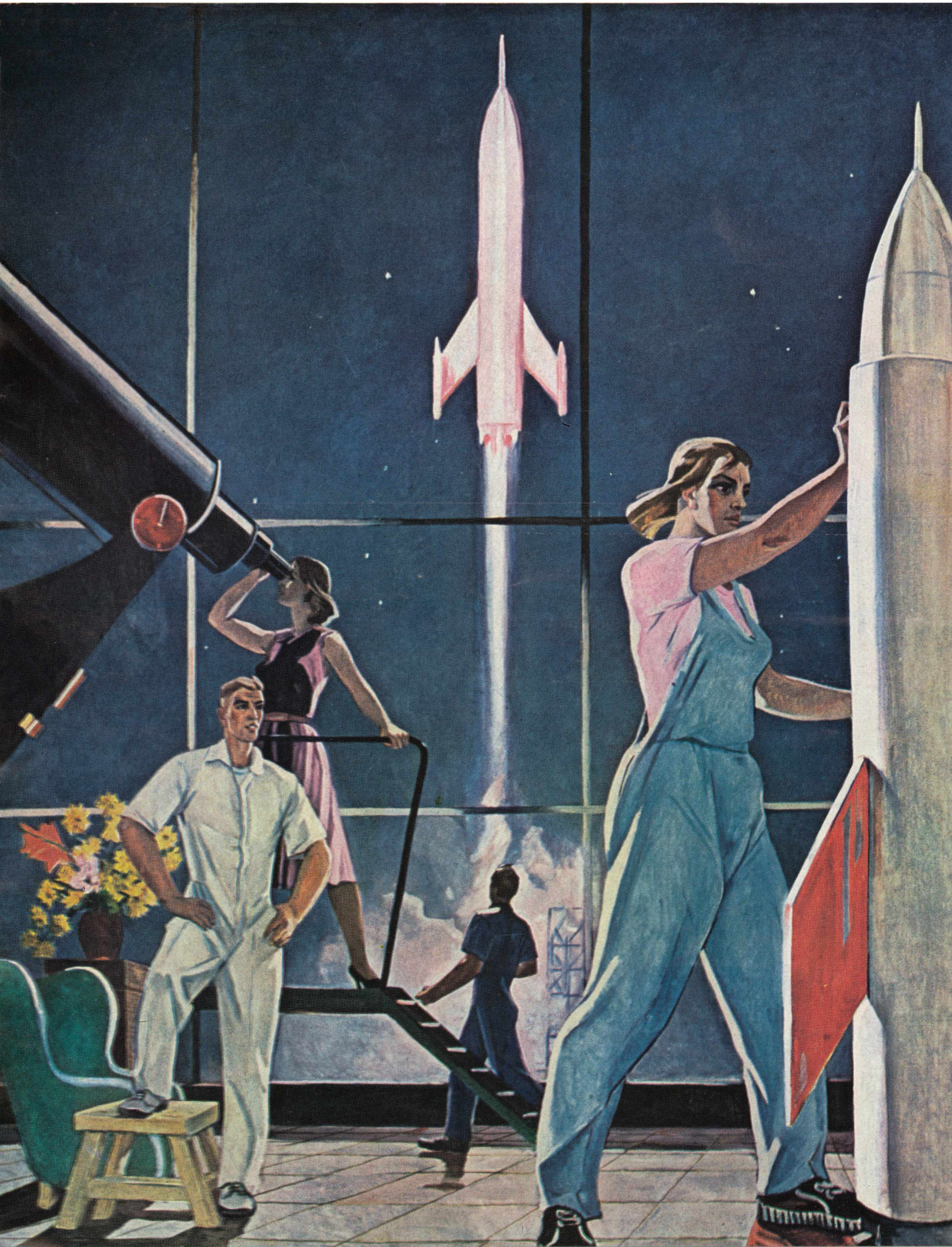
З. Бояджиев. Род. 1903. 9 СЕНТЯБРЯ 1944 ГОДА В БРЕЗОВО. 1945. **БОЛГАРИЯ.**

Б. Либерски. Род. 1926. ЗНАМЕНА. 1974. ПОЛЬША.

М. Медвецка. Род. 1914. МАЛЬЧИК С ВЕШКОЙ. 1954. ЧССР.

Нгуен Ван Тюнг. Род. 1935. ВЕСТЬ О ПОБЕДЕ. 1968. ДРВ.

А. Дейнека. 1899—1969. КОСМОС. 1961. СССР.

Р. Бергандер. 1909—1970. ДОМОВЫЙ КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ МИРА. 1952. ГДР.

Д. И. Куруц. Род. 1914. МОЛОТЬБА. 1960. ВНР.

О. ЯНЕС. Род. 1926. ВПЕРЕД. 1974. КУБА.

К. Баба. Род. 1906. СТАЛЕВАРЫ. 1962. РУМЫНИЯ.

разие доносится до зрителя, каков художественный метод столь разных мастеров, что их объединяет, что делает их творчество доступным и понятным?

Выставка «30 победных лет» представляет искусство социалистического реализма в огромном богатстве его проявлений, выражает гражданственную направленность творчества художников братских стран, свидетельствует об их приверженности прогрессивным направлениям мирового искусства. Несмотря на особенности и своеобразие национальных традиций, участников экспозиции объединил общий, понятный широкому зрителю художественный язык.

Можно с уверенностью сказать, что это была победа, торжество реалистического метода. Выставка показала жизненность искусства мира социализма, а это одна из примечательных тенденций современности. Для стран, выбравших своими идеалами гуманизм и справедливость, реализм всегда был основным направлением творчества лучших мастеров. Сейчас повсюду растет интерес к нему и стремительно тает полускандальная слава самых разнообразных псевдоноваторских направлений. Пустеют залы музеев модернистского искусства, и, напротив, увеличивается популярность реалистических произведений.

Процесс этот закономерен. Мы хорошо помним, что на нашей земле родились и работали художники, которых считают основоположниками некоторых течений современного формализма и в том числе абстракционизма. Действительно, кое-кто из наших соотечественников в предреволюционные и первые послереволюционные годы, мечтая о разрушении старого мира, предлагал в искусстве ломать форму, созданную поколениями великих мастеров. В основе этого неистового устремления лежало мелкобуржуазное понимание революционного процесса.

В нашем отечественном искусстве победило здоровое и мощное художественное направление; его представители вместе с воздухом социалистической революции впитали новые задачи, глубоко их осознав. Захваченные великими идеями, они обогатили реалистическую форму своими поисками, внесли в нее новое содержание. Опыты ниспровергателей-неудачников давно остались только частицей истории. Тем более жалкими выглядят сейчас эпигоны модернистов; не обладая темпераментом и талантом своих предтеч, они пытаются выдавать странные опусы за новаторство, повторяя на самом деле зады формалистических ухищрений полувековой давности.

Выставка художников десяти социалистических стран — наглядный пример торжества, жизнеспособности и развития реалистического изобразительного искусства, она наносит удар по мертвящему модернизму.

Зритель, который внимательно знакомился с представленными на ней работами, мог воочию убедиться, насколько широки возможности социалистического реализма, насколько разнообразны его темы, стили, формы. И это еще раз убедительно опровергает незадачливых критиков, обвиняющих передовое направление искусства в однообразии, в стандарте. Каждому объективному человеку на примере международной экспозиции «30 победных лет» становится ясно, что подлинное, яркое и разнообразное реалистическое искусство близко и понятно народу. Вместе с тем знакомство с современным авангардизмом, несмотря на многочисленность названий его «школ» и «направлений», оставляет гнетущее ощущение унылого и абсурдного однообразия, жестокой бессмыслицы.

Убеждающая сила реализма подтверждается также тем, что среди почти тысячи художников, представленных на выставке, есть и имена выдающихся мастеров старшего поколения, таких, например, как Александр Дейнека, Аркадий Пластов, Корнелиу Баба, Мартин Бенка, Ксаверий Дуниковски, Златю Бояджиев, Фриц Кремер, и имена художников, находящихся в расцвете сил, а также совсем молодых. Это значит, что мастера разных поколений, сплоченные под знаменем реалистического искусства, служат великому делу построения нового общества.

В самом факте организации выставки, объединившей художников десяти стран, есть еще одна очень важная сторона — это свидетельство высокого уровня сотрудничества, отражающего общий характер сплоченности и нерушимости социалистического содружества. Мы все являемся свидетелями разнообразного по формам, глубоко братского по смыслу культурного сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе, получившего особенно широкое развитие между нашими странами в последние годы.

Дни культуры братских стран, фестивали музыки и драматургии, совместная работа над произведениями искусства, непосредственное сотрудничество учреждений культуры, обмен опытом работы — за всем этим стоит идейная общность, единство целей, направляющая и организующая воля марксистско-ленинских партий.

Здесь уместно вспомнить, что первая выставка художников социалистических стран состоялась в 1958—1959 годах. Затем после довольно долгого перерыва, в начале 70-х годов, вновь возникла идея проведения совместного показа реалистического искусства, для начала — тематической живописи. Самые добрые слова хочется сказать об энергичнейшем стороннике этой идеи, к сожалению, ныне покойном, замечательном болгарском художнике-коммунисте Николе Мирчеве. Он был главным инициатором проведения той выставки тематической живописи социалистических стран, которая состоялась в Софии в 1973 году.

В 1974 году на совещании министров культуры социалистических государств в Гаване было единодушно решено организовать совместную экспозицию, посвященную 30-летию Победы, и начать ее показ в Москве.

И вот выставка состоялась. Она пользовалась большим интересом: ее посетило около 100 тысяч человек. Из Москвы она переедет в Берлин, потом в Софию и другие столицы стран социалистического содружества.

Международная художественная экспозиция «30 победных лет»— это торжество передового искусства социалистического реализма, крупная победа нашей идеологии. Победа общая и победа каждого из национальных отрядов художников братских стран.

радио

ПРОДОЛЖЕНИЕ СУДЕБ

«Приглашаем слушателей на радиоспектакль по первой книге романа Петра Проскурина» — было написано в радиопрограмме. Как нам кажется, «особого приглашения» никто не ждал. Все, кто слышал в прошлом году первые четыре серии радиоспектакля «Судьба», с нетерпением ожидали продолжения: дальнейшая судьба героев романа равно волновала и слушателей и читателей. Более того, после прочтения книги стала еще более необходима встреча с живыми героями «Судьбы», живое прикосновение к жизни народа.

Полнокровными, будто даже осязаемыми и видимыми характерами снова предстали герои книги Проскурина, в чем, конечно, заслуга таких замечательных актеров, как Кирюшина, Баталов, Марков, Горобец и другие.

...Война, страшное и тяжкое испытание, словно сито, «просеивает», пропускает сквозь себя людей честных и закаленных — таких, как Захар Дерюгин, Тихон Брюханов, Ефросинья, и открывает взору подлость и ничтожество нелюдей.

Авторы сценария П. Проскурин и Н. Репухова, режиссер передачи Э. Верник сумели создать стройный, лаконичный, как это ни трудно было при таком большом объеме материала, и интересный спектакль, который, мы уверены, вызовет такие же горячие отклики, что и первые четыре серии «Судьбы».

Н. МИХАЙЛОВА

ФЕДОР И ДЕТИ

Рассказы, которые пишет Майя Ганина, тонки, сложны, талантливы; судьбы ее героев извилисты и непросты.

Упрямо отыскиваемые героями духовные ценности далеко не во всех случаях поддаются прямому, однозначному толкованию. Герои этих рассказов-притч, рассказов-повестей — люди незгоистические, самоотверженные; чаще всего они находят самих себя в погоне за таким счастьем, которое не схватишь руками,— зыбко-ускользающим, а то и вовсе безрассудным с точки зрения мещанских идеалов.

Мера счастья Майи Ганиной — мера бесконечно высокая. Но в этом счастье писательница,— при всей своей нравственной требовательности,— никогда не отказывает тем, кто сохранил либо заново открыл в себе живую душу, способную чувствовать и понимать жизнь, откликаться на ее зовы, порою горько, а то и непоправимо ошибаясь при этом, падая и снова поднимаясь...

Диалектика внутреннего мира, непрестанное борение добра и зла, света и тьмы в душе человека Майя Ганина рассматривает всякий раз как явления, неотрывные от времени, эпохи, жизни народа, а следовательно, как категории социальные. И из каждой исследуемой ею человеческой судьбы она извлекает — временами неожиданный — гуманистический урок.

Не будучи назидательными, подобные уроки, глубоко скрыты в художественной ткани, именно и составляют смысл всех «притч» Майи Ганиной.

Особенно взволновал меня рассказ «Настины дети». Трагический и в то же время жизнеутверждающий его смысл в том поразительном возрождении души, которое переживает после Настиной смерти Федор, муж Насти, гуляка и пьяница, немало принесший горя и самой Насте, когда она с ним жила, и своим малым, ныне осиротевшим детям.

Возникновение чувства отцовства, вовсе не изведанного ранее Федором и вот теперь помогающего ему стать человеком, обрести утраченную было душу, составляет поразительную силу этого произведения. Все в нем протекает не просто, все развивается противоречиво, все складывается в борениях. Но при этом все живет и дышит; страдает и негодует; плачет и радуется... А больше всего радуется читатель. За детей. За Федора. За найденную в нем Майей Ганиной человечность. За сохраненную для людей, для общества душу человеческую.

Правда, Ю. Томашевский в предисловии к книге — как ни странно — очень бранит главного героя; он считает, что «рак, от которого умерла Настя,— это Федор, такие, как он, их гипертрофированное себялюбие и душевная глухота. Эти люди, будто раковые щупальца, расползлись по семьям, плодя и плодя горе»... Ю. Томашевскому кажется, что если бы сама М. Ганина думала иначе, она свой рассказ озаглавила бы «Федор и дети»; а поскольку название рассказу дано иное — «Настины дети», то, значит, нечего, мол, и думать о моральном оправдании Федора.

Думается мне, Настина тема звучит в заглавии как тема прощения Федора. Как тема искупления, тема доброты... Тема скрытых возможностей, подспудно живущих даже в таких вот, будто совсем «темных» людях, не часто встречаемых нами на привычных, проторенных литературой тропах.

Рассказ о Федоре, об умершей Насте и их детях, которые обрели вдруг отца,— одна из тех глубинных, духовных разведок, которые неустанно ведет Майя Ганина,— бросает свет на весь сборник в целом и определяет его особое звучание. Часто щемящее, хватающее за душу, но всегда заставляющее нас думать о жизни. Полной живых ее голосов.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Майя Ганина. Дальняя поездка. М., «Советская Россия», 1975, 288 стр.

ИРЛАНДСКИЙ РЕПОРТАЖ

С НЕСКОЛЬКИМИ СЮЖЕТАМИ

Анатолий СОФРОНОВ

СЮЖЕТ С БРЮЧНОЙ «МОЛНИЕЙ» И С ДОРОГОЙ НА ТИППЕРЭРИ

Когда человек едет за рубеж, у друзей и близких появляются поручения. На этот раз меня попросили привезти лекарство, которого не было в Москве. Лекарство швейцарское, очень эффективное при сильных головных болях. От ранее использованного лекарства в кармане у меня был голубовато-зеленый пакетик.

Вместе с Арнольдом Буевичем мы зашли в небольшую аптеку. За прилавком стояла пожилая женщина в очках. Я протянул ей пакетик. Она посмотрела на него, затем пошарила глазами по полкам, обнаружила один пакет и обернулась к нам:

— Рецепт?

— Рецепта нет.

— Это лекарство отпускается только по рецептам.

— Что же делать? Меня просили в Москве...

— Где?

— В Москве.

— Ну что же. — Женщина протянула руку за пакетиком.— С любовью к России.

— А еще один пакет?

— Больше нет...

— Большое спасибо.

Мы зашли в другую аптеку. За прилавком стояли две девушки в голубых халатиках. История повторилась.

— Только не говорите,— сказала старшая,— что мы отпустили лекарство без рецепта.

Второго пакетика в этой аптеке также не оказалось.

Мы заехали в третью...

Поручение было выполнено. У нас еще оставалось время, и мы отправились в порт. В небольшом заливе плавали лодки под оранжевыми парусами. Подтянутые к пирсу, стояли рыбачьи шхуны. На палубах рыбаки разбирали сети. Мы подъехали к одному из причалов. Человек в рыбачьей робе с обветренным коричневым лицом перебирал сети. Недалеко от него стоял высокий юноша.

Мы поздоровались. Рыбак кивнул головой.

— Готовитесь к лову?

— А что еще делать рыбакам? Что вы за люди?

— Мы из Москвы.

Рыбак прекратил движения. Повернулся к нам и юноша.

— Первый раз в жизни вижу русских,— сказал рыбак. И уже другим тоном продолжал:— Вот с сыновьями готовлюсь к лову.— И он показал на стоящую рядом шхуну, на палубе которой находились еще двое подростков.— Езжайте на север, в Белфаст,— там для вас будет интересней. Много интересней, чем здесь...

На другой день наши хозяева устроили поездку в места, где находился ипподром и немало частных конюшен. К отелю подошел большой автобус, наполнился разноязычными голосами и тронулся в путь. Здесь был уже и президент АИПСа, вечно не унывающий Фрэнк Тейлор. Хорошо знакомый по прошлогодней встрече в Испании японский журналист Миякава с укоризной спросил меня:

— Что же вы не нашли меня в Токио? У меня для вас был накрыт стол.

За Дублином расположено много современных фабрик и заводов. За ними замелькали пастбища и загоны, в которых паслись коровы и овцы.

Постепенно в автобусе улегся общий говор и возник легкий, шутливый диалог. Чей-то голос задорно провозгласил:

— Пока сюда не пришли англичане, ирландцы были нецивилизованными людьми.

После некоторого молчания прозвучала ответная реплика:

— А я и сейчас еще бедный, нецизилизованный.

Послышался голос Фрэнка Тейлора:

— Мне рассказывали об одном ирландце, который приехал на Олимпийские игры в Мехико, захватив с собой несколько ящиков пива. Пиво, конечно, было свое, ирландское. Поскольку спортивные дела у ирландской команды были плохи, он сидел и в основном пил пиво. А когда все выпил, заскучал и сказал: «Что я тут один среди вас? В Ирландии есть и пиво и жена». Взял билет на самолет и улетел.

В автобусе раздался смех. Когда смех улегся, голос, который признавался в своей нецивилизованности, произнес:

— Все правда, могу подтвердить... Но с одной поправкой. Пиво выпили у ирландца англичане, поскольку, во-первых, в Мехико дела у них были не лучше ирландцев, а во-вторых, они привыкли жить за счет ирландцев.

На этот раз смех зазвучал громче.

Минуя пустынное поле ипподрома, автобус подкатил к трибунам, сплошь замусоренным смятыми программками, окурками, пустыми сигаретными пачками, бумажными кульками.

— Вчера были скачки,— сказал встречавший нас администратор ипподрома.— Когда-то здесь обучали лошадей для кавалерии, сейчас готовят скаковых лошадей.

В небольшом зале для приема, откуда виднелось все поле ипподрома и пунктирно протянувшаяся за ним цепочка лошадей с всадниками, на стенах висели «портреты» разномастных скакунов.

— А еще мы покажем вам строительство самого большого в мире рынка скаковых лошадей. Прошу в автобус,— сказал администратор.

Шел мелкий дождь. Поля заволокло туманом. Через полчаса мы оказались в стороне от асфальта и остановились возле опутанного металлическими конструкциями округлого здания, внешне напоминающего цирк. Да и внутри здание тоже напоминало цирк. Внизу была арена. Со всех сторон спускающиеся к арене ярусы.

— Строительство комплекса будет стоить два миллиона фунтов. Хозяин этого комплекса — самая крупная в Ирландии компания по выращиванию скакунов.

— Но для такой крупной компании, вероятно, нужны и соответствующие рынки?

—Конечно! Раньше у нас был единственный покупатель — Англия. Сейчас мы хотим распоряжаться сами. У нас есть твердое желание вернуть себе это право. Рынок здесь будет международный.

...Последним объектом нашей экскурсии был конезавод, принадлежащий преуспевающему американцу, которого все называли Теддом. Нам сказали, что разбогател он еще в Соединенных Штатах, изобретя «молнию» для брюк, а затем уже перекочевал сюда, в Ирландию. «Молнии» или что другое было первым источником его обогащения, сказать было трудно, но само конное хозяйство, скаковые лошади, которых демонстрировали перед нами, были образцовыми. Одного за другим выводили на круг гарцующих фаворитов, принесших уже немало доходов полнеющему бизнесмену, проживающему с элегантной женой и восьмью детьми (шестеро взрослых дочерей и два сына) в отличном, вместительном особняке, в котором все было напоказ: от комнаты, где на большом столе стояли в изобилии бутылки виски, джина и прочие напитки, до блещущей медью и бронзой кухни и сверкающих белоснежных унитазов в туалете, мимо которого проходили, покидая дом, гости.

Вскоре мы выбрались на ту же дорогу, которой ехали в эти места, и помчались в Дублин. Уже под самим Дублином кто-то из сопровождавших нас вдруг воскликнул:

— Внимание, господа, а вы знаете, какой дорогой мы ехали сегодня из Дублина? Дорогой на Типперэри. Помните песенку ирландских стрелков «Типперэри, Типперэри»?

И вдруг в автобусе на разных языках тихо зазвучала полюбившаяся песенка, которую во время войны мы впервые услышали в ансамбле песни Советской Армии.

Продолжение. См. «Огонек» № 33.

СЮЖЕТЫ ГАЗЕТНЫХ СТРАНИЦ

Каждый день прибавлял нам новые знания о жизни не только этой Ирландии, но и той, где ежедневно гремели выстрелы, выплескиваясь, как эхо, на страницы утренних и вечерних газет. Что же в них было, на этих страницах?

ТЕРРОР

«САНДИ ПРЕСС» за 6 апреля 1975 года.

6 УБИТЫХ И 75 РАНЕНЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЗРЫВОВ БОМБ В БЕЛФАСТЕ

Первый взрыв бомбы произошел в баре католического района Белфаста Нью-Лодж-Антрим-роуд. В результате взрыва 2 посетителей погибли и 15 были ранены, один из них тяжело. Оставшиеся в живых посетители бара возложили вину за взрыв на протестантов.

Меньше чем через 3 часа произошел не менее ужасный взрыв в одном из баров протестантского района, на Аппер Шэнкил-роуд. Прохожие видели трех неизвестных молодых людей, которые перед тем, как бросить бомбу в помещение бара, произвели через окно шесть выстрелов.

Эти трагические инциденты угрожают сорвать и без того неустойчивое соглашение о прекращении огня, которого придерживалась временная ИРА *. С начала прекращения огня, начавшего действовать с 10 февраля, произошло уже 3 взрыва в католических пабах.

Оба взрыва произошли в день национального праздника. 2 человека было застрелено 6 апреля рано утром в Белфасте.

ОРУЖЕЙНЫЙ МАСТЕР ОБВИНЯЕТ СОТРУДНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОГО ОТДЕЛА СКОТЛЕНД-ЯРДА

Оружейник Майкл Мьюэлли, работающий для компании «Типперэри», заявил, что детективы из специального отдела «обращались с ним как с преступником» и обвинили его в ограблении его же собственной оружейной лавки. Мьюэлли был вызван в полицию в связи с налетом на его лавку неизвестных, которые, связав Мьюэлли и его родных, похитили оружия на 1 500 фунтов стерлингов. Мьюэлли допрашивали с 10 часов вечера до 6 утра. Оружейник собирается теперь перебраться на новое место из опасений нового налета. Мьюэлли в прошлом член ирландской армии. 22-летний сын Мьюэлли после налета последовал по стопам отца и в тот же день вступил в армию.

НА ВОКЗАЛЕ В НЬЮРИ ПРОИЗОШЕЛ ВЗРЫВ БОМБЫ, в результате которого здания в районе взрыва получили повреждения. У свидетельницы взрыва, пожилой женщины, случился сердечный припадок.

10 УБИТЫХ, НЕСМОТРЯ НА ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ

6 апреля в помещение католического бара для ветеранов-католиков была брошена бомба, по счастливой случайности никто не был ранен. Ответственность за взрыв взяла на себя организация «Молодые активисты», сотрудничающая с «Ассоциацией обороны Ольстера». Ситуация террора еще более усугубляется распрями внутри республиканских и юнионистских групп. Протестантские священники в Шэнкилле обратились ко всем членам экстремистских организаций с призывом отказаться от террора и подумать о трудящихся, проживающих в районах, в которых творится насилие. Бомба была брошена в отместку за организацию взрыва в протестантском баре на Шэнкилл-роуд, в результате которого погибло 5 человек.

В БИРМИНГАМЕ ПРОХОДИТ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС над девятью ирландцами, обвиняемыми в организации взрывов. Приняты жесткие меры безопасности, всех входящих в здание суда обыскивают.

ИСТОЧНИКИ ВРЕМЕННОЙ ИРА отмечают, что неустойчивое состояние прекращения огня может быть еще более ослаблено после разрушения английскими подразделениями дома в районе Ардойн города Белфаста. Только за прошедший уик-энд трагическая жатва жертв достигла следующих цифр: 9 убитых (4 католика) и 70 раненых.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ ВРЕМЕННОЙ ИРА заявил вечером 7 апреля, что частям ИРА в Северной Ирландии переданы новые приказания, позволяющие им идти на ответные меры или предпринимать оборонительные акции. По условиям перемирия к таким действиям нельзя прибегать, не попытавшись уладить конфликт через согласительные центры, организованные на месте ИРА и представителями английских властей.

Сектантские действия, по словам Военного совета, стали причиной подобных мер. ИРА требует вывода английских войск из Ольстера, признания права ирландского народа на самоопределение и всеобщей амнистии для всех политических заключенных. Действия подразделений ИРА будут соответствовать размаху насильственных и враждебных действий английских войск и протестантских фанатиков.

УКРЕПЛЕНИЕ БЕЛФАСТСКОЙ ПОЛИЦИИ за счет детективов из других районов Ольстера, а также усиление патрулей английских войск в городе.

В СВОЕЙ КНИГЕ «КОНТРОЛИРОВАНИЕ МЯТЕЖЕЙ» генерал-майор Дин-Драммонд, в прошлом возглавлявший Королевскую военную академию в Сандхерсте, рассматривает новый подход к контролированию мятежей и считает, что, располагая ограниченными полицейскими формированиями, вооруженными более совершенным несмертоносным оружием, можно добиться более эффективного контролирования мятежей. Единственная альтернатива этому — использовать войска, имеющие опыт в подавлении мятежей. «Это не должно быть проблемой,— пишет он,— до тех пор, пока ситуация в Северной Ирландии остается напряженной». В своей книге он приветствует использование нового газа си-ар, введенного вместо газа си-эс. «Небольшой концентрации газа достаточно для парализующего воздействия на кожу и появления сильной боли в глазах». По его мнению, водомет способен «причинить неудобства», особенно в дождливую погоду, и вообще это чрезвычайно универсальное средство.

ДЕЛЕГАЦИЯ, В КОТОРОЙ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ПЯТЬ АНГЛИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ (в их числе компартия), вернулась после пятидневной поездки в Северную Ирландию, организованной Национальным Советом за гражданские свободы. На пресс-конференции в Лондоне члены делегации заявили, что если пребывающие в тюрьмах Ольстера политические заключенные не будут выпущены на свободу, прекращение огня будет нарушено, и Северная Ирландия столкнется с чрезвычайно суровым кризисом. Членов делегации потрясли условия, в которых пребывают заключенные Лонг Кеш **. Деятельность конституционного конвента навряд ли может быть удачной в условиях отказа в гражданской свободе обоим частям общества.

ЧИСЛО УБИТЫХ В БЕЛФАСТЕ ДОСТИГЛО ОДИННАДЦАТИ

20-летний Джерард Майкл Маклоглин, старший из своих 6 братьев и сестер, был застрелен по пути на работу с близкого расстояния двумя неизвестными. Маклоглин был католиком.

В Белфастском районе Беллибоун на Олдпарк-роуд в католическом баре произошел взрыв. Итог — 4 раненых, один из них тяжело. Разъяренная толпа излила свой гнев на прибывших полицейских, перевернув патрульную машину. Полицейские были доставлены в госпиталь с легкими ранениями головы.

АНГЛИЙСКИЕ СОЛДАТЫ ОБСТРЕЛЯЛИ двух вооруженных людей вчера вечером в Белфасте. Двое неизвестных бросили бомбу в католический бар и затем попытались уехать на машине. После того, как автомашина разбилась, оба они были доставлены в госпиталь с огнестрельными ранениями. Позднее один из них скончался. Посетители бара успели заметить бомбу и выкинуть ее на улицу, и именно поэтому никто не пострадал.

ПИТЕР ЛИНЧ, ОТБЫВАЮЩИЙ ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ по приговору за незаконное хранение оружия и принадлежность к ИРА, был приговорен специальным уголовным судом Дублина еще к 6 годам заключения за хранение взрывчатки.

«АЙРИШ ТАЙМС» за 9 апреля 1975 года.

ТРИ ВЗРЫВА, ОРГАНИЗОВАННЫЕ ИРА

Вчера вечером в центре Белфаста прогремели три взрыва. Три бомбы, взорвавшиеся с интервалом 15 минут, разрушили крыло универмага «Бэнк билдингс», а также повредили соседнее здание. Взрыв, по заявлению ИРА, представляет собой возмездие ИРА за ущерб, причиненный три дня назад английскими подразделениями, проводившими обыск в двух домах в Белфасте. О взрыве было предупреждено за 15 минут по телефону. Так как неизвестные предупредили, что будут взорваны 6 бомб, пожарные не могли начать тушить пожар, опасаясь взрывов остальных трех бомб.

ПО МНЕНИЮ МАГИСТРА БЕЛФАСТСКОГО ГРАФСТВА Томаса Тэссмора, интернирование нельзя считать отвратительным и достойным осуждения, так как еще апостол Павел сказал, что «государство должно обрушить ярость на того, кто творит зло». По его словам, «если бы государство не смогло защитить своих граждан от бандитских убийств, то тем самым оно действовало бы вопреки учению Библии».

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

— Национальный комитет по ценам принял решение прекратить публиковать в газетах данные о росте цен. Представители комитета заявили, что публикация данных о росте цен лишь запутывает зачастую покупателя, так как рост цен происходит раньше опубликования данных о росте.

ЧЕРНЫЙ РЫНОК СЛИВОЧНОГО МАСЛА

Национальный совет молочных продуктов весьма озабочен нелегальным ввозом через границу с Севера дешевого сливочного масла. По словам директора совета Ноэля Гилмора, «контрабанда» масла возымела серьезные последствия для сбыта масла в стране в этом году. Продажа ирландского масла упала на 15 процентов по сравнению с тем же периодом в прошлом году. Через границу провозится каждую неделю 100—150 тонн масла.

Это масло, ввозимое с Севера, даже не ирландское по происхождению, оно доставляется откуда-то из одной из стран «Общего рынка». Мы весьма обеспокоены, так как это значит, что мы теряем один из самых ценных для нас рынков в ЕЭС.

Обычно масло привозится в машинах, грузовиках, вагонах, иногда даже без ведома их владельцев.

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЗАБАСТОВКА СОРТИРОВЩИКОВ ПОЧТЫ центральной сортировочной службы, вызвавшая перебои в доставках почты, посылок и т. д, окончилась вчера вечером после обещания администрации рассмотреть требование служащих.

ВЧЕРА НА ЗАСЕДАНИИ КАБИНЕТА был рассмотрен вопрос о безработице и ее воздействии на отрасли экономики.

ЗА 8 ДНЕЙ МАРТА БЕЗРАБОТИЦА УВЕЛИЧИЛАСЬ со 102 390 до 103 256 человек.

РЕКЛАМА. Ваши любимые стиральные порошки меняют свой внешний вид. Коробки новых размеров, **ЕВРОРАЗМЕРОВ**, толще и содержат больше стирального порошка. Они приняты во всей Европе и в соответствии с указаниями руководящих органов ЕЭС в конечном итоге будут обязательными для всех стран «Общего рынка».

УВОЛЕННЫЕ СЛУЖАЩИЕ ФАБРИКИ ПО ПРОИЗВОДСТВУ РОЯЛЕЙ В ШАННОНЕ призвали докеров, членов профсоюза не разгружать музыкальные инструменты, импортируемые в Ирландию из Италии. В связи с закрытием фабрики были уволены 72 служащих.

ИРЛАНДСКИЕ СТУДЕНТЫ ОЖИДАЮТ, что возможности подработать в летний период в Соединенных Штатах уменьшатся в связи со спадом в экономике США.

«ЛЕТУЧИЙ ПИКЕТ» ИРЛАНДСКИХ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ

Служащие текстильных предприятий организовали «летучий пикет» у некоторых крупных магазинов на Генри-стрит в Дублине в знак протеста против продажи дешевых текстильных товаров, импортированных из восточных стран. В некоторых магазинах торговля была на время прервана.

ПРЕДВИДИТСЯ ИЗБЫТОК МЕДИКОВ

Представитель министерства здравоохранения заявил вчера, что вскоре может настать необходимость рационализировать нашу систему медицинского обучения, чтобы сократить выпуск новых докторов, достигший 400 в год, в то время как наша страна нуждается лишь в 130.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗЫ НА 1974—1975 ГОДЫ

«Последние оценки ясно показывают, что 1974 год был очень трудным годом для ирландской экономики, состояние которой постоянно ухудшалось. Перспективы на 1975 год выглядят более обнадеживающими. В течение прошлого года выпуск промышленной продукции постоянно сокращался. К концу года безработица и неполная занятость достигли весьма высоких пределов. Темпы строительства снизились в 1974 году на 3 процента, однако общая сумма доходов в этой отрасли возросла на 18,5 процента. Низкие цены на сельскохозяйственные продукты и высокие затраты нанесли серьезный ущерб ирландскому сельскому хозяйству. По оценкам, доходы в сельском хозяйстве упали на 18 процентов. Производство молочных продуктов упало на 5 процентов. В докладе Института экономических и социальных исследований, откуда взяты эти данные, отмечается, что система, созданная в рамках ЕЭС, должна была предугадать проблемы, подобные тем, которые возникали при продаже скота в 1974 году в Ирландии. Покупательная способность упала на 3 процента вследствие роста цен.

НЕДОВОЛЬНЫЕ РЫБАКИ ГОЛОСУЮТ ЗА ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАБАСТОВКИ

Триста представителей ирландских рыбаков, встретившись в Дублине, решили продолжать забастовку в поддержку своего требования предоставить им субсидии и положить конец импорту дешевой рыбы из-за границы, а также расширить зону рыбной ловли по крайней мере до 50 миль.

ПО ЗАЯВЛЕНИЮ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО ДЕЛАМ ТУРИЗМА состояние железных дорог в стране неудовлетворительно, и это препятствует развитию туризма в стране.

ОБСТАНОВКА НА ИРЛАНДСКОЙ БИРЖЕ развивается так же, как и на лондонской бирже, активность которой продолжала вчера падать.

НЕХВАТКА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В АНГЛИИ ПОРОЖДАЕТ НАДЕЖДЫ у ирландских сельскохозяйственных производителей. Рост цен на продовольствие в Англии имеет значение для экспорта Ирландии.

ПИКЕТЫ У НОВОГО ЦЕМЕНТНОГО ЗАВОДА

Администрация цементного завода отказывается выдать защитные рукавицы рабочим упаковочного предприятия. Именно это послужило причиной забастовки рабочих завода.

---

* ИРА — Ирландская Республиканская Армия — военное крыло старейшей политической организации в Ирландии «Шинн фейн», которая борется за полную политическую независимость страны от Англии и воссоединение Ирландии.

** Лонг Кеш — лагерь для интернированных в Северной Ирландии. Лагерь был создан в Лонг Кеше в 1971 году как центр интернирования для лиц, подозреваемых в принадлежности к ИРА.

ЦЕНЫ НА РЫБУ РЕЗКО ВОЗРОСЛИ, после того как блокада английских портов рыбаками начала сказываться.

ЧИСЛО БЕЗРАБОТНЫХ В ИРЛАНДИИ ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРЕВЫШАЕТ 100 ТЫСЯЧ.

ДЕМОНСТРАЦИЯ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ сегодня в Дублине в знак протеста против импорта дешевых текстильных изделий из Южной Кореи, Португалии и Тайваня.

СЛУЖАЩИЕ БЮРО ПО ЗАНЯТОСТИ ДОБИВАЮТСЯ ПРИЗНАНИЯ

35 управляющих местных бюро по занятости в сельских городках Манстера заявили, что они объявят забастовку, если им не улучшат трудовые условия и не повысят заработную плату. «Некоторым из наших служащих приходится работать круглые сутки в условиях нынешнего кризиса и безработицы, получая всего лишь 1 900 фунтов стерлингов в год».

«АЙРИШ ИНДЕПЕНДЕНТ», 7 апреля 1975 года.

АВТОМОБИЛЬНЫЙ ЗАВОД В ДУБЛИНЕ СТОИТ ПЕРЕД УГРОЗОЙ ЗАКРЫТИЯ

Автомобильной промышленности Ирландии угрожает серьезный удар, и очереди на получение пособий по безработице могут пополниться новыми сотнями людей. Гигантская компания «Фольксваген», филиал которой действует в предместье Дублина, собирается повысить цену на автомобиль на 400 фунтов стерлингов. Если Национальная комиссия по ценам откажется выдать соответствующее разрешение, то западногерманская компания может закрыть свое предприятие.

ЮВЕЛИРЫ ПРОТЕСТУЮТ

Сотни ювелиров пройдут в марше протеста против увольнений ювелиров и непрекращающегося импорта ювелирных изделий из-за границы.

РУКОВОДИТЕЛИ КОМПАНИИ «БРИТИШ ЛЕЙЛАНД» заверили ирландскую общественность, обеспокоенную недавними увольнениями рабочих автомобильной промышленности, что предприятия компании по-прежнему будут снабжать ирландский рынок автомобилями, запасными деталями и услугами, что будет обеспечивать занятость ирландским рабочим.

260 РАБОЧИМ АВТОСБОРОЧНЫХ ЦЕХОВ ГРОЗИТ УВОЛЬНЕНИЕ

Компания «Мотор дистрибьюторс», осуществляющая сборку автомобилей «Фольксваген», «Мерседес-Бенц» и «Ауди», заявила, что вводит план увольнения части 260 рабочих, занятых сборкой, и собирается значительно повысить цены на автомобили.

Это заявление прозвучало всего лишь три дня спустя после увольнения 900 рабочих автосборочных цехов компании «Бриттон груп».

ЭКСПОРТЕРЫ ПРЕДСКАЗЫВАЮТ ПОТЕРЮ РАБОЧИХ МЕСТ И СНИЖЕНИЕ ЦЕН В МЯСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

По заявлению Общества экспортеров свежего мяса, сотни людей потеряют работу в мясной промышленности в результате решения министра сельского хозяйства Клинтона сократить количество говядины, продаваемой ирландскими мясными фабриками за границу.

ПРЕКРАЩЕНИЕ ПЕРЕВОЗКИ СКОТА В КОНЦЕ ГОДА

Компания «Бритиш рейл» сообщила ирландским торговцам живым скотом, что она прекращает перевозку ирландского скота 16 августа этого года в связи с большими убытками, которые в прошлом году исчислялись в 450 тысяч фунтов стерлингов. Это решение приведет к сокращению экспорта живого скота, который приносит Ирландии ежегодно 70 миллионов фунтов стерлингов.

ИРЛАНДСКИЕ ЖЕНЩИНЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ ЕЗДЯТ В АНГЛИЮ, ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ АБОРТ, ЗАПРЕЩЕННЫЙ ЗАКОНОМ В ИРЛАНДИИ

ЦЕНЫ НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ ВОЗРОСЛИ ЗА ПЕРИОД С 1970 ПО 1975 ГОД НА 90,6 ПРОЦЕНТА

ПОКУПАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ ФУНТА УПАЛА ЗА ПОСЛЕДНИЕ 8 ЛЕТ ПОЧТИ НА 50 ПРОЦЕНТОВ

ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ (ЗАМЕТКИ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ)

По-видимому, мы вступили в качественно новую ситуацию. Ни служащие, ни предприниматели не выиграли в сколько-нибудь значительной степени от последнего соглашения об оплате труда. Реальные доходы многих категорий служащих упали, так как высокие темпы инфляции (до 17 процентов в прошлом году) свели на нет преимущества последнего соглашения. Жесткие налоговые рамки только способствовали этому. С другой стороны, предприниматели, которых осаждали проблемы, связанные с экономическим спадом, просто были не в состоянии удовлетворить все требования рабочих о повышении заработной платы. Таковы результаты прошлогоднего соглашения об оплате труда, и трудно надеяться, что итоги рассматриваемого сейчас соглашения будут иными. Старые формулы пытаются применить к инфляционной ситуации. Темпы инфляции, как ожидают, достигнут 24 процентов в этом году. Несмотря на возрастающую безработицу, сокращение сверхурочных, введение неполного рабочего дня, заработная плата, как предсказывают, возрастет на 33—35 процентов в этом году — для тех, кому посчастливится не быть уволенным. Но даже этот выигрыш наверняка в значительной степени будет ликвидирован инфляцией, и в то же время он поставит многие фирмы, ослабленные спадом и инфляцией, на грань банкротства.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР КОСГРЕЙВ: "Не слишком ли много приходится платить нашей стране за то, что мы производим? Если так будет продолжаться, то нам придется покинуть рынки, на которых мы должны продавать, чтобы удержаться на поверхности".

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ. Президент телевизионной компании «Уотерфорд» Кристофер Шерри критикует служащих ирландского радио и телевидения (РТИ) за их несогласие с планом ретрансляции программ Би-Би-Си-1, который нанес бы удар по позициям ирландского телевидения и лишил работы примерно 500—800 ирландцев. Очевидно, Шерри ждет, что ирландцы радостно пожертвуют своей работой, чтобы он и его сторонники могли наслаждаться сомнительной привилегией смотреть пропагандистские передачи Вестминстера.

РАЗНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПЕРЕПОЛНЕННЫЕ КЛАССНЫЕ КОМНАТЫ

ПО СЛОВАМ О'КОННОРА, бывшего министра образования, правительству трудно найти достаточно денег на школы, потому что ирландцев мало заботят нужды образования и само образование. Если и есть какая-либо правда в словах бывшего министра, то только потому, что ирландцев не информируют об обстановке в наших школах. В Дублине, Дублинском графстве нередки классы с 45, 50 учениками. В 92 процентах школ Дублина в классах занимается в среднем по 42,6 человека.

ЕЖЕГОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИРЛАНДСКОЙ АССОЦИАЦИИ ДАНТИСТОВ открылась вчера в Голуэе. 90 процентов ирландских детей страдают от зубных болезней, и более 90 процентов взрослых являются жертвами кариеса и болезней десен. Люди все еще пассивно относятся к лечению своих зубов и тратят на чистку зубов от 10 до 15 секунд в день вместо необходимых 3—4 минут.

ПРОТЕСТЫ ИРЛАНДСКИХ ЖЕНЩИН, ПРИНИМАВШИХ ТАЛИДОМИД, ПРОТИВ ФИРМ, ПРОДАЮЩИХ В ИРЛАНДИИ ЭТОТ ПРЕПАРАТ

Матери детей, искалеченных талидомидом, вчера вечером заявили о своем намерении пикетировать ирландских торговцев этим вредным препаратом ввиду молчания в ответ на их требования выдать компенсацию. На своей встрече женщины обсуждали вопрос о судебном преследовании через международный суд западногерманских производителей препарата — фирму «Хеми Грюнталь» и другие фармацевтические фирмы.

Компания «Уилхэн сан энд К°», занимающаяся сбытом талидомида в Ирландии, намеревается «сопротивляться всем» попыткам возложить ответственность на их фирму.

15 ПРОЦЕНТОВ ИРЛАНДСКИХ ЖЕНЩИН НЕ ИМЕЮТ ПРИВИВОК против краснухи, и поэтому не исключено, что у них могут рождаться дети-уроды.

РИСКОВАННО ЛИ ПРИЗЕМЛЯТЬСЯ В РИМСКОМ АЭРОПОРТУ?

Этим летом более 50 тысяч ирландских туристов отправятся в Рим на празднования в связи с годом церкви и еще больше полетят в Италию в связи с канонизацией преподобного Оливера Планкетта в октябре. Они будут приземляться в одном из двух римских аэропортов, а оба эти аэропорта, по заявлению Ассоциации итальянских летчиков, «технически неисправны».

ИРЛАНДСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВСЕ ЕЩЕ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ВЫДАТЬ ДОКТОРА РОЗУ ДАГЛЕЙЛ, отбывающую 9-летнее тюремное заключение в тюрьме Лимерика по приговору за угон вертолета и укрывание краденых картин. 33-летняя Даглейл, дочь миллионера, считает себя революционеркой. Она доктор философии и закончила Оксфордский университет. Ее пребывание в тюрьме вместе с ее 4-месячным сыном обходится властям 14 тысяч фунтов стерлингов в год.

ДВА ОГРАБЛЕНИЯ ЗА ОДИН ДЕНЬ В ДУБЛИНЕ

Почти 28 тысяч фунтов стерлингов было похищено грабителями в результате налетов на отделение банка и почту. Четыре вооруженных грабителя в масках ворвались в местное отделение «Эллайд айриш бэнк» около полудня. В то время как часть грабителей держала на мушке посетителей и девятерых служащих банка, остальные заставили помощника управляющего открыть сейф. Затем они уехали на поджидавшей их машине, вскоре найденной недалеко от места происшествия.

Два 16—18-летних грабителя, связав почтового служащего по рукам и ногам, похитили ценности на 12 800 фунтов стерлингов.

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ СОВЕРШАЮТ НАСИЛИЕ В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ

Два мальчика, один 10 лет, другой 8 лет, вооруженные пистолетами, ограбили двух напуганных до смерти пожилых женщин.

ПОЯВИЛИСЬ СООБЩЕНИЯ, что министр труда Майкл О'Лири собирается отказаться от своего обещания сделать 1 мая общенародным праздником под предлогом того, что новый праздник должен быть частью «длительного уик-энда». Ведь рабочий класс Ирландии должен объединиться в борьбе за превращение 1 мая в подлинный рабочий праздник и за надлежащее празднование Дня трудящихся — 1 Мая. По-видимому, нынешнее правительство может пойти на это лишь под давлением трудящихся.

И, КОНЕЧНО, ГОРОСКОП

ПОЛОЖЕНИЕ ЗВЕЗД НА ВОСКРЕСЕНЬЕ

...**ОВЕН** (с 21 марта по 20 апреля). Эмоциональные проявления могут привести к взрывоопасной ситуации, если не будет проявлен большой такт. Молодые люди могут быть грубы и бесцеремонны. Для любовных романов условия неблагоприятны.

ТЕЛЕЦ (с 21 апреля по 20 мая). Обыденные дела будут прерваны, и вы забросите свою работу. Одно письмо осчастливит вас. Будьте осторожнее со своими деньгами, или же вы не сможете расплатиться за одну вещь.

БЛИЗНЕЦЫ (с 21 мая по 21 июня). Дома вас ждет мир и покой, но будьте осторожнее с другими связями...

СТЕЛЛА: ПОЛОЖЕНИЕ ВАШИХ ЗВЕЗД НА ЗАВТРА

ОВЕН (21 марта — 20 апреля). День для возобновления контактов со старым другом, которому когда-то удавалось повысить ваше настроение. Старайтесь идти в ногу с временем.

ТЕЛЕЦ (21 апреля — 20 мая). Утреннее богослужение поможет вам получать удовольствие от дружеского общения больше, чем обычно. Чтобы день закончился удачно, сходите в гости.

БЛИЗНЕЦЫ (21 мая — 21 июня). Ваши недавние трудовые успехи показывают, что вы на правильном пути. Не принимайте критику других близко к сердцу.

...Скупые, бесстрастные сообщения газетных полос... Но сколько в них драматизма, показывающего трудную жизнь народа Ирландии. Эти газетные сюжеты трудно заподозрить в преднамеренности. Для каждого из нас они открывали значительно больше, чем путешествие в туристском автобусе по самым лучшим конюшням Ирландии.

СЮЖЕТ С СОБАЧЬИМИ БЕГАМИ

Поздно ночью, дочитав роман Олдриджа, я погасил свет. Все эти дни жизни в Ирландии, после многих встреч, дискуссий, знакомств и заседаний, я читал увлекательное повествование о новом этапе жизни Мак-Грегора, и мне казалось, что он сам из этих мест или, в крайнем случае, из Шотландии, которая, хотя и не совсем совпадала по пейзажам с Ирландией, но была очень близка ей.

Сейчас, оставив Мак-Грегора тяжело раненного, с перебитыми ногами в горах Курдистана, писатель словно бы покинул его в безвыходном положении, при котором и надеяться больше ему вроде было не на что; и в то же время, поскольку он все же был еще жив и при оружии, можно было рассчитывать на то, что автор еще вернется к своему герою, поможет и ему и, конечно, читателям свидеться с Мак-Грегором.

Месяца через два встретившись с Джеймсом Олдриджем в Москве за дружеским домашним столом, я спросил своего старого друга военной поры: собирается ли он продолжить роман. На этот вопрос Олдридж не ответил, а улыбнулся и пожал плечами: "Не знаю, не думал». А может, и в самом деле не думал, так как уже была написана им другая книга, которую он передал нам для публикации в «Огоньке» в семьдесят шестом году.

Там же, в Дублине, я был один на один с книгой Олдриджа... И потом долго не мог заснуть. И все же как-то незаметно задремал... А проснулся от тревожного звонка в коридоре. Черт его знает, что может быть и здесь, в Дублине? Нехотя поднявшись, я выглянул из дверей. В коридоре было пусто. Только к телефону бежал ночной дежурный. Он схватил трубку с настенного аппарата, но она продолжала дребезжать в его руке. Дежурный что-то кричал в трубку. Телефон продолжал реветь, а потом вдруг замолк. Я снова долго не мог заснуть, вспоминая, что сегодня на встречу в полдень приедет ирландская писательница Мери Лован. Буевич рекомендовал ее, как хорошую романистку, еще неизвестную в Советском Союзе. Наша жизнь в Дублине

подходила к концу, и я уже убедился, что все рекомендации Буевича были безошибочны.

Часа через два я проснулся от пронзительного крика чаек. Сквозь закрытые шторы просачивался желтый свет начинающегося дня.

На заседании конгресса я узнал, что ночной звонок был всего лишь оттого, что замкнулся аппарат.

Ровно в двенадцать мы вышли из зала заседания и направились в бар. Там за столиком сидела пожилая женщина.

— Она,— сказал Буевич.

Лован приветливо улыбалась:

— А я немного раньше... Я сама за рулем... Всегда боюсь задержки, поэтому всегда приезжаю раньше. Что делать, у меня нет коммивояжера, который бы занимался распространением моих рукописей... Приходится заниматься самой. Вот и сегодня после нашей встречи отправляюсь в аргентинское посольство... В Буэнос-Айресе должна выйти моя книга... Надо оговорить некоторые условия.

Наша собеседница говорила тихо, не торопясь. Что-то было симпатичное и в ее облике и во всем том, что она говорила, как-то прямо, словно бы ничего не скрывая от нас.

— Вы не издавались в Советском Союзе?

— Нет... В России не издавалась... Во Франции были напечатаны несколько рассказов, а в России ничего не печаталось. А я бы очень хотела, чтобы и у вас меня узнали. Я привезла свои книги,— Лован протянула руку к лежащим на диване четырем книгам,— две для вас, а две для аргентинцев.

— О, вы много пишете!

— Вся жизнь в литературе. Пишу, а для отдыха работаю в саду.

— Много ездите?

— Езжу... Приходится... Поездом или пароходом... Совершенно не переношу самолет. Муж у меня австралиец, а в Австралии не была. С войны боюсь самолетов. У меня трое взрослых дочерей. Одна из них живет с мужем в Никарагуа. Конечно, можно было их устроить и в Австралии, но тогда дочь могла и не вернуться. А из такого застенка, каким является Никарагуа, обязательно вернется. Я знаю русскую литературу... Не очень много, рассказы Чехова и Толстого... «Войну и мир» видела по английскому телевидению.

— А современную советскую литературу? Шолохова?

Мери Лован развела руками.

— Слышала, но не читала... Много работаю. А бывает, что время напрасно уходит. Недавно пришлось пароходом плыть в Америку, в Бостон. Восемь дней ушло на дорогу. Всего один день была в Бостоне. Надо было договориться об издании... Друзья так смеялись надо мной.— Лован посмотрела на часы.— Кажется, мне пора.— Она взяла с дивана две книги, нетороплива поднялась, и мы вместе пошли к выходу. Она не торопясь открыла дверцу машины. Положила на сиденье оставшиеся у нее для аргентинского посла книги. Тихо закрыла дверцу. Повернула ключ зажигания и медленно начала выбираться на дорогу.

— Ну как? — спросил меня Буевич.

— Еще надо прочитать.

— Но я читал. Хорошо пишет... Теперь я заеду к вам вечером, и мы вместе поедем на собачьи бега.

— Я уже видел их однажды в Англии.

— Когда?

— Больше двадцати лет назад.

— Так то была Англия, а здесь Ирландия, да еще через двадцать лет?! Такого зрелища нигде не увидите. Ждите,— и, не заходя в отель, Буевич укатил на своей темно-синей машине. А я, уже привыкнув подчиняться Буевичу, вернулся на заседание конгресса.

...Поскольку мы отправились в Шенбрун-парк не автобусом со всеми, а машиной Буевича, мы, конечно, опоздали. И хотя Буевич уверял, что отлично знает, где находится этот Шенбрун-парк, мы все же изрядно проплутали. Но, увидев легковую машину, из которой торчала острая собачья морда, Буевич пристроился за ней. Так мы и приехали к большому зданию, где располагались трибуны для тех, кто получает наслаждение (в чем я искренне сомневаюсь) от собачьих бегов. Воспоминания о том, что я видел однажды в Англии, у меня давно выветрились из памяти. А то, что я увидел, было тем, что и следовало ожидать. Шла крупная денежная игра без малейшего другого интереса. Вдоль трибун стояла шеренга букмекеров, писавших мелом на черной дощечке цифры — ставки на каждую собаку. А вокруг поеживалась от холодного, пронзительного ветра толпа мужчин, которые и ставили на того или иного пса. Псы, покрытые попонами — пять-шесть в каждом забеге,— выводились на поводках на старт, затем появлялся на рельсе механический заяц. Псы устремлялись за механизмом. Заяц, сделав свое дело, исчезал. Какой-то из псов выигрывал забег, принося прибыль своему хозяину и — прибыль или убыток и ставщикам и букмекеру. После каждого забега на электрическом табло появлялись цифры скорости и номера псов, завоевавших первые два места. Для непосвященных все это было достаточно скучно и неинтересно, а у тех, кто «играл», кипели свои страсти и потрясения.

Устав от встреч, от бессонной ночи, от мелькания ни в чем не повинных собак, я запросился в отель.

— Хорошо,— сказал Буевич,— но так просто я вас не отпущу.

— Еще что? — застонал я, садясь рядом с Буевичем в машину.

— Согласен... Собачьи бега — это профанация спорта. Надо благородно отдохнуть. Поедем за город.

— Куда-а?

— У меня есть знакомый, отличный человек, хозяин загородного ресторана...

— В ресторан не поеду!

— Не ресторан... Что-то вроде трактира...

— Никаких трактиров!

— Там всегда исполняют народные ирландские песни. Не можете же вы быть в Ирландии и не послушать народные ирландские песни?!

Солнечным днем.

— Мы их слушали на пластинке, когда обедали у нашего советника Михаила Щедрина.

— Как вы можете сравнивать пластинки и живое исполнение... Пластинки — это вроде механического зайца...

— Ладно...— я махнул рукой.— Поехали.

Впрочем, мое «поехали» было запоздалым. К тому времени, когда я произнес популярное у нас слово «поехали», машина Буевича уже выбиралась из Дублина к заливу, на темной поверхности которого серебрился лунный свет. Минут через двадцать мы свернули с дороги и остановились у здания, на котором ярко сверкало слово «ресторан». Я подумал о том, что Буевич пожелал, чтобы в это мгновение электростанция отключила ток. Я остался в машине, вбирая прохладу моря, а Буевич ушел. Через несколько минут Буевич вернулся и сказал:

— Майкла нет.

— Какого Майкла?

— Майкла Макартура, хозяина ресторана. Он сегодня в городе. Но это ничего... Правда, и хора сегодня нет. Но есть солисты, поющие под оркестр. Идемте.

— Идемте,— мне уже было все равно.

И мы пошли. И я не пожалел. Здесь сразу было заметно, что завсегдатаи этого заведения, что называется, самые обыкновенные ирландцы. Они сидели парами и вчетвером, пили пиво и с интересом слушали под оркестр песни милой, одетой в национальные костюмы пары. Они пели хорошо. И в зависимости от того, какая была песня — грустная или веселая,— у слушателей менялись выражения лиц. И я уже совсем не жалел, что здесь не было Майкла Макартура, находившегося сейчас где-то в городе. Я даже как-то и не заметил, как отошел от меня Буевич. Передо мной поставили большую кружку пива, и я — странное дело — не отказался, хотя, когда зашел в это заведение, первое, что подумал, было, что пиво пить не буду...

— Едем в город... Майкл подъедет в отель,— вдруг отрешенно услышал я голос Буевича.

Я очнулся:

— Какой еще Майкл?

— Директор этого ресторана... Ему уже сообщили, он очень сожалеет, что мы не застали его.

— Поздно же...

— Но возвращаться все равно в отель... Выпейте пива, это бесплатно... Кстати, посмотрите на портреты, висящие на стене.

На стене висело несколько мужских портретов.

— Все они борцы за независимость Ирландии. Я это вам говорю, чтобы знали, кто такой Майкл. Он сам был когда-то каменщиком.

Еще через полчаса мы проскакивали через вертящуюся дверь отеля. Майкл был уже на месте. Человек лет пятидесяти, с чуть грубоватым, открытым лицом.

— Мы могли бы поехать ко мне домой, но жена уехала к родственникам. Что будете пить?

Я замахал руками.

— У нас так не бывает,— Майкл подозвал официанта.

— В пятьдесят третьем году я был в Москве и с тех пор храню в сердце память и любовь к вашей стране. Все, что доброго происходит в вашей стране, радует нас...

В это время к столику подошли английский и ирландский журналисты с женами. Видимо, встреча друзей была ранее обусловлена. Это были веселые и откровенные люди. И потекла беседа далеко за полночь, беседа, в которой, конечно же, главенствовал Майкл Макартур, оказавшийся на редкость сердечным и гостеприимным хозяином. В два часа ночи я отправился в номер, чтобы хоть немного поспать. Едва привалил голову к подушке, как в глазах у меня замелькал мчащийся механический заяц, и в тот момент, когда он отвернул в сторону, я заснул.

Юрий ТЮРИН

КАК СТАНОВЯТСЯ ЗВЕЗДОЙ

Звезда — это издревле символ надежды, символ неистощимой веры. Полярная же звезда еще символизирует по законам геральдики неуклонное стремление к цели, одержимость благородной идеей.

Актеру нужен триумф. И дело тут не в самолюбии (хотя какой актер не честолюбив), но в безусловном признании публикой таланта и труда, в радостном и единодушном утверждении ф е н о м е н а, который мы по привычке именуем этим старинным и благозвучным словом «звезда».

В тот весенний вечер 75-го года искушенная ленинградская публика (а кто не знает традиционной взыскательности и вкуса ленинградских театралов) устроила восторженную и на самом деле нескончаемую овацию балерине, только что танцевавшей в полном одиночестве «Болеро» Равеля... Вот она замерла, резко завершив последнее движение этого полного нарастающей экспрессии танца, Валентина Ганибалова, солистка балета Кировского театра, и зрители, очевидцы чуда, заполнившие прославленный Большой зал филармонии, не захотели отпускать балерину со сцены...

Филармония — своего рода храм музыкального Ленинграда, где без скидок испытывается на высокую прочность мастерство исполнителя. В свой «звездный» вечер Ганибалова здесь танцевала смелую, до предела насыщенную программу: «Мелодию» Дворжака, скрябинские «Мечты», «Утешения» Листа, монолог и адажио из балета Баласаняна «Лейли и Меджнун» (хореография, в свое время талантливо разработанная Касьяном Голейзовским) и еще — па-де-де из балета «Дон Кихот» и дуэт из «Жизели»... Своеобразный творческий отчет балерины венчало «Болеро» в необычной постановке молодого балетмейстера Игоря Чернышева.

К триумфу актрису вел путь длиною в восемь лет.

В сезоне 1966—1967 гг. в труппе кордебалета Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова появилась новая танцовщица Валентина Ганибалова. Прошло совсем немного времени, юная балерина дебютирует в сольных партиях и становится одной из ведущих артисток балета.

Жизнь начинающих балерин со стороны представляется как бы обедненной внешними событиями. Всем, кто вступает в волшебный мир искусства, предстоят долгие годы изнурительных, бесконечных тренировок, буквально нечеловеческого терпения. Кажется, все они трудятся одинаково прилежно, не жалея сил, и вдруг кого-то выбирает счастье, к кому-то благоволит судьба...

Хореограф Олег Виноградов готовил к выпуску балет дагестанского композитора Кажлаева «Горянка». Вышло так, что внезапно захворала исполнительница главной партии Асият. Постановщик предложил Ганибаловой помочь ему. Участница кордебалета Ганибалова видела все репетиции будущего спектакля; она прекрасно помнила партию Асият, но сроки премьеры были на исходе. Тем не менее всего за три репетиции — случай из ряда вон выходящий — молодая балерина подготовила свою роль. Партия, технически сложная, с завидной естественностью освоена балериной, которая еще вчера была ученицей. Когда спектакль привезли в Махачкалу, Расул Гамзатов, чье произведение легло в основу либретто, безоговорочно признал Асият — создание никому дотоле не известной ленинградской актрисы.

Итак, на первых порах Ганибаловой помогла случайность.

И все-таки удача в искусстве не слепой автомат. Удачу важно запрограммировать, ее нужно неустанно готовить.

Валя Ганибалова не была чудо-ребенком и не удивляла взрослых гостей своим природным даром. Девочку отвела в хореографическое училище соседка, рассудив, что лучше заниматься каким-нибудь делом, чем попусту бегать по улице.

Восемь лет со все возрастающей интенсивностью и упорством занималась Валя в Ташкентском хореографическом училище, затем работа в республиканском театре оперы и балета, гастрольная поездка на берега Невы... И здесь — снова видимость случайности — на свой страх и риск Ганибалова пришла в Ленинградское хореографическое училище, где танец ее просмотрела знаменитая Наталия Михайловна Дудинская, руководитель класса усовершенствования.

Так Ганибалова осталась в Ленинграде.

Всемирно известной славой пользуется ленинградская балетная школа. Пройти эту школу — значит, прикоснуться к подлинному мастерству, считает сама балерина. Позволительно теперь судить: случайно ли Ганибаловой повезло, или она сама, твердо решив **СТАТЬ** б а л е р и н о й, неуклонно шла к заветной цели, искала свою «синюю птицу»?

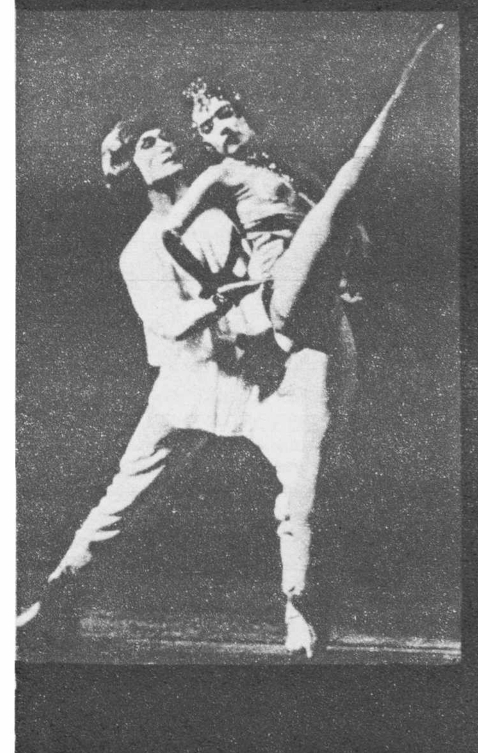
Как-то я спросил актрису, кто из великих русских балерин, ее предшественниц, нравится ей больше всего? Я не льстил ей своим вопросом, просто мне было интересно, куда уходят корни ее искусства. Ведь сцена Кировского, бывшего Мариинского театра, освящена славой громких имен Павловой, Улановой, Дудинской.

— Семенова,— услышал я в ответ.— Вот в ком поразительно во-

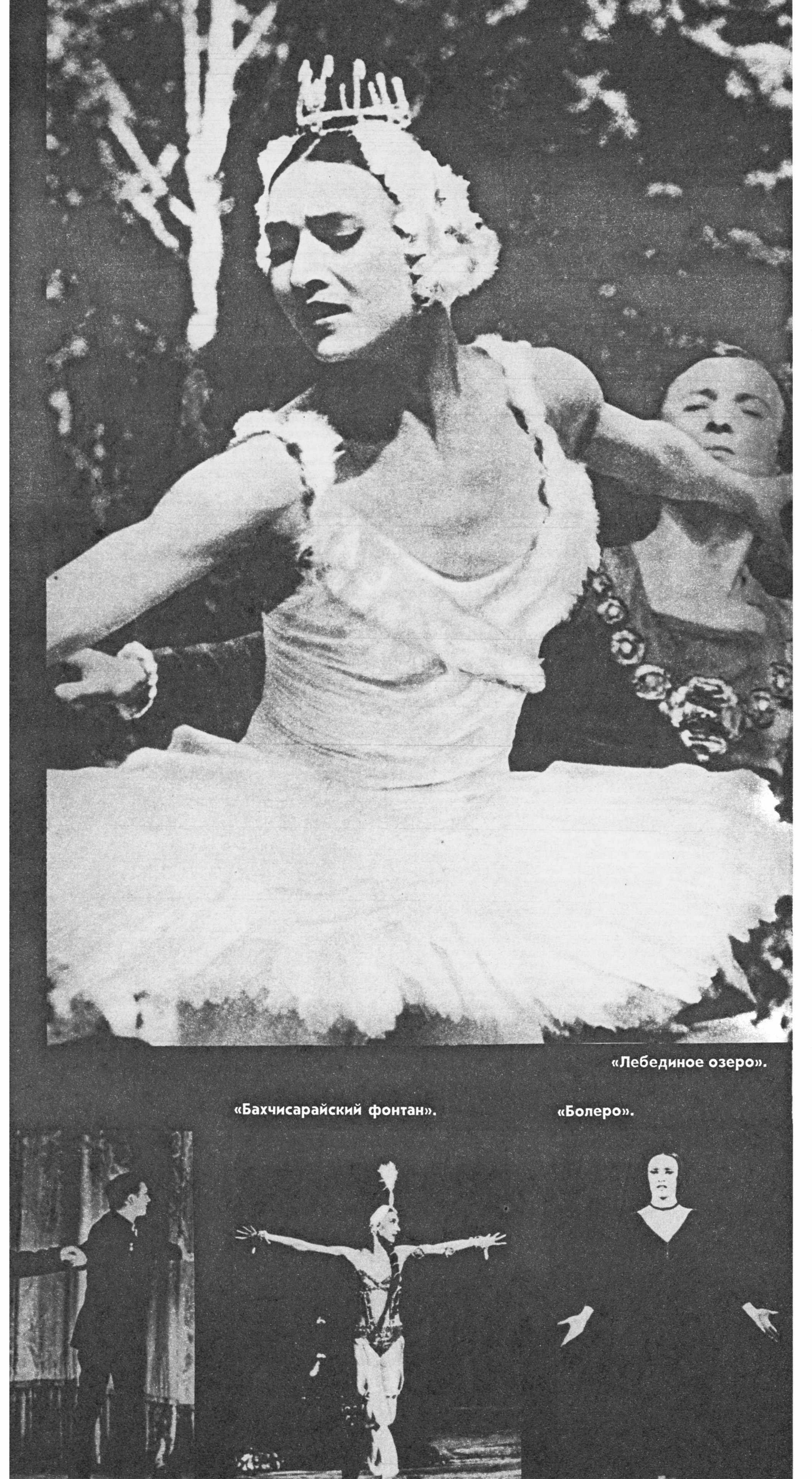
В фильме «Синяя птица».

«Каменный цветок».

После спектакля «Горянка».

«Лебединое озеро».

«Бахчисарайский фонтан».

«Болеро».

площается высокий артистизм при отточенной технике...

Творческий путь Ганибаловой на сцене Кировского театра шел круто по вертикали. Во второй сезон она танцевала в одноактном балете «Скифская сюита» на музыку Прокофьева; на третий год работы — Зарему в «Бахчисарайском фонтане» и Хозяйку Медной горы в «Каменном цветке». За исполнение этой партии балерина удостоена первой премии на четвертом смотре творческой молодежи театров Ленинграда.

Но особо примечателен четвертый сезон. Во-первых, с ней стала заниматься ведущая балерина театра, народная артистка СССР Ирина Александровна Колпакова, а во-вторых, Валя танцевала в «Лебедином озере» — лучшем классическом балете всех времен и народов.

Есть истина в ходячем мнении: каждый драматический актер мечтает сыграть Гамлета, каждая балерина думает об Одетте — Одилии. После Асият образ Королевы лебедей стал самым блестящим взлетом актрисы. Трудно передать словами царственное величие, отточенность любого движения Ганибаловой, которые она демонстрирует в этом бессмертном спектакле Кировского театра.

В 1972 году Ганибалова приехала в Москву на ответственнейший смотр — Всесоюзный конкурс артистов балета. Она танцевала вдохновенно, ярко, и наградой ей послужила вторая премия жюри; победительницей конкурса стала юная Надежда Павлова... Тогда, на показательном выступлении лауреатов, Ганибалова выбрала дуэт из «Жизели». Скептики недоуменно пожали плечами — зачем это,— ведь балерина была известна своей безупречной технической подготовкой, необыкновенно высокими, почти мужскими прыжками, искрометными верчениями, но под силу ли будет ей плавная лирическая тема Жизели?..

Время доказало, что выбор балерины не был капризом: Ганибалова станцевала всю партию Жизели в балете Адана. Старейший в репертуаре труппы спектакль был поставлен Мариусом Петипа почти девяносто лет назад. Я видел 493-й спектакль со дня премьеры. Ганибалова танцевала, отличаясь не только виртуозностью техники, но удивительно точным выражением характера своей героини—поэтической крестьянской девушки, потерявшей и любовь и жизнь. На сцене были чистота и ясность классического танца, незамутненность и вечная притягательность человеческого сердца, открытого добру... Такой спектакль не мог не захватить публику...

Валентина Ганибалова танцует практически весь репертуар Кировского театра. Диапазон ее творческих устремлений поражает, взрывая узость представлений о типажной замкнутости исполнителя. При этом уровень мастерства балерины стабилен, что есть опять-таки показатель творческой зрелости.

Вопрос в другом,— Ганибаловой нужно еще одно везение: нужны свой композитор и свой балетмейстер. «Анна Каренина» и «Кармен» раскрыли нам новую Плисецкую, «Спартак» — нового Васильева, «Иван Грозный»—новую Бессмертнову...

Важно увидеть на сцене Кировского театра новую Ганибалову. Но это зависит уже не от нее...

БРАЧНАЯ Н

Иван ШАМЯКИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

За столом Степан предложил нам немецкий спирт. Я отказалась. Спирт был вонючий — сырец, налил Степан в стаканы воды — питье сделалось белым, как молоко. Но Маша полстакана этого пойла выпила по-мужски, одним глотком. И засмеялась, довольная собой. Вообще она много смеялась. И много ела. С таким аппетитом ела яичницу на сале, что я опять подумала: неужели и голодовка ее вчерашняя была притворством? Появилось новое недоброе чувство к ней, более сложное и непонятное, а потому и, возможно, более мучительное, чем простая ревность, с какой я шла и которая две ночи не давала мне заснуть.

Разведчики, прилетавшие с Большой Земли, были для меня идеальными людьми. Я провожала их с душевным трепетом. Я знала, что о задании своем они не должны говорить, и в дороге старалась вести разговор настолько тактично, осторожно, чтоб не вынудить когонибудь из них сказать лишнее, даже мне, своей проводнице, хотя некоторых, чувствовала я, тянуло на откровенность. Но все они были сдержанные, серьезные. Ни один не выставлял себя, не красовался ни в отряде, ни передо мной. А она, Маша, и в отряде выставляла себя, и в дороге играла какую-то странную роль, даже не одну, много ролей, и перед Степаном излишне скалит зубы. Что ей кажется смешным? Ничего смешного не было. Сидели за столом трое молодых людей, парень и две девушки, и говорили о том, что в действительности мало кого из нас интересовало,— о селе, откуда будто бы мы пришли, о рынке, о ценах, о погоде, о любви... да и любви — обычные шутки молодых людей. Продолжали разговор, начатый в саду. Но там он был рассчитан на любопытных соседей. А в доме на кого? Хозяйки не было. Можно было бы поговорить, если не о ее, Машином задании, то хотя бы о наших партизанских и подпольных делах или хотя бы о нашей ненависти к фашистам. Нет, ни слова об этом. Так повела разговор Маша, Степан поддерживал ее. Выходило, что они вдвоем в сговоре, что, не успев как следует и познакомиться, они без слов понимают друг друга, а я так... сбоку припека, как говорится, третья лишняя. И это обидно задевало меня и порождало новую, не девичью — партизанскую ревность. «Не знаю, что ты сделала за войну,— думала я о Маше.— А мы что-то делали тут, мы давали врагу почувствовать нашу силу».

Получилось так, что к концу обеда говорили только они, а я молчала. Степан, наверно, понял, наконец, что нехорошо они оба ведут себя передо мной и, прервав разговор с Машей о том, что писал Пушкин о любви, обратился ко мне:

— Что зажурилась, Валька?

— Ничего. Слушаю, какие вы умные... поэзию помните.

Степан оглянулся на дверь, будто я выдала главную нашу тайну или что-то такое, за что оккупанты могли сразу повесить.

А Маша покраснела. Впервые я увидела, что она смутилась.

— А ты думала, угольная пыль забила мне мозги? Нет, сестричка. Мозги у меня чистые. Как там племянник?— переменил он тему.

«Племянник»— Володя Артюк, он раза два приходил к Степану, и Степан однажды был в отряде, они подружились; меня, между прочим, почему-то всегда радовала эта их дружба.

— Жениться захотел,— сказала я.

— Да ну?— захохотал Степан.— К кому же он сватается?

— Да вот к Маше сватался.

Степан от удивления перестал смеяться. А Маша захлопала глазами. То, как она удивилась и даже немного возмутилась от такой внезапной и, по ее мнению, неуместной шутки, рассмешило меня и вообще развеселило. На какой-то момент я как бы почувствовала свое превосходство над ней. Радовалась, что пришло такое в голову — шутка-правда. А может, радовалась непроизвольной женской хитрости: бросить на соперницу хоть какую-то тень. Маша не сразу сообразила, что к чему, но не стала выяснять — так велся разговор, вроде бы с учетом того, что нас подслушивают. Вынуждена была и она смеяться вместе со мной, так как я продолжала:

— А знаешь ли ты, почему она ягоды принесла? Приданое собирает. Теперь без приданого и за нищего не выйдешь. Как в старые времена. Все понемногу возвращается.

Тогда и они подхватили шутку, оценив мое остроумие. Это действительно, наверно, было смешно, что мы, трое, связанные огромной тайной, даже между собой говорим так, будто находимся не в пустом доме, а в многолюдном вагоне или на том же шумном рынке. Догадавшись, о ком идет разговор, Маша, между прочим, высказалась о Володе совсем иначе, чем вчера в дороге:

— А что?.. Племянник ваш — парень что надо. Только руки моей он не успел еще попросить. Несмелый. Но надежды я не теряю и приданое готовлю.

Мне хотелось, чтобы Степан поскорее повел Машу к «тетке». Но Степану надо было показать ее хозяйке. Имел, значит, в виду, что она, Маша, будет приходить сюда. Не нравилось это мне.

Христина Архиповна, выслушав Степана, мол, вот Маша, из его деревни, дочь учительницы, пришла в город, где у нее живет тетка, поискать работы, горестно покачала головой и сказала:

— Дитятко мое, теперь из города в села бегут, прячутся. А ты — в город. Какую ты работу тут найдешь? К немцам прислугой пойдешь?

А когда Степан и Маша ушли, хозяйка сказала мне:

— Как это мать отпустила ее? Такая красивая. Пропадет девка.

О красоте ее и Степан сказал, когда вернулся. Покрутил головой, засмеялся, казалось мне, с восторгом и радостью, очевидно, оттого, что ему придется работать с такой девушкой.

— Ух ты, ну ты! С ней даже страшно ходить по улице. Каждый немец бельмы таращит. Чего доброго, еще задержит какой гад, и рассудил:— Одеть ее надо под немку. Тогда она меньше будет бросаться в глаза.

Ночи я ждала с бо́льшим нетерпением, чем даже в тот раз, когда Степан впервые позвал меня в шалаш. Тогда было счастливое девичье ожидание, легкое и светлое, немного боязливое. А теперь — тревожное, тяжелое, прямотаки мучительное ожидание женщины, жены. Плакать хотелось от обиды и злости: у меня же все права, а я должна скрываться, как воровка, ждать, пока заснет хозяйка. Нет, не от этого плакать хотелось, от другого — от страха за свое короткое женское счастье... А вместе с тем становилось стыдно и гадко, что я думаю не о деле нашем, а о своем личном счастье...

Я дрожала, как в горячке. Верила, что только Степан успокоит, только в его объятиях я избавлюсь от всех страхов и тревог. Потому, видно, и не дождалась, пока заснет хозяйка. Открыла не слишком осторожно окно, спрыгнула в сиреневый куст, наделав шуму.

Очень горячо я целовала Степана в тот вечер, не так стыдливо, боязливо, как в первый раз. Он даже удивился:

— Валька, что с тобой?

— Я так затосковала, если б ты знал. Я заболела бы, умерла бы, если еще неделю-две не могла повидать тебя.

— От этого не умирают. Разве в романах только.

— Нет, умирают, умирают и в жизни. Неужели ты не скучал, Степа?

— Скучал, Валька, но что поделаешь? Не о любви теперь думаешь. Тише шепчи,— и зажал мне рот сухими горячими губами.

Потом, когда он, утомленный, лежал на моей руке, а я все еще полная нерастраченной нежности прижимала его сильную руку к щеке и целовала ладонь, от которой почему-то чудесно пахло не углем и металлом, а хвоей, лесом — или, может, мне так казалось?— я между прочим сказала:

— А она... Маша замужем и... рожала...

— Она тебе рассказала?

— Нет.

— Откуда же ты знаешь?

— Я видела ее голую, когда купались.

Степан тихо засмеялся.

— Что же ты могла увидеть?

— Степа! Видно же, кто девка, а кто баба.

Он притянул меня к себе и вновь заглушил свой смех поцелуем.

— Ох, живот надорвешь с вами. Чудачки вы, женщины. Проницательные. Насквозь видите одна другую.

А потом, когда он вздрогнул, засыпая, я снова позвала его:

— Степа, а Степа!

— А-а.

— Давай поженимся, Степочка.

— А разве мы не поженились?

— По-настоящему. Чтоб люди знали. Нехорошо так скрываться. Стыдно.

Видимо, крепко задели его мои слова, он даже приподнялся, сел и, забывшись, заговорил чуть ли не в полный голос:

— Что это ты, Валя, надумала? Что же нам, в немецкий загс идти? Кто нам разрешит?

— Нет.

— А как же?

Я притянула его к себе, заставила лечь и горячо зашептала в ухо:

— Нас там запишут. Наши... Павел Адамович... командир. Взводный Долатюк женился на Ольге Москалевой, их записали в штабе. Свадьба партизанская была. И когда ребенок родился у Сони Войтик...

— Как же я доберусь до вас? Никто не разрешит теперь выходить...

— А тебе не надо. Я сама... Я сама попрошу. Мне поверят, Степочка. Лишь бы было твое согласие. Ты только дай согласие.

— Чудная ты, Валька.

— Согласен? Скажи: согласен?

— Конечно же, согласен, Валька. Я же тебя так люблю. Ты не знаешь, какая ты!.. Другой, наверно, на всем свете нет. Хотя и странной кажется мне такая свадьба.

— А что сделаешь, Степочка. Время-то какое. Вся жизнь перевернулась...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30—33.

ОЧЬ

Утром хозяйка проводила меня не так вежливо, как в прошлом. Не как сестру Степана! Выследила нас вечером. Однако я не волновалась, мне стало почему-то весело, захотелось тут же сообщить ей, что мы со Степаном — муж и жена. Жаль, что Степан ушел на работу раньше и я не успела посоветоваться с ним, обсудить наше новое положение.

А в дороге укоряла себя: значит, в этом я виновата, у меня, опытной связной, не хватило терпения, и такое не прощается. Степан, правда, уверен, что Архиповна в случае чего не продаст, человек наш, сын у нее в Красной Армии. Но ведь зять ее служит в управе.

Второе, что обеспокоило и испугало,— отсутствие на условленном месте человека из отряда Федора; такого не было никогда, чтобы обо мне забыли. Мной не рисковали, встречали всегда, если отряд покидал лагерь. Что-то, значит, случилось, и мне надо было держать ухо востро, идти с удвоенной предосторожностью. Но дотемна я все же без особых происшествий добежала до своих. Штаб был на месте. Павел Адамович очень обрадовался, что я вернулась.

— В сорочке ты родилась, Валя.

Рассказал: в воскресенье в обед, через несколько часов, как мы с Машей ушли (в штабе удивлялись, что мы так легко проскочили в город — действительно повезло), отряд Федора блокировали каратели. До вечера длился тяжелый бой. Погиб Федор. Гибель знаменитого командира, мастера рейдов и диверсий на железной дороге, все сильно переживали. Я так даже расплакалась навзрыд. Вспомнилось, как в субботу мы обсуждали с ним план нашего похода. Все почему-то считали его пожилым, серьезным, строгим, а он ведь был совсем молодым, лет двадцати шести, немного старше Степана, и добрый, даже передо мной смущался и всегда со мной соглашался. На выручку Федора ходил сам командир бригады с конным отрядом. В бою ранило Володю Артюка. Разрывом мины под ним убило коня, и ему рассекло ногу, но самая серьезная рана была нанесена в ягодицу. Над этой раной отрядные зубоскалы издевались. Володя злился и всех выгонял, кто приходил в госпиталь проведать его. Меня девчата предупреждали: «Не ходи, Валька, Володька злой, как черт. Всех кроет матом». Но не пойти к Володе я не могла. В дороге, когда возвращалась из города, думала: первому скажу Володе о том, что вышла замуж. Он один знаком со Степаном и словно родственник наш. Если бы мы женились как полагается, со свадьбой, то Володя, безусловно, был бы первым дружком или сватом. Не буду брать с него слова, чтобы о моем замужестве он никому не говорил, он все равно расскажет Павлу Адамовичу и таким образом подготовит комиссара, а мне потом легче будет просить, чтоб зарегистрировали наш брак.

Несчастье с отрядом Федора нарушило мои планы. После такой трагедии — смерти командира и еще одиннадцати партизан я не могла обратиться к командованию со своей необычной просьбой. Что обо мне подумали бы? Вообще я начала сомневаться, имею ли право в такое время выходить замуж. Люди умирают, а я о замужестве думаю — это же просто эгоистично, стыдно кому признаться.

В размышлениях таких я провела еще одну бессонную ночь, третью. Думала о Степане, о Маше, по-разному думала, то хорошо, с верой и надеждой, то с тревогой и сомнениями. Думала о Федоре, и было мне очень жаль его; сколько мы похоронили партизан, но, кажется, ничью смерть не переживала я с такой болью. Жалела себя. Совсем недавно мне еще так просто и легко жилось. Я знала одно: дело связной — нелегкое, опасное, но когда привыкла к нему, то казалось оно чуть ли не самым мирным в нашей жестокой борьбе; ходила на задание всегда без оружия и стреляла только в блокадные дни, раза два ездила с разведчиками в рейды «нагонять страх» на полицейские гарнизоны. За мной даже никто из партизан серьезно не ухаживал, это немного обижало: чем я хуже других? Но зато на душе было спокойно, ясно — ни туч, ни бурь, как у других девчат. А теперь так все перепуталось в моей жизни, завязалось многими узлами.

В госпитальную землянку я пошла утром. Фельдшер Ваня Кулик сам делал Володе перевязку. Володя стонал и крестил фельдшера такой замысловатой бранью, что легкораненые непрерывно гудели. Между походами я помогала в госпитале, научилась делать перевязки, уколы, не боялась ран, и партизаны принимали меня, как медичку,— не стеснялись. Но Володя, увидев меня, закричал:

— Валька, чертова кукла! Выйди отсюда! Не хочу, чтоб ты видела мой порванный Гитлером зад...

Раненые хохотали.

Такой уж народ партизаны — надо всем умели посмеяться, даже над собственными ранами, в этом, видимо, и сила наша была, жизнестойкость. Позже Володя сам позвал меня, но на пороге предупредил:

— Валька, не вздумай только смеяться над моей раной, как эти брехуны и зубоскалы.

Я села на низкий дубовый кругляк, служивший табуреткой, возле Володиной «кровати» — высокого, чтобы удобнее перевязывать, дивана на березовых ножках, с «сеткой», сплетенной из лозы; на сетках лежали сенники, летом сено часто меняли, и свежий аромат его забивал запах гнойных ран, крови, пота, лекарства; не госпиталь — луг; у доктора нашего даже целая теория была на сей счет.

Погоревали вместе по Федору.

— Федор — настоящий человек был! И командир! Другого такого, может, во всем соединении нет. Он о людях думал — чтоб вывести отряд из-под удара, и потому сам остался с группой прикрытия. Знал, что на смерть идет. Пять часов заставляли фашистов носами землю рыть, голов не давали им поднять,— рассказывал Володя. Раненые из отряда дополняли его рассказ о своем командире и о неравном бое.

Поговорили и о разных лагерных событиях. О моем задании никто не вспомнил, будто я никуда не ходила, все знали, что у связных ни о чем расспрашивать нельзя. Но когда Кулик позвал меня в операционную землянку, Володя попросил:

— Наклонись, Валька, я тебе что-то на ухо скажу.

— Он давно хочет тебе в любви признаться,— пошутил кто-то.

— Что ты, щенок, понимаешь в любви? У тебя материнское молоко не обсохло. Набей в рот сена и молчи!

Я сдвинула платок и шутливо приблизила ухо к Володькиным губам.

Он зашептал:

— Куда ты отвела ее?

Я удивилась, выдохнула ему в ухо с упреком:

— Володя! Ты же разведчик.

— Слушай, засела она мне занозой в сердце. Когда увидишь, скажи ей об этом. Передай, что Володя просит прощения за свое хамство.

Мне от его такого признания как-то сразу сделалось легче. Ах, если б я имела возможность сразу рассказать об этом Маше и Степану!

— Обязательно передам, Володя,— пообещала я, хотя мало верила, что получу когда-нибудь задание сходить к Маше.

Мне надо было после этих слов подняться и уйти, а я смотрела на Володю и счастливо улыбалась, глупая, радуясь и за него и за себя.

— Слушай,— снова зашептал он,— одного боюсь: если ты передала ее Степану,— пиши пропало. Ставь, Володька, крест на своей любви. Паровозник этот — хват, около него такой лакомый кусок близко не клади: стащит и не облизнется, как хитрый кот.

Кровь ударила мне в голову. Даже сделалось дурно, как тогда, когда я в первый раз помогала на операции. Нечаянно, не подозревая, он, Володя, грубо задел мои страхи, сомнения, ревность, которые я старалась запрятать поглубже. Испугавшись, что чем-то выдам себя, я, как безумная, удивив не одного Володю, выскочила из землянки. Прижалась к освещенной ранним солнцем теплой сосне и, как рыба, выброшенная из воды, хватала хвойный воздух. Тут только почувствовала, как в землянке сильно пахло госпиталем — кровью, смертью. Может, потому и закружилась так голова.

Всю долгую дорогу из города я мечтала о своем необычном замужестве, думала, как я доложу Павлу Адамовичу. Немного боялась, немного стыдилась. Но и от стыда такого и от боязни становилось радостно и весело. Сто раз мысленно повторяла свой разговор с комиссаром в разных вариантах, в зависимости от того, как Павел Адамович может отнестись — всерьез или шутливо, но с верой, убеждением, что все обойдется наилучшим образом, так как не поверить мне не могут — в искренность моей любви, в серьезность наших со Степаном намерений.

Война растоптала многие мои мечты. А тут вот и Володя... Почему он так думает о Степане? Мне надо было возразить, чтобы убедить не столько его, сколько себя. Но не могла я этого сделать не только потому, что мною овладела растерянность, но и потому, что не имела права в полный голос назвать имени Степана, говорить о нем при тех, кому не полагалось знать о горожанах-подпольщиках.

Три недели жила я, как в сплошном тумане. Солнца не видела, жизни не радовалась, сама вся почернела.

Павел Адамович встретил как-то меня возле отрядной кухни, вгляделся внимательно, обеспокоенно спросил:

— Что с тобой, Валя?

— А что? Ничего.

— Вид у тебя болезненный.

— Нет, я здорова.

— Хворать тебе нельзя. Замены нет.

Раньше в случае чего меня мог заменить Федор, он один знал все наши явки, и его знали, а это очень важно: незнакомому и по паролю не сразу верили.

Павел Адамович по-отцовски посочувствовал:

— Устала ты.

Но жалость его ничем не отозвалась во мне, не тронула сердца, даже благодарности не появилось.

— Уже отдохнула, товарищ командир,— ответила безразлично.— Скучаю без работы.

Павел Адамович снова вздохнул.

К Володе я больше не ходила. Но через несколько дней он сам позвал меня, я пошла, не чувствуя ни обиды, ни неприязни, не боясь, что он еще что-то ляпнет. А он все же ляпнул, с этого, по существу, и начал:

— Валька, за что обиделась? Признавайся.

— За что я могу обидеться?

— Нет, врешь. Я три ночи не спал — думал. И пришел к определенному выводу. Сказать?

Он, Володя, ходил уже с костылем, и мы стояли под соснами, разговаривали без свидетелей.

— Говори,— мне действительно было все равно, что он еще скажет.

— Ты сама втрескалась в того рыжего черта и переживаешь...

— В кого?

— Валька! Не притворяйся. У тебя же кошки скребут на сердце. Как и у меня. Мы с тобой союзники. Скажи, что неправда.

— Городишь ты, Володя, невесть что. Залеживаться тебе вредно: глупые мысли в голову лезут.

— Ага, глупых мыслей хватает. Эти тоже глупые, но правдивые, вот в чем наша беда с тобой.

— У меня никакой беды нет.

— Хитрущая ты, Валька, как баба-яга.

«Да, баба-яга,— подумала я уже не равнодушно, а с жестокостью, почти ненавистью к себе,— а мечтаю о бабьем счастье. Смешно».

Рассердилась. Послала Володьку к черту.

— Не меряй всех на свой аршин, это у тебя всегда одни девки на уме. Люди погибли, твой лучший друг пал в бою, а ты все равно плетешь об одном и том же.

Володя хлопнул себя по лбу.

— Подожди. А не в Федора ли ты была влюблена?— и сразу стал серьезным.— В таком случае прости, Валя. Дурак я.

А я впервые расплакалась, никогда в отряде не плакала, а вот пришлось. И Володя утешал меня, как маленькую. После плача этого я как-то сразу ожила, будто смыла слезами со-

мнения свои. Все вернулось, кроме разве решимости немедленно пойти к командирам со своей и Степановой просьбой. Так и не осмелилась, пока они не позвали, не дали очередного задания.

Не к Степану было задание — на станкостроительный, группа там выросла, держать столько подпольщиков на одном заводе было нецелесообразно и опасно, да и сами хлопцы рвались в партизаны. Мне надлежало вывести семь человек из города в лес на пополнение отряда Федора.

Может, потому, что не сдержала своей радости от нового задания (оно как бы давало мне право наконец высказать заветную просьбу), Павел Адамович начал предостерегать, чтоб я не думала, что задание легкое: теперь, когда нет нашей базы вблизи от города, нет Федора, мне предстояло самой с учетом обстановки разработать весь план... Все равно я не переставала считать задание легким, и план сложился моментально. Безусловно, понадобится время собраться парням в дорогу... Поэтому не о задании я думала, слушая долгое объяснение комиссара и краткие реплики комбрига, который, казалось, к заданию моему проявляет не такой уж большой интерес, все внимание отдавал трофейному автомату, новому, такого раньше не было у немцев,— разобрал, чтобы изучить принцип действия, разглядывал каждую деталь, чмокал языком, восторгался: «Ты гляди, как просто и здорово! Умеют, гады! Чертова немчура! Талантливый народ, а так одурачены Гитлером».

А я стояла у стола, слушала комиссара, смотрела на блестящие, новенькие, еще сизые детали автомата и думала, когда же мне сказать о своем замужестве, с чего начать.

Комбриг сказал:

— Не учи ее, Павел. По этой части она научит нас с тобой.

Такая похвала командира показалась мне наиболее подходящим моментом.

Стыда я не чувствовала и решительность появилась такая же, какая была там, в городе, когда Степан согласился, чтоб я попросила командиров зарегистрировать наш брак. И потому я выпалила, как говорится, в лоб:

— А я выхожу замуж.

Если бы разобранный немецкий автомат вдруг дал очередь, командир, наверно, не удивился бы так, как от моих слов.

— Что-о?— застыл он с пружиной автоматического взвода в руках.

— Что-что?— с недоверием и, показалось мне, с насмешкой (это немного обидело) спросил Павел Адамович. Серьезность и строгость командира, с какой он уставился на меня, встревожили меньше, чем смешинки в глазах комиссара.

— Я выхожу замуж.

— За кого?

— За Степана Жданко.

Комбриг швырнул пружину на стол и порывисто встал.

— Черт возьми! Мы ей доверяем такие дела, а она там любовь крутит. Пустые девчонки! Нигде на вас нет угомона. Ни на войне, ни в аду.

Удивительно: меня нисколько не потряс гнев командира. Пускай покричит: умел и любил комбриг наш покричать. Я почти не обращала внимания на его слова, даже не смотрела на него; я смотрела Павлу Адамовичу в глаза, умоляла его взглядом: не стоит смеяться, это очень серьезно для меня. Надо им сказать об этом.

— Нам бы записаться... чтоб все по закону...

Комбриг даже подскочил.

— Где? В немецкой управе? Я тебя запишу! Я тебя под трибунал отдам за нарушение приказа... Распустились!

— Разве вы приказывали мне... не любить?

Павел Адамович засмеялся.

— Подожди, Тимофеевич. В самом деле, разве мы приказывали ей не любить? Нет, не приказывали. Закон жизни, брат, ее не остановишь.

— Не остановишь... Дай, дай им волю, так завтра детские ясли будешь открывать, а не воевать.

Почувствовав поддержку комиссара, я еще решительнее перешла в наступление:

— В управу мы не пойдем... не бойтесь. Запишите вы нас, как взводного и Ольгу. Чтоб по советским законам.

Командир вдруг повеселел, подбоченился и осмотрел меня так, как, наверно, не смотрел никогда,— не видел он раньше женщину во мне, а знал только бойца, партизана, связную.

— Тебе что... так не терпится?

— Не терпится,— даже не моргнув глазом под его недобрым, почти непристойным взглядом, ответила я. Хотела сказать: «А может, завтра будет поздно, может, завтра кого-нибудь из нас уже в живых не будет». Но не сказала, побоялась высокопарных и трагических слов, жива была еще крестьянская приверженность к приметам: не говорить в такое время о плохом, чтоб не накликать беду.

— Когда же свадьба?— уже веселее спросил Павел Адамович.

— Свадьба после войны, если останемся живы,— все-таки, хоть косвенно, напомнила о смерти.— А записать... прошу сегодня. Степан тоже об этом просил...

— Без жениха?— уже всерьез спросил комиссар, а в глазах его сразу потух смех, появилась грусть. А командир, наоборот, засмеялся, будто обрадовался, что можно и отказать, раз нет жениха.

— Без жениха еще нигде и никогда не венчали. Как и без невесты. Читала о таком хоть в одном романе? Нет такого закона ни церковного, ни советского. Прежде, чем записать вас, я должен спросить: «Степан Жданко, хочешь ли ты взять в жены Валентину?»

— Вы не верите мне, что Степан согласен? Столько верили, такое доверяли...

Наверно, большая, невыразимая обида прозвучала в моих словах. И голос дрогнул, задрожали губы — вот-вот заплачу. Комбриг замолчал, нахмурился. Не любил он женских слез.

А комиссар сказал:

— Нет, Валя, тебе мы верим. И Степану. Но ошеломила ты нас. Может, подождем? Может быть, Степана удастся вызвать? Мать твою привезли бы. Справим партизанскую свадьбу...

— Нельзя нам ждать!— тем же дрожащим голосом ответила я.

— Нельзя?

— Она же сказала тебе: не терпится ей,— язвительно бросил командир.

Павел Адамович попросил его:

— Не надо, Петр, тут все более сложно, чем думаем мы. Пожалей ее.

Что-то мне ударило в сердце, загорелись щеки, стало стыдно, я догадалась, о чем комиссар подумал — о Маше; он словно бы прочел вдруг все мои тайные мысли, сомнения и страхи. «Пережитки» в сознании моем — так я считала тогда, потому и устыдилась, что комиссар разгадал их.

— Пожалей! Кого жалеть надо? Нас с тобой. Такую связную теряем!— командир подумал совершенно о другом — дескать, я забеременела. Такое подозрение меня меньше всего встревожило, и потому я решительно возразила:

— Нет, нет! Ничего вы не теряете. Я попрежнему буду ходить на любые задания!

— Ну, вот видишь. Выходит, бояться нечего,— с улыбкой успокоил комбрига Павел Адамович.— Где начштаба спрятал нашу книгу записей актов гражданского состояния?

Доставая из железного ящика прошнурованную и скрепленную печатями книгу, комиссар вздохнул:

— Свидетелей не можем пригласить... Разве Артюка...

Хотелось, чтоб пригласили Володю, но командир возразил:

— Не надо. Я буду свидетелем, а ты попом,— согласившись, он сразу подобрел, подмигнул мне заговорщически.

Такая формальность — запись в книге, которая, неизвестно, сохранится ли еще, а как я волновалась, пока Павел Адамович не спеша чистил перо на ученической ручке и записывал наши со Степаном фамилии, имена и дату вступления в брак — четырнадцатого июля тысяча девятьсот сорок третьего года. С трудом расписалась внизу — рука дрожала и буквы перед глазами качались, как пьяные.

Павел Адамович обнял меня, поцеловал, поздравляя. Мне хотелось заплакать, но я сдержалась: кто-кто, а командиры слез моих не должны видеть. Комбриг весело закричал:

— Черт возьми! Отметить же надо такое событие,— и вытащил из-под нар бутыль самогона.

Тогда я засмеялась. И они засмеялись, комиссар и командир.

Выпили за мое счастье. Только за мое. За Степана не пили. Но я не обиделась — знала партизанское правило: никогда не пить за того, кто на операции, в бою.

V

Не скажу, чтобы я летела на крыльях в город. Нет. Шла, пожалуй, спокойнее, чем обычно. Даже с меньшей предосторожностью. В самом деле, мною овладело какое-то удивительное спокойствие, расслабленность, какая бывает, наверно, тогда, когда человеку кажется, что самое главное в его жизни свершилось и судьба его определена навсегда.

Ни комбриг, ни комиссар ничего не сказали о том, могу ли я зайти к Степану. Понимали, что не зайти не могу. Не стали даже предупреждать о бдительности. Возможно, и им, как и мне, казалось, что раз я жена Степана, то все стало проще, открыто. Хотя в действительности ничего не изменилось. Наоборот, то, что хозяйка выследила нас, о чем, конечно, я не рассказала командирам, таило определенную опасность. Об этом я думала в дороге, но так же, между прочим, и легко отбросила эту, возможно, единственно беспокоившую мысль. Не хотелось тревог, волнений. Все было хорошо. Стоял чудесный, нежаркий, с наплывами облаков июльский день. Скошены луга и уже поспевала рожь: кое-где ее начали жать, стояли суслоны из снопов, под одним из них я спряталась от дождя и даже на короткое время задремала. Меня тут застали хозяин и хозяйка ржи, и я впервые за все свои походы сказала им правду, что иду из Лоева в Гомель к мужу, который работает там, на железной дороге. Приятно было оттого, что люди поверили, радушно накормили хлебом и простоквашей.

О Маше я не думала. Нет, думала, но пожалуй, так же, как о радисте, которого провожала еще осенью. Жив ли он, тот молчаливый парень? За военное полугодие много чего произошло. Степан как-то сказал, что того радиста куда-то отозвали. Кто там у них теперь — об этом я не спрашивала, должно быть, Аня, которая прилетела вместе с Машей. Нет, теперь я думала о Маше тепло, как о сестре, с уважением и почти восхищением: из интеллигенции, по всему видно, а не побоялась пойти в разведчицы. Вообще тогда я восхищалась всеми, кто прилетал с Большой земли. Смелые люди. Со своей смелостью, с отвагой наших партизан их не сравнивала: мы, мол, делаем дело, которое не можем не делать, оказавшись в оккупации, для нас все, чем мы заняты,— естественно, как любая работа, как сама жизнь. Разве можно сидеть в такое время сложа руки? Война идет всенародная, и каждый должен по-своему воевать, хотя бы так, как я — безоружной ходить на связь. К работе своей я так привыкла, что считала ее самой простой среди многих партизанских дел, самой негероической. Достаточно, мол, натренироваться проходить по пятьдесят километров в день — и готова связная. Правда, в нашем деле нужны и некоторые внешние данные, такие, как у меня — маленькая, невзрачная девушка.

В тот день я особенно легко прошла опасную зону, ибо ничего, кроме яиц и бутылки самогонки, не несла: командиры пришли к выводу, что часто торговать на рынке нельзя, хотя это было и удобно. Рынок отпал еще и по той причине, что шла я в будний день.

С «Полозом», руководителем заводской группы, меня связывала Анна — приглашала его к себе. Анны дома не было. Что ж, нередко случалось, что я тратила и два и три дня на то, чтобы встретиться с нужным человеком. Сами обстоятельства помогали мне быстрее увидеть Степана. Вечерело, приближался комендантский час, надо было добраться до места ночлега. Ходила я по городу всегда уверенно, смело. Может, именно эта уверенность и выручала — на того, кто не оглядывается, внимания не обращают.

Но в тот раз, уже за переездом, вроде бы без всякой причины напал на меня страх, какого, пожалуй, я никогда не знала. Вдруг показалось, что за мной следят. И я шла, сжавшись, боясь оглянуться. Свернула в пустой закоулок — никого. Долго бродила по залинейному району, по безлюдным улицам, проверяла, нет ли «хвоста». Никого подозрительного не увидела, а страх все равно не отступал. И какое-то волнение недоброе появилось. Радовало же то, что я иду к мужу, и вдруг исчез-

ла радость, отступила перед страхом, притаилась. Противной стала сама себе — никогда ведь я не была трусихой. Отчего это? Оттого, что удвоилась моя боязнь? Боялась раньше только за себя... Но разве без меня Степан не рискует каждый день, каждую минуту? Нет, страшно, очевидно, было потому, что сама я могу привести за собой смерть — ему смерть. Но ведь с таким ощущением нельзя жить, нельзя бороться. Что ж мне — никогда не ходить к мужу, не видеть его? А если надо будет новое задание передать ему? Был момент, когда хотелось повернуть назад, пойти к Анне или к Примаку. Но поняла, что успокоение не придет, что страдания мои не улягутся. Оттого, что не увижу Степана, будет еще хуже. Наступит не короткий, а постоянный страх, может, вечное отчаяние. «Что же случилось?» — спрашивала я себя и не могла ответить. Не хотелось по-бабьи верить в предчувствие беды. Были у меня свои суеверия, приметы, да только не такие, от таких в партизанах все освобождались; воевать с недобрыми предчувствиями нельзя, а тем более выполнять задания, какие выполняла я.

Сделав большой круг, попетляв по закоулкам, вышла на улицу Бакунина, почти к самому дому Степана. И лицом к лицу встретилась с хозяйкой. Она несла воду от колонки. Одета по-праздничному, хотя и был будний день. В воскресенье не видела я ее такой нарядной.

Заметив меня, Христина Архиповна поставила на землю ведра, до оцепенения удивилась и, как показалось мне, испугалась. Прошептала:

— Ва-аля! Ты?!

«Провал»,— подумала я, оглядываясь, мигом прикидывая, есть ли возможность спастись, если в доме засада.

— А у нас свадьба. Степан женится. На Маше!— пропела хозяйка уже без страха, пожалуй, ядовито и мстительно сверля меня глазами. Издевалась, мещанка: мол, вот тебе за твой обман, получай сюрприз. А я засмеялась. Ей-богу, искренне. Так как наступила нервная разрядка. И мне сделалось смешно. Я весело подумала: «Только той и беды, что женится!» Не поверила в такую свадьбу, во всяком случае, в серьезность ее. А Христина Архиповна не поверила мне и уже по-женски сердобольно посочувствовала:

— Как же оно будет, Валечка?

Догадалась я, что она имеет в виду — выследила же нас, старая ведьма,— и уже трезво, рассудительно подумала, что свадьба, безусловно, делается с какой-то неизвестной мне конспиративной целью, а потому я ни одним словом, ни одним движением, даже выражением глаз не должна выдать ни их, ни себя.

— Что как будет? Пускай на здоровье женятся. Они со школьной скамьи дружат. Еще до войны все ждали их свадьбы. Родители наши и Машина мать...— сбила я хозяйку с толку, только глазами захлопала она. И вновь почему-то испугалась. Возможно, в тот момент у нее возникли подозрения более серьезные.

А я только одного боялась, идя в дом,— чтоб не смутить «молодых», особенно когда со двора через открытое окно увидела, что за столом немало людей, и, судя по шуму, уже подвыпивших.

Сидели в зале — в самой большой комнате хозяйки. Я прошла в комнатку Степана, чтоб положить там свой узелок, немного привести себя в порядок, хотя бы причесаться, а главное — набраться духу, придумать, как вести себя. Был в этом и еще один тайный расчет: Христина Архиповна наверняка шепнет Степану, и он выйдет сюда... все объяснит, пускай не словами, достаточно мне увидеть его глаза, и я все прочитаю в них. Но он не пришел. Возможно, хозяйка нарочно не сказала ему, хотелось старухе спектакль посмотреть.

Однако Степан не растерялся, когда я появилась на пороге зала. Поднялся и радостно воскликнул:

— Валька! Сестричка! Вот молодчина! А я уже думал — никто из вас не придет.

Смутилась она — Маша. Покраснела, как-то неестественно заулыбалась мне. Но тут будто вспомнила свою роль и сказала что-то по-немецки человеку в форме железнодорожника.

Меня почему-то поразило, что Маша говорит по-немецки, хотя она и сказала, когда мы шли, что знает два иностранных языка,— это мне тогда показалось шуткой. Но особенно поразило то, что за столом сидят немцы. С оккупантами я встречалась при разных обстоятельствах, но чтоб сесть с ними за один стол... к этому не была еще готова.

Гостей было не так много, как мне показалось снаружи. Человек восемь. Естественно, что все они с интересом рассматривали меня.

Я обратила внимание на немца, с которым заговорила Маша, но тот уже был пьян и особенного интереса ко мне не проявил, видимо, короткое Машино объяснение его целиком удовлетворило. Моментально я нашла того, кто смотрел на меня более пристально. Это был полицейский. Боже мой, кого только тут нет! Взгляды наши встретились. Моложавый, черный, как цыган, мужчина в полицейском мундире глядел так, будто все знал, и недобро, хитро усмехался: мол, пожалуйста, позабавляйтесь. Вспотевшая спина моя похолодела. На память свою я не могла пожаловаться, хорошо помнила, что с этим черным нигде не встречалась, но глаза его почему-то казались знакомыми. Это и испугало. Неужели его глаза когда-нибудь наблюдали за мной вот так же? Где? Когда? На рынке? Из бункера? В селе? Или, может, в одном из наших отрядов? Там, среди своих, я могла и не обратить на него внимания. Но не запомнить его нельзя. А может, это просто нервы? В такой ситуации может показаться, что хочешь. Как бы там ни было, сразу поняла: в такой компании нужна особенная осторожность и ловкость, чтоб не только не сказать ни одного лишнего слова, но не сделать ни одного неверного движения — глазами не показать, не моргнуть, ничего такого, в чем имелся бы тайный смысл или проявились мои чувства.

Я подошла к молодым. Пять шагов — от порога до окна, возле которого они сидели. А казалось, что шла я дольше, чем пятьдесят верст из отряда до города. Я шла на свою свадьбу. И я попала на свадьбу... Вот он, мой муж — в черном костюме, в белоснежной рубашке со смешным галстуком-бабочкой. Никогда не поверила бы, что Степан нацепит когда-нибудь такую бабочку. Скажи, пожалуйста, какой интеллигент! Но почему рядом с ним вместо меня стоит женщина в красивом белом платье (о таком платье я мечтала), высокая, с подрисованными бровями и накрашенными губами? Три недели она жила в моем сердце и заставляла меня душевно страдать. Неужели ей мало моих мучений?..

Но я не имею права смотреть на нее так. У нее уже и без того испуганное лицо. А никто не должен пугаться. Никто. Ни я. Ни она. Пускай немцы боятся нас. А мы любим друг друга. Я люблю тебя, Маша.

— Я поздравляю тебя, Маша. Я рада твоему счастью,— не Степану, а ей первой протянула руки, обняла и трижды поцеловала в губы, в щеки и тут же ощутила, что ее пунцовые щеки холодные, как мертвые.

— Спасибо тебе, Валя, что пришла,— сказал Степан, взяв меня за плечо.

— Спасибо тебе,— прошептала Маша, не выпуская меня из объятий, сжимая все сильнее, горячо целуя в висок.

Я подумала, что уместно было бы и расплакаться, но не могла выжать ни одной слезинки из глаз. Только когда вырвалась из объятий Маши и повернулась к Степану, мое горло сжали спазмы: не могла произнести обычных поздравительных слов. Губы задрожали. Но слез я испугалась и скрыла их, обняв Степана и уткнувшись лицом в его белую манишку, от которой пахло нафталином.

Степан шутливо предупредил:

— Не вздумай зареветь, Валька. Не люблю женских слез. Как там наши? Мама, батька?

Я оторвалась от его груди. Вдруг расхотелось плакать и сделалось почти весело.

— Батька? Обещал отлупить тебя. Как тебе не стыдно? Не мог домой приехать...

За столом засмеялись. Маша перевела эти слова по-немецки. Но, по-видимому, немецкий язык она знала не очень хорошо. Пьяный немец в железнодорожной форме не сразу понял ее, переспросил. Ему объяснил другой, в штатском, немолодой уже человек, лет пятидесяти, с широким лицом и большими кулаками, которые он сжал, будто хотел стукнуть по столу. Я догадалась, что это машинист Фойт, с которым Степан ездит и которого как-то хвалил.

Окончание следует.

Авторизованный перевод с белорусского М. ГОРБАЧЕВА

ЧИС

М. ШУРЫГИН,
начальник отдела по надзору за техническим состоянием автотранспорта Управления ГАИ ГУВД Мосгорисполкома

Проблема защиты окружающей среды все острее встает перед человечеством. Особенно серьезно обстоит дело с загрязнением атмосферы, которое острее всего ощущают большие города.

Москва в этом отношении находится в лучшем положении по сравнению с крупнейшими городами мира. Но это не должно снижать нашей активности в борьбе за то, чтобы небо Москвы было еще более чистым. Советская столица должна стать образцовым коммунистическим городом.

В не столь отдаленном прошлом служба Государственной автомобильной инспекции занималась главным образом учетом автотранспорта и заботилась о безопасности его движения. Но жизнь поставила перед нами новые большие задачи, и одна из них — борьба за чистоту атмосферы.

Загазованность воздуха, загрязнение воздушных бассейнов городов, в том числе и Москвы, токсичными выбросами автомобильных двигателей требуют нашего постоянного внимания, действенных мер. Но в каком направлении, куда направить усилия?

Попробуем проанализировать причины загрязнения неба большого города. Да, автомобилей стало больше. Это скорее фактор положительный. Но вот беды, которые сопутствуют количественному росту автопарка. Речь идет о конструктивных несовершенствах машин, недостатках в организации эксплуатационной службы, эффективность которой во многом зависит от наличия соответствующего оборудования, контрольно-измерительных приборов, квалификации работников, занятых диагностикой двигателей, систем питания и зажигания, регулировкой и ремонтом.

Исследования подтверждают, что примерно девяносто процентов новых автомобилей укладывается в требования ГОСТа, нормирующего содержание окиси углерода в отработавших газах бензиновых двигателей, и только де-

ТОЕ НЕБО

сять — требует дополнительных регулировочных работ. Однако это соотношение резко меняется в худшую сторону у автомобилей, сравнительно длительное время находящихся в эксплуатации. Поэтому, осуществляя строгий контроль за техническим состоянием автомобилей, их обслуживанием, регулировкой соответствующих систем, мы заботимся не только о безопасности движения, но и о чистоте атмосферы.

По ориентировочным данным, такой строгий контроль обеспечивает снижение загазованности воздуха до сорока процентов в сравнении с состоянием атмосферы при бесконтрольной эксплуатации автомобилей.

Мы строго взыскиваем с руководителей автохозяйств за выпуск на линию технически неисправного транспорта.

Несомненную пользу приносят и технические осмотры, как годовые, так и периодические. Сотрудники ГАИ делают контрольные замеры выхлопных газов на содержание в них окиси углерода. Для этого используются газоанализаторы типа И-СО, имеющиеся в каждом нашем подразделении. Автомобили, у которых повышена токсичность отработанных газов, к дальнейшей эксплуатации не допускаются до тех пор, пока не будут устранены все выявленные неисправности.

Чтобы сделать надзор за техническим состоянием автотранспорта более оперативным, Министерство внутренних дел СССР принимает меры к оснащению Госавтоинспекции специальными передвижными лабораториями. Они имеют такое оборудование, которое позволяет быстро и безошибочно определить техническое состояние машины.

За минувший год во время технического осмотра и при оперативном контроле на линии работники Госавтоинспекции сняли с эксплуатации около пятидесяти тысяч неисправных машин. Среди них — около двенадцати тысяч из-за чрезмерного дымления и повышенной токсичности выхлопных газов.

Мы строго следим за выполнением министерствами и ведомствами требования, обязывающего их организовать на крупных автотранспортных предприятиях диагностические посты, контролирующие техническое состояние автомобиля. Это позволяет значительно поднять уровень технического обслуживания и ремонта машин, перейти от субъективной оценки их «здоровья» к объективной, научно обоснованной. Практика показала, что при таком контроле сокращается количество автомобилей, возвращающихся с линии из-за технических неисправностей, снижается расход горюче-смазочных материалов, резины, уменьшается потребность в запасных частях, повышается общая культура автопредприятия. Наибольших успехов здесь добились управления Мосстройтранса, Моспромтранса, Мосторгтранса, Мосавтодортранса системы Главмосавтотранса, где почти половина автохозяйств имеет диагностическое оборудование. К сожалению, значительно отстают управления пассажирского и легкового автомобильного транспорта.

Для усиления контроля за техническим состоянием автомототранспорта в Москве будет построена станция диагностики Управления ГАИ ГУВД Мосгорисполкома. Ежегодно она будет пропускать более 50 тысяч автомобилей.

Немалую роль в оздоровлении воздуха Москвы играет объединение мелких автохозяйств, как правило, имеющих плохую производственно-техническую базу. Только за последние два года по нашим предложениям ликвидировано более ста пятидесяти таких карликовых гаражей. Почти девять десятых автомашин, учтенных ГАИ, ныне сосредоточено в крупных автохозяйствах.

В Москве многое сделано, чтобы небо столицы было чистым, чтобы москвичи дышали как можно более чистым воздухом. Но есть тут еще немало нерешенных проблем. Почему, например, до сих пор не разработаны, а значит, и не утверждены, нормы дымности дизельных двигателей? А как бороться с этим злом, если нет таких норм? Тут субъективизм противопоказан. Нет и надежных приборов — ни стационарных, ни переносных — для определения токсичных веществ в отработанных газах автомобиля. Медленно двигается такое важное дело, как улучшение конструкции глушителей, особенно на мотоциклах, мопедах, мотороллерах.

МГК КПСС, Моссовет уделяют особое внимание санитарно-гигиеническим и бытовым условиям жизни населения. Усиление охраны окружающей среды должно стать заботой каждого москвича, где бы он ни работал. И само собой разумеется, что сотрудники Госавтоинспекции считают своей первейшей обязанностью зорко охранять чистоту московского неба.

Сцена из спектакля «Река Белая». Фото И. ГАЛАНЮКА

гастроли

СТАРЕЙШИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ

Г. ДАНИЛОВА

Гастрольная афиша Татарского академического театра имени Г. Камала была разнообразной и в тематическом, жанровом отношении и по историческому охвату. В нее входили: современная хроника И. Дворецкого «Человек со стороны»; популярная пьеса Н. Думбадзе «Не беспокойся, мама!»; взволнованный рассказ о Великой Отечественной войне — драма Б. Горбатова «Одна ночь»; русская классическая комедия «Свои люди — сочтемся» А. Островского. А также — что не могло не обратить на себя особого внимания — щедро, обильно была представлена татарская национальная драматургия.

В самом деле, из двенадцати гастрольных произведений восемь принадлежали перу драматургов республики.

Подобное соотношение, конечно, не случайно. Оно отражает стремление театра прежде всего посредством национальной драматургии говорить со своими зрителями. Стремление это понятное, закономерное. Любому театру нужен прочный контакт с залом, нужно взаимопонимание. Жизненный материал, близкий и театральному коллективу и зрителям, — хорошая основа для такого контакта, но лишь как предпосылка, как исходный пункт желаемого взаимопонимания. Дальнейшее зависит от идейно-художественного уровня драматургии. От искусства ее воплощения театром.

И в том и в другом плане к постановкам национальной драматургии в театре имени Г. Камала можно предъявить некоторые претензии. Думается, что этот опытный, зрелый коллектив, старейший среди национальных театров России, мог быть и более требовательным в выборе драматургии и более настойчивым в работе с авторами. Тогда, наверное, удалось бы превратить пьесу Н. Фаттаха «Кул Али» — рассказ о первом булгарско-татарском поэте XIII века, зачинателе татарской письменной литературы — действительно в трагедию, освободив пьесу от цепких пут мелодрамы, каковой она фактически является. А историческую драму Т. Минуллина «Бахтияр Канкаев», где повествуется об участии татар в Пугачевском движении, наполнить живыми, запоминающимися характерами, ярче показать Пугачева.

Очевидны драматургические просчеты и в пьесах, посвященных нашему современнику. Но тут более беспокоит другое. При всей важности тем, затронутых, например, пьесами «Узы родства» Ю. Аминова и «Ядро ореха» Г. Ахунова, нельзя не пожалеть, что они решаются поверхностно и однотипно — на уровне лишь семейных отношений.

Беспокоит отсутствие в репертуаре театра масштабных современных произведений, крупно, социально значительно раскрывающих жизнь республики, рабочего класса, нефтяников и строителей КамАЗа, колхозного крестьянства, интеллигенции, студенчества...

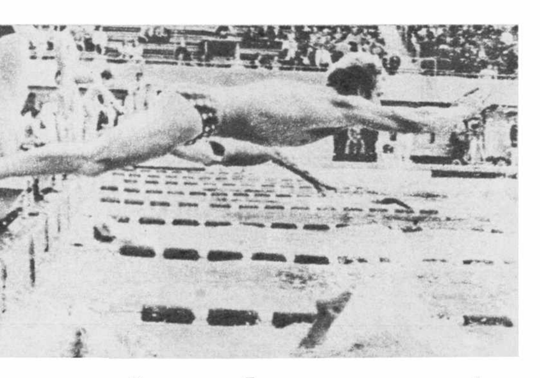
Что же касается сценического воплощения национальной драматургии, то тут прежде всего следует отметить умение постановщиков (главный режиссер М. Салимжанов, режиссер Р. Хазиахметов) решать ее гибко, каждый раз в ином «ключе», активно включая актеров в осуществление своих замыслов. Но, думается, и режиссура могла бы в одном случае добиться более ощутимой связи спектакля с современностью («Кул Али»), в другом — яснее выявить мысль постановки («Четыре жениха Диляфруз»), в третьем — потребовать от исполнителей стилевого единства, в четвертом — равной психологической глубины всех образов пьесы («Узы родства»). И быть одинаково требовательной ко всем актерам, не допуская нарушения правды жизни в образе. Тем более что труппа театра — профессионально крепкий коллектив: здесь богато представлены яркие творческие индивидуальности.

Актеров старшего поколения достойно представили в гастрольном репертуаре Ф. Халитов, Г. Шамуков, А. Харисова, Г. Нигматуллина. Из актеров более молодого поколения выделяется талантливый, разносторонний Р. Тазетдинов; обаятельно комедийное дарование Р. Шарафеева, этому же актеру принадлежит и образ коварного Хаджи-бека... Заметны работы Д. Нуруллиной, — у нее своя, звучная, чистая и трепетная интонация...

Мастерство точных образных характеристик, ярких бытовых зарисовок свойственно многим актерам театра. Привлекает их музыкальность, владение искусством вокала, необходимое в любимых татарским зрителем музыкальных спектаклях.

Активно работая над сценическим воплощением национальных пьес, театр имени Г. Камала делает большое и важное дело — способствует развитию, совершенствованию национальной драматургии.

Процесс этот двусторонний и, если можно так сказать, взаимовыгодный. Драматургия высоких идейно-художественных достоинств, несомненно, будет способствовать новым достижениям национальной театральной сцены.

Владимир Буре стартует в эстафете 4 × 200 метров вольным стилем.

В КУБКЕ МОСКОВСКАЯ ВОДА

Плавание — один из главных олимпийских видов спорта, достаточно вспомнить, что только Королеве спорта — легкой атлетике уступает вице-Королева по числу медалей, которые получают ее подданные на Олимпиадах. Тем больший интерес представляли соревнования на Кубок Европы среди мужских команд, проведенные в московском бассейне, в Лужниках.

Недавно лучшие пловцы всех континентов встретились на чемпионате мира в Колумбии — и вот они снова соревнуются, на сей раз в Москве. Правда, среди гостей мы не могли увидеть американских пловцов, которым принадлежит большинство мировых рекордов, но зато встретились с пловцами ГДР, Англии, ФРГ, Венгрии, которые добиваются во встречах с американцами все больших успехов. А к ним присоединились сильные команды Франции, Италии, Швеции.

В 1969 году впервые разыгранный Кубок Европы по плаванию завоевали пловцы ГДР. В 1971 году Кубок приехал в Москву, а в 1973 году снова оказался в Берлине. Успехи пловцов ГДР — одно из самых больших достижений современного спорта. Ролланд Маттес, Рогер Пыттель, Хартмут Флекснер, Лутц Ванья добивались самых выдающихся результатов. Но на сей раз в Москву команда ГДР прибыла в значительно омоложенном составе и в итоге двухдневной борьбы оказалась лишь на третьем месте. На обладание Кубком претендовали две команды: СССР и Великобритании. Если лидером нашей команды можно считать кролиста Владимира Буре, то команду англичан возглавил замечательный брассист — чемпион мира, рекордсмен Европы Дэвид Уилки. Этот пловец-«полиглот» в Москве принес своей команде три победы не только на двух дистанциях брасса, но и в комплексном плавании на 200 метров.

Давно уже трибуны плавательного бассейна в Лужниках не принимали такого числа зрителей. С огромным интересом следили москвичи за борьбой сильнейших пловцов Европы, выступавших по обширной программе — 15 номеров. Особый интерес вызвал первый заплыв на 100 метров в вольном стиле, в котором рекордсмен Европы Владимир Буре встретился с чемпионом Европы спортсменом из ФРГ Петером Ноке. И сразу же девять победных очков легли в копилку нашей команды. Не менее ярким был и другой заплыв на 100 метров — брассом, в котором второй лидер команды СССР, Николай Панкин, вел борьбу с Дэвидом Уилки. Панкин не смог обогнать именитого англичанина, но второе место не уступил никому. А ведь победа в Кубке складывается не только из завоеванных первых мест, но определяется суммой полученных очков. Советские пловцы завоевали три первых места (кроме победы Буре, они были первыми в эстафетах 4×100 метров, комбинированной и вольным стилем), а кроме того, заняли шесть вторых и четыре третьих призовых места. 125 очков обеспечили им первенство. Теперь Кубок Европы наполнен московской водой.

В. ВИКТОРОВ

Альберт ЛЕЙКИН

НА ХОККЕЙНОМ ЛУГУ

Советские спортсмены не стартовали до сих пор лишь в одном номере обширной олимпийской программы — хоккее на траве... Поздно мы обратили внимание на эту интересную игру, а когда хоккеисты испытали свои силы не на льду, а на траве, сразу же нашлись скептики, которые заявили, что летний хоккей нам не с руки. Но давайте познакомимся с новичком в нашем спортивном календаре.

Как мы уже знаем, его арена не лед, а луг. Слово «хоккей» подразумевает игру только на траве, потому что произошло оно от «хоккэ», что на галльском диалекте означало пастушью палку, с помощью которой пастухи овечьих отар гоняли по пастбищам мяч. Хоккей на траве — одна из самых древних игр. Историки доказали, что ей никак не меньше четырех тысяч лет: изображения людей с клюшками найдены на надгробье египетской пирамиды в районе Бени Хасана.

В программе Олимпийских игр хоккей на траве появился в 1908 году. На лондонском стадионе «Уайт-Сити» первый турнир провели команды шести стран, и олимпийское золото досталось хозяевам Олимпиады. Англичане повторили свой успех и через двенадцать лет в Антверпене, а в 1928 году, на третьем олимпийском турнире по хоккею на траве, произошла сенсация: золотые медали выиграли хоккеисты Индии! Да как выиграли! В пяти матчах с европейскими командами они забили 29 мячей и не пропустили ни одного. Через четыре года индусские хоккеисты снова стали чемпионами, разгромив в Лос-Анджелесе сборную США со счетом 24 : 1.

Команда кудесников хоккея, как часто называли индийских игроков за виртуозную технику, в финале берлинской Олимпиады в обстановке обструкции и враждебности со стороны нацистов (Гитлер приказал во что бы то ни стало доказать расовое превосходство и победить индийских хоккеистов) разбила команду Германии — 8 : 1.

Долго не признавали успехов команды Индии в Международной федерации хоккея на траве (ФИХ) англичане. Они считали себя сильнейшими и после 1920 года высокомерно отказывались участвовать в Играх. Но вот в 1948 году, когда Олимпийские игры проходили в Лондоне, им все же пришлось встретиться со сборной Индии, и все точки над «i» были расставлены: матч закончился 4 : 0 в пользу индийской команды, которая снова завоевала олимпийское золото.

До 1972 года продолжалось господство хоккеистов Индостанского полуострова на Олимпе (еще трижды побеждала команда Индии и два раза сборная Пакистана). И лишь в Мюнхене европейцам удалось добиться победы. В драматическом финале команда ФРГ выиграла у пакистанцев, а сборная Индии заняла третье место с тем, чтобы спустя год, на чемпионате мира, уступить первенство голландцам.

Неужели расцвет индийского хоккея позади? — задавали себе вопрос журналисты. И в марте этого года, на третьем чемпионате мира в Малайзии, они получили ответ на этот вопрос. Сборная Индии стала чемпионом мира, команда Пакистана — серебряным призером. Таково соотношение сил в мире летнего хоккея перед Олимпийскими играми в Монреале. Теперь в Международную федерацию хоккея на траве входят 73 страны.

— Все это хорошо, — скажет дотошный читатель. — Ну, а как идут дела у нас?

Начали мы заниматься летним хоккеем всего пять лет назад, а серьезно — только с прошлого года. Справедливости ради необходимо напомнить, что в середине пятидесятых годов была кратковременная попытка заняться травяным хоккеем и даже выставить команду на Олимпийские игры 1956 года в Мельбурне. Тогда кое-кто, видимо, рассудил, что поскольку у нас популярен хоккей с мячом на льду, а у него есть много общего с травяным хоккеем — игра ведется на примерно одинаковом по размеру поле, в каждой команде по одиннадцать игроков, схожи тактические построения, — то мы без особых усилий можем приобрести «спортивный капитал». Не тут-то было! Перед тем как принять решение об участии в мельбурнской Олимпиаде, проверили хоккеистов в двух матчах с сильной командой Польши, оба проиграли, и команду решено было в Австралию не посылать.

Так наступил продолжительный перерыв в развитии хоккея на траве. Правда, мы направили свою наскоро составленную сборную на чемпионат Европы 1970 года, но вернулись из Брюсселя без особых лавров. Вот после этого-то и было решено не торопиться и серьезно осваивать секреты нового для нас вида спорта, используя для этого прежде всего южные районы страны, где культивируются национальные игры, схожие с травяным хоккеем.

Такие игры есть в Таджикистане, Армении, Грузии. И вот пять лет работы по этому плану полностью себя оправдали. Особенно хорошее развитие получил «зеленый» хоккей в республиках Средней Азии и Закавказья. Телевидение и радио давно познакомили местную молодежь с ледяным хоккеем, и число желающих испытать свои силы в этой азартной игре быстро росло. А так как в тех местах почти круглый год греет солнце, то в травяных коврах недостатка не было.

Хоккей на траве пришелся как нельзя кстати. Сперва эта игра стала популярна в Армении, Азербайджане, Грузии, Узбекистане, Таджикистане, Казахстане, а теперь появились хорошие команды и в РСФСР, Латвии, Москве и Ленинграде. Видимо, не отстанет и Литва, где народная спортивная игра рипка сродни хоккею на траве.

Ныне более тридцати команд участвуют во всесоюзных соре-

На поле команды «Уральский трубник» и «Торпедо» — Сызрань (в белой форме).
Фото Ю. МОРГУЛИСА.

нованиях. В Москве, Ленинграде, Риге, Минске, Новосибирске в любое время года можно видеть мальчишек с клюшками для хоккея с шайбой. Ныне такую же картину можно наблюдать в Ереване, Андижане, Сумгаите, Алма-Ате и других городах, но с той разницей, что мальчуганы держат в руках клюшки травяного хоккея. Это ли не доказательство, что новый вид хоккея пришелся ко двору?

Недавно завершился шестой чемпионат страны. Пока у нас было только два чемпиона — «Динамо» (Алма-Ата) и «Волга» (Ульяновск). Алмаатинцы и волжане по три раза завоевали золотые медали. Волжане не удержали свое чемпионское звание прошлого года и заняли бронзовую ступень, а серебро досталось хоккеистам московского спортклуба «Фили», которым, видимо, надоело их традиционное третье место (пять раз!).

Всем трем призерам помогли международные встречи, которые возобновились после четырехлетнего перерыва. Советские хоккеисты выступали, и притом вполне

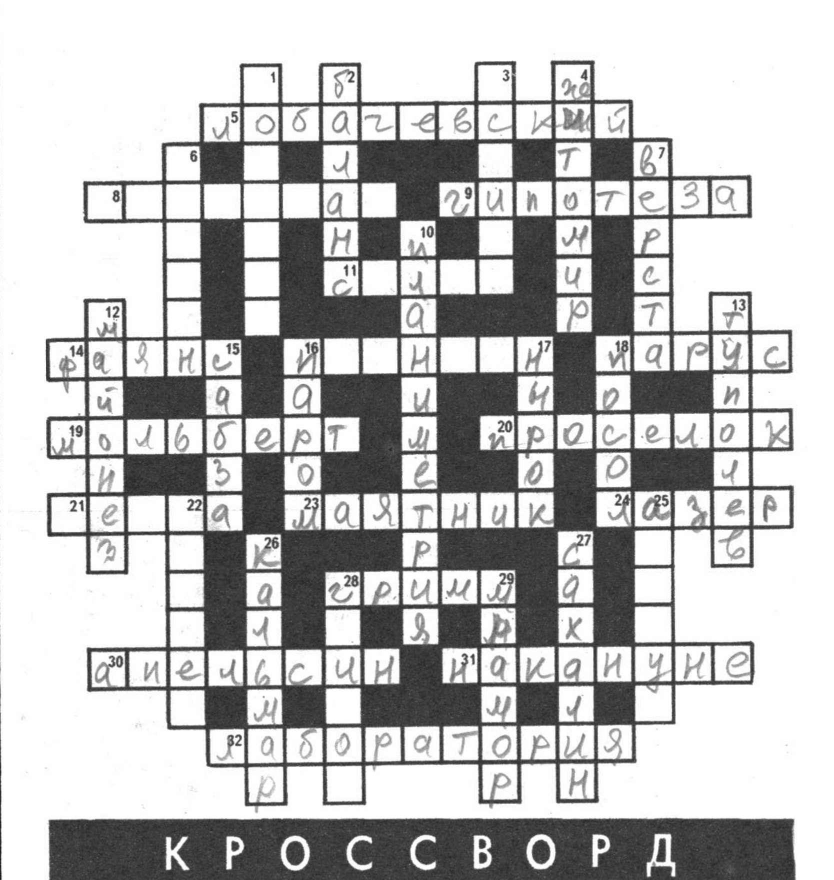
достойно — в Австрии — «Волга», в Югославии — «Динамо», в Польше — «Фили»,— и в общей сложности провели одиннадцать матчей — шесть побед, две ничьи и три поражения. Не подвели и дебютанты международных соревнований — юниоры. На турнире в Будапеште они стали третьими и привезли восторженные отзывы зарубежной печати.

В прошлом году в Алма-Ате с нашими хоккеистами и тренерами десять дней занимался наиболее авторитетный зарубежный тренер Хорст Вайн, с именем которого связан выигрыш командой ФРГ олимпийского золота. По возвращении домой он выступил по западногерманскому телевидению и опубликовал в журнале «Уорлд хоккей» статью. «Я впервые видел столь способных спортсменов, которые буквально как губка впитывали все новое. В сборную Европы, которую мне поручено готовить к матчу со сборной Азии, я бы взял Ионкина и Афанасенко. Серьезными и понимающими специалистами оказались и тренеры клубных команд. Если советские хоккеисты и впредь будут серьезно заниматься новым для них видом спорта и улучшат технику игры, то через пять-шесть лет они войдут в элиту мирового хоккея на траве». Эту же точку зрения выражали зарубежные специалисты, которые видели в июле нашу молодежную команду на турнире в Венгрии.

Нас радует такая оценка, но мы далеки от самообольщения. Хоккей на траве — игра сложная, своеобразная, и для того, чтобы ее освоить в совершенстве, опыта игры в хоккей на льду недостаточно. Она требует от спортсменов высокой координации, гибкости, сверхфутбольной выносливости (тайм в хоккее продолжается не 45, а 35 минут) и спринтерской быстроты. В отличие от ледяного хоккея в травяном пас требует особой точности, ведь газон не обладает столь идеальной поверхностью, как лед. Многие игроки еще не владеют клюшкой и поэтому не могут использовать своих преимуществ в скорости и атлетизме. Надо сказать, что клюшка хоккея на траве заметно отличается от клюшек «зимних». Одна сторона ее плоская, другая — выпуклая. Играть можно только плоской стороной. Часто задают вопрос, почему не сделать обе стороны клюшки плоскими. Но такая клюшка не выдержит удар по 165-граммовому мячу...

Недавно в адрес Всесоюзной федерации пришло письмо студенток Черновицкого университета. Они пишут о своем желании научиться играть в хоккей на траве и просят оказать им помощь. Женщины в хоккее? Нет, здесь нет ничего необычного. Представительницы прекрасного пола с успехом занимаются этим видом спорта в 33 странах, на всех пяти континентах. Наибольших успехов в международных соревнованиях добились в последние годы хоккеистки Голландии, ФРГ, Чехословакии, Англии, Аргентины, Новой Зеландии. Недавно МОК признал женский травяной хоккей олимпийским видом спорта. Удивляться этому не приходится: хоккей на траве — игра элегантная...

Сейчас все помыслы наших хоккеистов направлены на подготовку к Олимпиаде-80.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Русский математик. 8. Литовский духовой инструмент. 9. Научное предположение. 11. Химический элемент. 14. Вид керамики. 16. Деталь штампа для обработки металла. 18. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 19. Подставка для подрамника с холстом. 20. Картина А. К. Саврасова. 21. Река в Читинской области. 23. Регулятор в часовом механизме. 24. Оптический генератор. 28. Братья, авторы сборников немецких сказок. 30. Цитрусовое дерево. 31. Роман И. С. Тургенева. 32. Помещение для научных опытов и исследований.

По вертикали:

1. Кондитерское изделие. 2. Равновесие. 3. Герой кельтского народного эпоса. 4. Областной центр на Украине. 6. Воинское звание. 7. Старая мера длины. 10. Часть элементарной геометрии. 12. Соус-приправа. 13. Советский авиаконструктор. 15. Сорт изюма. 16. Средство для переправы. 17. Водоплавающая птица. 18. Дипломатический ранг. 22. Выдающийся советский фильм. 25. Одна из самых ярких звезд северного полушария неба. 26. Морской моллюск. 27. Остров у восточного берега Азии. 28. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». 29. Кристаллическая горная порода.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали:

7. Ермолова. 8. Оренбург. 9. Котангенс. 12. Клиника. 13. Снегирь. 14. Парик. 16. Ваза. 17. Трап. 18. Новак. 19. Инари. 20. Япет. 22. Кума. 24. Олово. 27. Уланова. 29. Палермо. 30. Маковский. 31. Керамика. 32. Анатомия.

По вертикали:

1. Перкарина. 2. Кириллица. 3. Молома. 4. «Касатка». 5. Чонгури. 6. Теннис. 10. «Мизантроп». 11. Вертикаль. 14. Плато. 15. Конго. 21. Планиметр. 23. Маргарита. 25. Лимонад. 26. Верстак. 28. Адажио. 29. Привал.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Член Президиума Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, знатный строитель Н. А. Злобин.

Фото Дм. Бальтерманца

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Под всеми парусами...

Фото В. Сальмре

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-28; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 4/VIII — 1975 г. А 00619. Подп. к печ. 19/VIII — 1975 г. Формат 70×108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1996. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 963.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ТАЙНА ВОЛОГОДСКОЙ ВЕЛЮШКИ

Г. СМЕТАНИНА

Фото Б. КУЗЬМИНА

Если вас, читатель, привлечет в магазине сувениров кружевная пелерина из сурового льна или торжественный черный палантин, скромный кружевной воротничок в паре с манжетами или сухарница, а на голубой этикетке вы увидите белую снежинку — марку вологодского кружевного объединения,— обратите внимание на одну деталь: рядом со Знаком качества всегда стоит личное клеймо мастера.

Если четырнадцатый номер — это работа Нины Ивановны Васильевой. Хрупкая, тоненькая, живые глаза смотрят мягко, внимательно, а работа у нее не из легких: уж очень большой собранности, внимания, усидчивости требует она. И значит, есть что-то героическое в этой работе, если присвоено Васильевой звание Героя Социалистического Труда.

Изделия Нины Ивановны можно отличить и без личного клейма: есть в них та неповторимая прелесть, что является приметой истинного искусства...

...На пяльцах — овальные белые подушки, а из-за каждой нет-нет да мелькнет лукаво вопрошающий взгляд молоденькой мастерицы. И снова все внимание работе. Около тридцати человек в цеху, и целый день сопровождает их работу праздничный перезвон коклюшек.

Здесь плетут вологодские кружева. К подушке прикреплен на картоне «сколок» — рисунок будущего изделия. В каком-то одной кружевнице заметном месте начинают заплетать узор, а потом он уже вьется, плетется, и на глазах рождается красота несказанная!

Мелькают веером оттянутые коклюшки с нитями, непрестанно, с каждым новым изгибом рисунка рукой и коленом чуть подбрасывается и поворачивается подушка, крючком подцепляется нить и соединяется с извивающейся велюшкой — основным и самым характерным для вологодского кружева узором. И если еще можно проследить, как туго и плотно, прибавляясь одна к другой, ложится сама нить, то уж совершенно невозможно заметить, как снуют при этом руки, когда и как успевают перебросить, перекатить они с сустава на сустав поющие коклюшки! Я смотрю и на нитку, и на пальцы, и на лицо мастерицы — она вроде полностью сосредоточена, но и взглянуть поверх кружев успевает и еще разговаривает с тобой. А кружево растет и растет.

Руки Нины Ивановны гибки, изящны и разработаны, как у музыканта-виртуоза. Кажется, все им легко дается, без усилий.

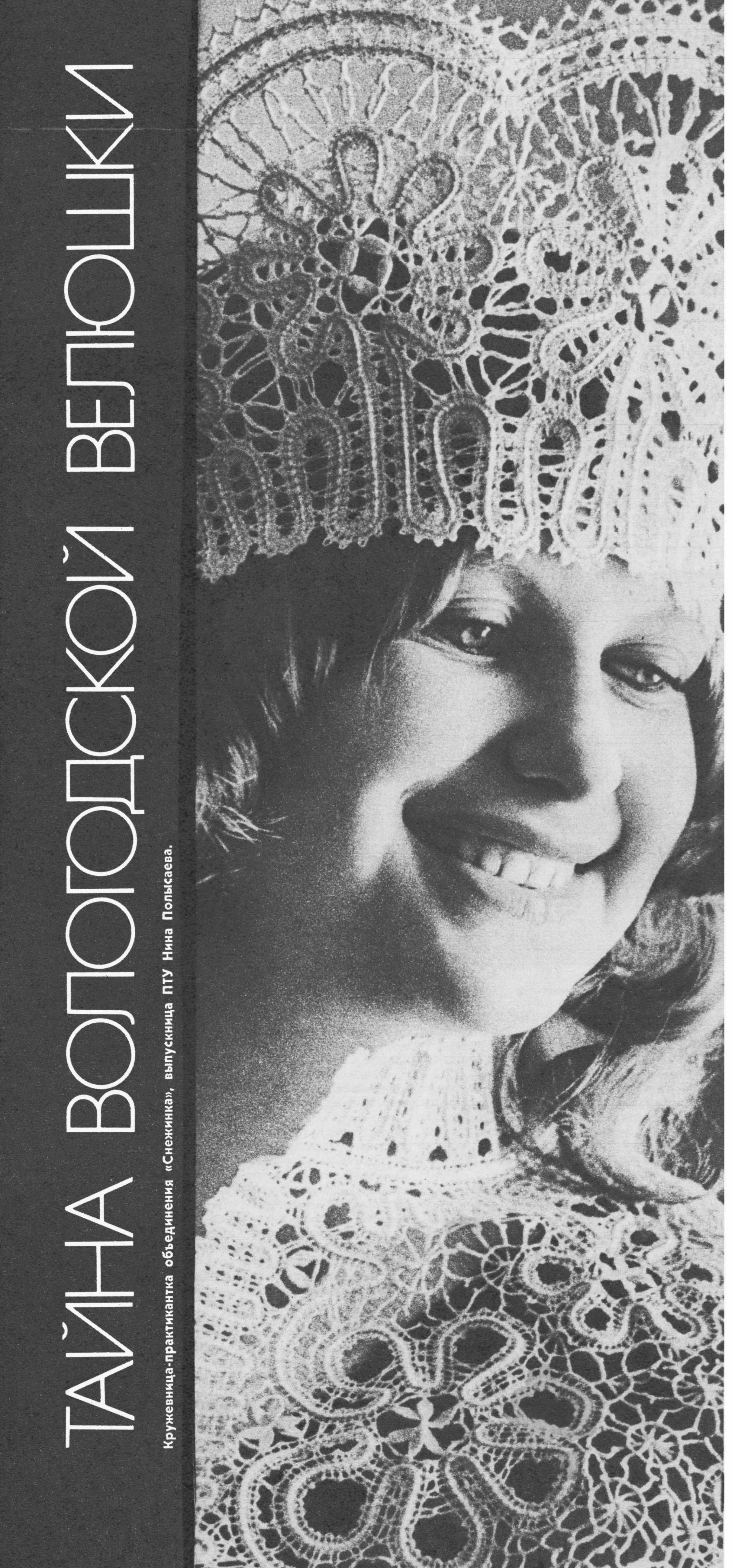
— У нас в Пронине, в пятидесяти километрах от Вологды, на берегу Кубенского озера, в старину все плели,— рассказывает Нина Ивановна.— Мужчины рыбачили, а женщины, девицы и даже мальчишки плели. Меня мать лет с десяти усаживала. Бывало, такое наплетешь— не поймешь, как и распутать. И учила-то одна мать. Не то что сейчас у нас в училище: девочкам и технологию объясняют, и композицию они изучают, и живопись, и рисунок, и в музеи и на выставки ходят: вкус развивают. А потом полгода практики в цехах: каждая к опытному наставнику прикреплена. Все изделия перепробуют, да и сами, кто способный, узоры сочиняют. Мы даже несколько дипломных работ в производство приняли.

И вообще за последние годы больше стали ценить наше мастерство. А то ведь были годы, когда забываться стало это искусство. Одни пожилые плели, и то больше мерное кружево, а не штучное, не сцепное, а молодежь совсем отстранилась, другие специальности искала, да иные и сказать стеснялись, что кружево плетут. Боялись пренебрежительные слова о своей профессии услышать. А дело-то самое прекрасное — красоту творить! Уж так сложилось у нас в Вологодской области, что в деревне парни механизаторами остаются, зарабатывают хорошо, а девушек мало! Правильно ли это? Директора совхозов и председатели колхозов даже просили, чтобы в сельских местностях побольше было учебных пунктов и отделений кружевниц. По области и сейчас трудятся сотни надомниц. Наши кружева везде спрашивают, нарасхват они. Сейчас многие, кто раньше поменял профессию, возвращаются в объединение. Да и сама я перед войной, в тридцать девятом, курсы шоферов окончила. АМО, да трехтонки, да полуторки всю войну водила... Лен возила... А как дочка родилась, снова плести потянуло. Я и не устаю вроде, отдыхаю за кружевом... Чего только не плела за свою жизнь: накидки, покрывала, салфетки, воротнички, шарфы, кружевные палантины, кофты, косынки, даже чулки и перчатки. Людмиле Пахомовой платье мы плели.

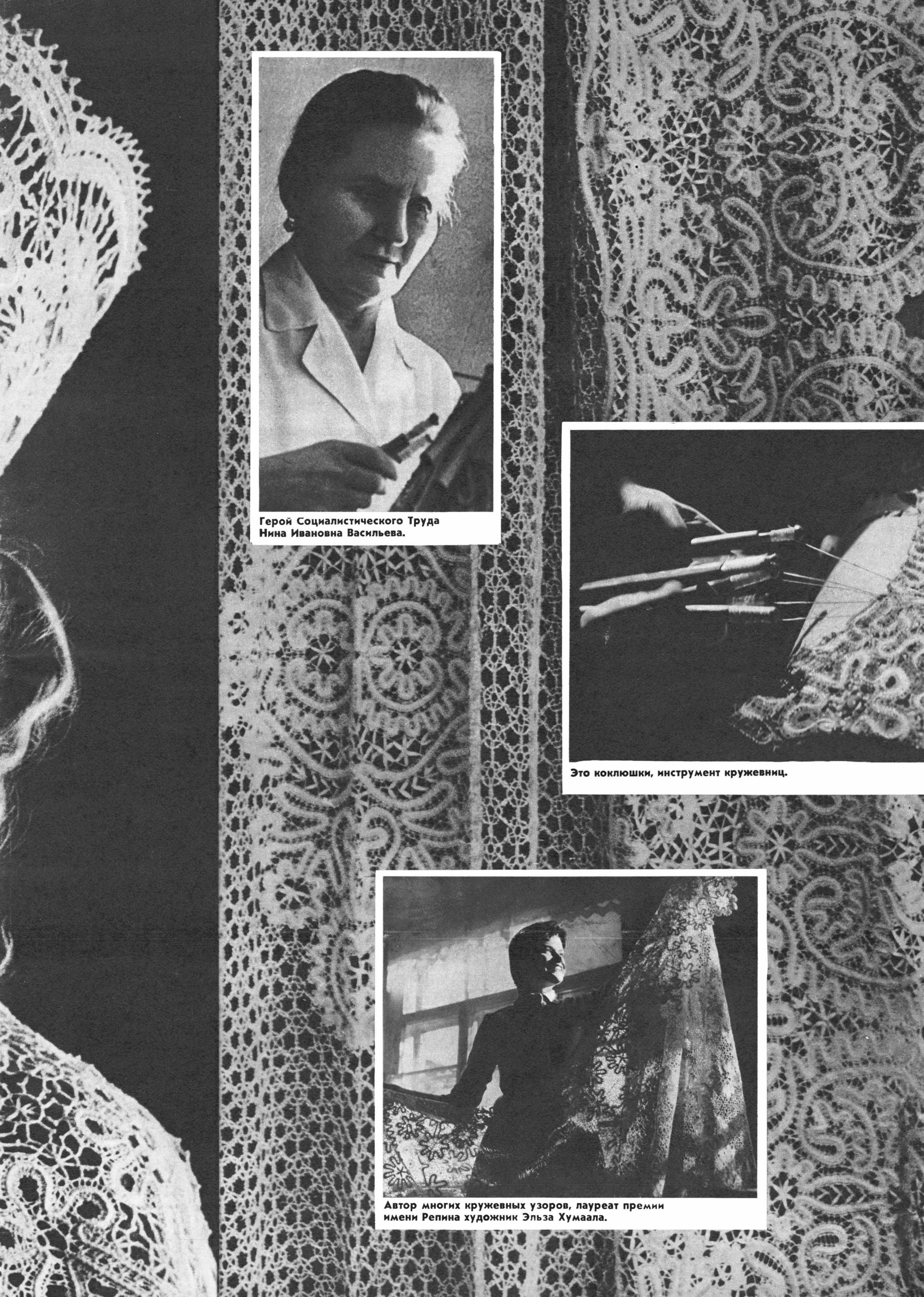
А возьмите скатерть «Веселая деревня» — так она и в Манеже экспонировалась и на международных выставках премии получала. Узор для нее придумал не специалист-художник, а тоже наша мастерица — Морозова. Дважды «Веселую деревню» повторяли — в 1971 и в 1972 годах: бабы там стоят веселые, два гармониста, птички поют, солнце светит! Плели для выставок и панно нашей художницы Виктории Николаевны Эльфиной «Частушки» и для Лейпцига сарафан сверкающий, праздничный — молодой художницы Эльзы Хумаала, он там премию получил. «Ладьи» Веры Дмитриевны Веселовой — она у нас 40 лет работает! — побывали и в Монреале, и в Брюсселе, и в Осаке, и в Генуе. Да разве перечислишь все города, где мы высшие награды получали! Иные кружева человек пятнадцать плетут одновременно. А какой кусок чей, не отличишь...

Кружево из льна вечно. Ему сноса нет. И передается красота из поколения в поколение, неся людям радость рукотворную.

Вологда.

Кружевница-практикантка объединения «Снежинка», выпускница ПТУ Нина Полысаева.

Герой Социалистического Труда
Нина Ивановна Васильева.

Это коклюшки, инструмент кружевниц.

Автор многих кружевных узоров, лауреат премии
имени Репина художник Эльза Хумаала.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663